

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Сулимова Мария Геннадьевна

**АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. КЕСТНЕРА**

Специальность 10.02.04 - германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
к.ф.н. доцент Носова Е. Г.

Москва, 2014

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Традиции описания немецкого фразеологического фонда, современное состояние фразеологии в германистике, проблемы изучения и описания авторской фразеологии	12
1. Развитие и традиции описания немецкой фразеологии	12
2. Фразеология в немецком художественном тексте: история изучения	38
3. Актуальные проблемы описания авторской фразеологии и общая характеристика фразеологического состава произведений Эриха Кестнера	49
Глава 2. Состав и функции используемой фразеологии	61
Функции идиом и паремий	61
1. Текстовые функции идиом	61
1.1. Коммуникативная функция: фатическая подфункция	61
1.2. Конативная функция	63
1.3. Когнитивная функция	64
1.3.1. Когнитивная функция: аксиологическая подфункция	64
1.3.2. Когнитивная функция: номинативная подфункция	66
1.4. Эмотивная функция	71
2. Textoобразующие функции идиом	76
2.1. Собственно текстообразующая функция	77
2.2. Концептообразующая функция	83
2.3. Стилиобразующая функция	89
Глава 3. Модификации фразеологических единиц в прозе Э. Кестнера	99
1. Виды фразеологических модификаций	99
2. Структурные преобразования фразеологических единиц	106
2.1. Расширение	106

2.2. Замены	109
2.3. Усечения в составе фразеологизма	113
2.4. Грамматические трансформации	114
3. Семантические модификации	118
3.1. Буквализация	118
3.2. Метафоризация	126
3.3. Контаминация	129
3.4. Нарушение сочетаемости	131
3.5. Актуализация	133
4. Стилистические модификации	135
Заключение	137
Перечень принятых сокращений	143
Библиография	144

Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию авторской фразеологии в прозе Э. Кестнера. Анализ проводится на основе систематизации и развития идей А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Под авторской фразеологией понимаются «те специфические особенности использования идиом, которые присущи данному писателю и выделяют его среди других носителей языка» [Баранов, Добровольский: 496].

За последние десятилетия было проведено множество исследований авторской идиоматики, в которых на материале конкретных идиостилей выделялись различные частные текстовые и текстообразующие функции. Среди них описание А.Г. Балакаем фразеологии И.С. Шмелёва, М.В. Попковой предметных фразеологизмов в мемуарах Г. Иванова, исследование М.А. Фокиной авторской фразеологии А.М. Ремизова, А.Н. Барановым – идиоматики А.С. Пушкина, Д.О. Добровольским – идиоматики Ф.М. Достоевского, И.Г. Сагирян – трансформированных фразеологизмов в произведениях М.А. Булгакова. Из зарубежных исследований можно назвать работы Ален Кристоф по фразеологии Стефана Цвейга, Николь Браво – исследование на материале произведений Бертольта Брехта.

Актуальность исследования определяется возрастающим в последние годы интересом лингвистов к функционированию фразеологических единиц¹ в авторской речи, а также к разработке критериев устойчивости идиом в немецком языке и их модификациях. Отсутствие единой терминологии в этой сфере создаёт необходимость подробного описания формального и семантического варьирования идиом. Анализ фразеологии на материале ограниченного по объёму и авторскому методу корпуса текстов позволяет увидеть различные аспекты её функционирования и определить

---

¹ Далее – ФЕ.

необходимые направления дальнейших исследований.

Научная новизна работы состоит в описании функционирования фразеологических единиц в текстах разных жанров одного автора: текстообразующие функции рассмотрены в контексте творчества писателя, а трансформации фразеологизмов описываются с учётом их макроконтекстуальных связей. Исследование ориентировано на группу текстов, вследствие чего при описании учтены различные аспекты, в том числе такие экстралингвистические факторы, как особенности авторской интенции и адресата каждого произведения. Впервые проведено комплексное исследование авторской фразеологии, опирающееся на стилостатистический подход, что даёт возможность обоснованно говорить о детерминированности стилистических явлений экстралингвистическими факторами.

Объектом исследования является фразеология художественных текстов Э. Кестнера как одно из стилеобразующих речевых средств и её дискурсивные характеристики.

Предмет исследования – структурно-семантические свойства, характер преобразований и функционирование фразеологизмов в текстах Э. Кестнера разных жанров, а также взаимосвязь стилистических и жанровых категорий.

Материалом исследования послужил фразеологический фонд немецкого писателя Э. Кестнера (1899—1974), а именно 635 ФЕ (в том числе 309 идиом, 40 паремий и 57 соматизмов), функционирующих как в узуальном, так и в трансформированном виде, выделенных методом сплошной выборки.

Чтобы представить наиболее цельную картину авторского стиля писателя, были рассмотрены произведения, адресованные читателям разного возраста и социального положения, а именно:

1) социально-критический роман „Fabian“ (1931), написанный для взрослого читателя и посвящённый проблемам человека и общества на исходе Веймарской республики. Персонажи – современники Кестнера, а

изображаемый им мир охватывает всё множество «миров» немецкого общества того времени: от среды университетской профессуры и богемных вечеров до уличных сцен и публичных домов;

2) „Kriegstagebuch“ – тайный дневник времён Второй мировой войны, впервые опубликованный в 2006 году и вошедший вместе с набросками к роману о Третьем Рейхе в издание „Das Blaue Buch“. Оно названо так по цвету переплёта блокнота, в котором писатель вёл заметки с января 1941 года. Свою основную задачу Кестнер видел в фиксации «важных деталей военных будней», которые он собирался использовать в том же романе. Не имевший обыкновения вести дневник, писатель дважды бросал свои записи, и позже снова возвращался к ним: в начале 1943 и 1945 годов [Bülow 2006: 296—308]. „Kriegstagebuch“ – единственный сохранившийся дневник Кестнера, представляющий большой интерес и для почитателей творчества писателя, и для исследований его авторского стиля. Выбор названия (*Kriegstagebuch* – «журнал военных действий») неслучаен и отсылает к жанру военной документации, распространённому в то время и предполагавшему объективную фиксацию событий. Убеждённый пацифист, Кестнер тем самым дистанцируется от описываемого и занимает позицию бесстрастного очевидца. Таким образом, название указывает на специфику текста, являющегося не личным дневником, а заметками профессионального журналиста;

3) юмористическая повесть „Drei Männer im Schnee“ (1934), сюжет которой строится на переодеваниях и недоразумениях, своеобразная «сказка для взрослых»;

4) „Die Schule der Diktatoren“ (1957) – комедия, остро критикующая диктаторские режимы;

5) роман „Emil und die Detektive“ (1929), написанный под влиянием новых педагогических тенденций и движения *Reformpädagogik* в манере, не типичной для детской литературы того времени;

- 6) детская повесть „Das fliegende Klassenzimmer“ (1933) о приключениях гимназистов закрытого интерната накануне рождественских каникул;
- 7) детская повесть „Das doppelte Lottchen“ (1949) о девочках-близнецах, разлученных родителями (Кестнер стал первым автором послевоенного времени, который затронул тему развода в детской книге и вызвал тем самым оживлённую дискуссию о детской литературе).

Язык произведений Кестнера максимально приближен к языку современников. Автор не ставит перед собой цель создать интеллектуальный роман в духе Томаса Манна или Германа Гессе, как и не стремится зафиксировать бессвязное самовыражение по примеру экспрессионистов. По мнению большинства исследователей, стиль Кестнера окончательно сформировался уже к началу 1930-х годов, он «вторит тону среды, тону людей, с которыми говорит»².

В своих произведениях Э. Кестнер следует эстетическим критериям литературного направления «Новая вещественность» (*Neue Sachlichkeit*, другие варианты русского перевода названия «Новая деловитость», «Новая предметность», «Новая вещность»). Это художественное направление немецкого искусства, пришедшее в 1920-х годах на смену экспрессионизму, стало ведущим стилем 1920-х и начала 1930-х годов в изобразительном искусстве и в литературе Германии. «Новая вещественность» возникает как отрицание экспрессионизма ([Андреев, Самарин 1969: 227]), а её отдельные черты напрямую восходят к натурализму. Это «своеобразное, оригинальное культурное течение, которое выходит за рамки живописи и поэзии и становится ведущим стилем двадцатых годов»³ [Peuckert 1987: 167], философская цель которого – «радоваться предметному», отказаться от

² „[T]rifft den Ton des Milieus, den Ton der Menschen, die er ansprechen will“. Bossmann, Reinaldo: „Erich Kästner. Werk und Sprache“. S. 76. Цит. по: Beutker, Kurt, „Erich Kästner. Eine literaturpädagogische Untersuchung“.

³ „[E]igene, originäre kulturelle Strömung, die sich über Malerei und Dichtung zum prägenden Stil der zwanziger Jahre ausbildete“. Цит. по: Sabine Bäcker. Band 1: Die Ästhetik der neusachlichen Literatur (1920—1933). Köln 2000. S. 46.

принципиальной для экспрессионизма тенденции к одухотворению мира [ср. Bäcker 2007: 53].

Писатели «Новой вещественности» определяли эстетику своего творчества как эстетику точности, основанной на реальности, и следовали в произведениях реалистической концепции. Тексты создавались в стилистике репортажа или сводки новостей, применялась техника монтажа. Авторы стремились достичь документальной точности и тем самым преодолеть эстетическую автономность художественной литературы, создав новую «литературу потребления» (*Gebrauchsliteratur*) [ср. Bäcker 2007: 53]. Произведения должны были отвечать потребностям их «потребителя». Так, во введении к сборнику стихов «Домашние проповеди» (*Hauspostille*, 1926) Бертольт Брехт подчёркивал: «Этот сборник проповедей предназначен для использования читателями»⁴. Авторы разрабатывали новый, всем понятный и доступный язык, который должен был по возможности точно передавать реальность. При этом многие из них занимались одновременно литературной и публицистической деятельностью, как, например, Эрих Кестнер, Курт Тухольский, Эгон Эрвин Киш.

Цель диссертационного исследования – изучить функционирование фразеологических единиц, их свойства и функции на примере нескольких произведений разных жанров одного писателя. В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих задач:

- 1) обобщить и систематизировать результаты исследований в области фразеологии,
- 2) описать и дать оценку основным подходам к описанию авторской фразеологии в германистике,

---

⁴ „Diese Hauspostille ist für den Gebrauch der Leser bestimmt“.

- 3) выявить актуальные для немецкоязычной литературы приёмы использования фразеологии в художественных текстах, а также особенности её функционирования,
- 4) определить особенности употребления фразеологических единиц в произведениях Э. Кестнера,
- 5) рассмотреть характерные для произведений Э. Кестнера способы модификации фразеологических единиц.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы и приёмы** исследования материала: аналитико-описательный метод, включающий анализ отечественных и зарубежных исследований по авторской фразеологии; лингвостилистический анализ языкового материала с последующей классификацией и систематизацией полученных результатов; стилостатистический метод; метод сплошной выборки.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке типологии фразеологических модификаций, а также нового подхода к словарной статье во фразеологическом словаре. Дискурсивный анализ фразеологизмов в произведениях одного автора способствует углублению научного представления о процессах образования фразеологических единиц и их функционировании в речи.

Практическая ценность: теоретические выводы и примеры настоящего исследования могут быть использованы для структурирования статей лексикографических и фразеографических словарей, а также при разработке критериев поиска по лингвистическим корпусам. Кроме того, они могут служить материалом для спецкурсов и спецсеминаров по культурологическим аспектам языка, для курсов лексикологии (раздел «Фразеология») и стилистики немецкого языка (раздел «Поэтические тропы и фигуры речи»), для семинаров по теории и практике перевода и для практических занятий по современному немецкому языку в высшей школе.

Апробация результатов исследования проводилась во время научной

стажировки в Берлинском университете им. Гумбольдтов в 2010 г. (Германия) и в университетах городов Бремен и Гамбург (Германия) с октября 2011 по август 2013 гг. Основные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2008—2014 гг.), а материалы исследования использовались при проведении практических занятий по современному немецкому языку на филологическом факультете, а также в Русско-германском институте науки и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (2008—2011 гг.). Предварительные результаты исследования были изложены в докладах на Днях науки в МГУ имени М.В. Ломоносова (2006—2008 гг.), на съездах Российского союза германистов (2009, 2011 гг.) и съезде Международного союза германистов (IVG, 2010 г.), а также на ряде других конференций: Международный симпозиум «Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме» (Четвёртые Жуковские чтения), Великий Новгород, 2009 г.; Международная научная конференция молодых ученых «Молодежь в науке – 2009», Минск, 2009 г.; Международный лингвокультурологический форум «Язык и культура: мосты между Европой и Азией», Хабаровск, 2009 г., «Научное наследие Владимира Григорьевича Адмони и современная лингвистика», Санкт-Петербург, 2009 г. По материалам исследования опубликованы двенадцать статей и тезисов, в том числе три статьи в изданиях, рекомендованных ВАК.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существует определённая зависимость функций фразеологизмов от жанровых характеристик текста, а также авторской интенции и целевой аудитории.
2. Формальные, семантические и формально-семантические трансформации идиом и паремий являются характерным авторским приёмом Э. Кестнера.

3. В произведениях для взрослой аудитории решающим фактором для использования фразеологии оказывается её стилистический потенциал и возможность языковой игры.

4. В произведениях для детей писатель руководствуется принципом наглядности, и большинство используемых ФЕ сопровождаются авторским метаязыковым комментарием.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии (более 150 наименований работ отечественных и зарубежных исследователей).

Глава 1. Традиции описания немецкого фразеологического фонда, современное состояние фразеологии в германистике, проблемы изучения и описания авторской фразеологии

1. Развитие и традиции описания немецкой фразеологии

Первым фразеологизмом, встречающимся в немецком художественном тексте, считается парная формула *orte wider orte*, зафиксированная в «Песне о Гильдебранте» (IX в.). Можно констатировать, что фразеологическая система начинает складываться уже на древнем этапе развития языка. Фразеологическое богатство современных европейских литературных языков восходит, согласно Вольфгангу Мидеру, к наследию античной словесности, фольклору и Библии [Mieder 1975: 65]. Интересно проследить, как развивался и осмыслялся фразеологический состав немецкого языка.

Уже в древневерхненемецкий период фразеологические единицы осознавались как отдельный тип единиц языка. Первыми собирателями пословиц и поговорок стали авторы, писавшие на древневерхненемецком языке и обратившие внимание на фразеологию как средство художественной выразительности. Самым ранним «собранием» паремий⁵, дошедшим до наших дней, является собрание Ноткера (XI в.). Список из двенадцати фразеологических единиц дополнял его труд „*De partibus logicae*“. В средневерхненемецких текстах зафиксировано немного пословиц и поговорок; отдельные примеры из поэзии Вольфрама фон Эшенбаха или Шперфогеля являются скорее исключениями. Это объясняется тем, что представители куртуазной культуры противопоставляли себя «низкой» народной мудрости и старались не использовать народный язык. Напротив, для авторов социально-политических стихов (шпрухов), сменивших миннезингеров, фразеология представляла большой интерес, поскольку их

---

⁵ Здесь и далее термин *паремия* используется для обозначения пословиц, о термине *пословица* см. с. 43.

аудиторией являлись широкие народные слои. В целом же литература Средних веков, тяготевшая к поучительным сентенциям и популяризации христианских ценностей, оказалась благодатной почвой для пословиц и поговорок, многие из которых зафиксированы как в литературных, так и в фольклорных текстах. Их распространению способствовали не только поэты, но и проповедники, а также церковно-приходские школы. Расцвет паремий приходится на XVI в. [ср. Mieder 1975: 65].

Автором первого значительного собрания латинских пословиц и поговорок стал Эразм Роттердамский. Его книга „*Adagiorum collectanea*” была издана впервые в 1500 г. (доработанное издание 1508 г. носило уже другое название — „*Adagiorum chilades*“, сохранившееся вплоть до последних изданий 1536 г.). К последнему изданию число глосс достигло 4151. Некоторые толкования довольно короткие; другие, напротив, занимают несколько страниц, как, например, толкование пословицы *Dulce bellum inexpertis* (война сладка для того, кто её не изведal) или *Herculei labors* (Геркулесов труд). Влияние труда Эразма на западноевропейских составителей словарей латинского и национальных языков было так велико, что в обиход различных европейских языков начинают в большом количестве входить калькированные выражения из латинского и греческого. Даже отдельные ошибочные толкования гуманиста закрепляются в обиходе: знаменитый *ящик Пандоры* (ср. англ. *Pandora's box*, фр. *boîte de Pandore*, но нем. *die Büchse der Pandora*) является неверно переведённым греческим пифосом, принятым Эразмом за *pyxis* «ящик».

Первым сборником паремий на материале германского языка стало изданное в 1546 г. собрание пословиц и поговорок Джона Хейвуда, племянника сэра Томаса Мора, составленное по примеру словника Эразма Роттердамского („*Dialogue Conteynyng ... Prouerbs*“), и последовавшее за ним собрание крылатых выражений („*Epigrammes upon ... Prouerbs*“, 1550—1562 гг.) [Doyle: 1079; Mieder 1975: 65—67].

XVI в. — расцвет немецкой гуманистической и дидактической литературы, в этот же период возрастает употребление пословиц и поговорок в немецкоязычной литературе. Ими богаты произведения Ганса Сакса, Себастьяна Бранта, Иоганна Фишарта, Томаса Мурнера и других гуманистов. Первый сборник немецких пословиц и поговорок был составлен Иоганном Агриколой в 1529 г. („Drey hundert Gemeynes Sprichwörter / der wir Deutschen uns gebrauchen / und doch nicht wissen woher sie kommen“). Мартин Лютер составил перечень пословиц и поговорок для личного пользования: его собрание насчитывает 489 примеров и свидетельствует о значении, которое реформатор придавал этим языковым единицам. С этого же времени пословицы и поговорки стали включать в состав немецких словариков, обозначая их как *metaphoricae phrasas* или *verbliimte Wörter* (иносказательные слова), как это сделано, например, в словаре Петри 1604—1605 гг.

Такие собрания пословиц и поговорок составлялись в первую очередь проповедниками и учителями церковно-приходских школ. Показательно, что первые описания и собрания фразеологии выполнялись в сугубо практических целях: прежде всего для риторов, составления речей, написания трактатов и других прикладных целей. Интерес к ним как к важному стилистическому средству был вызван потребностью строить эффектную риторическую аргументацию в дискуссиях и дидактических текстах на народном языке в эпоху Реформации (XVI в.).

В XVII в. пословицы и поговорки продолжали оставаться популярными, причем они не только широко используются в художественных произведениях ведущих авторов того времени (таких как Мошерош, Гриммельсгаузен, Грифиус), но и привлекают внимание деятелей языковых обществ того времени, описывающих словарное богатство немецкого языка. Первой подробной немецкоязычной работой, посвящённой паремиям, стал трактат Юстуса Георга Шоттелиуса „Von den Teutschen Sprichwörtern und anderen Teutschen Sprichwörtlichen Redarten“, приложенный к его

исследованию „Ausführliche Arbeit Von der Teutschen Haupt-Sprache“ (1663).

Всплеск интереса филологов-германистов к устному народному творчеству и в том числе языковому богатству, представленному в немецком фольклоре, связан с эпохой романтизма и именами деятелей романтической школы, а также их последователей. Необходимо отметить, что собранный паремиологический материал не подвергался какой-либо научной обработке и тем более систематической лексикографической классификации (см. словарь Вандера 1867—1880 гг. [Deutsches Sprichwörter-Lexikon]). Имели место отдельные попытки сформулировать и использовать для классификации дифференциальные признаки пословиц и поговорок (см. словарь Айзеляйна 1840 г. [Die Sprichwörter und Sinnreden]). Таким образом, Несмотря на отдельные усилия классифицировать пословицы и поговорки, разграничить их или выработать принципы для различения видов устойчивых словосочетаний, нельзя говорить о том, что лексикографы разрабатывали принципы систематизированного описания фразеологии.

Особняком стоит исследование Ф. Зейлера «Немецкая паремиология» („Deutsche Sprichwörterkunde“), опубликованное в Мюнхене в 1922 г. [Seiler]. В работе собран богатый фактический материал (пословицы, поговорки, парные сочетания), а также сделан ряд ценных теоретических обобщений, касающихся структуры пословиц и присущих им выразительных средств. Ряд выводов по структуре и семантике основных разрядов фразеологии, этимологические исследования и инвентаризация лексикографического аппарата актуальны и для современной лингвистики [подробнее см. Чернышёва: 9—10].

Итак, мы видим, что на протяжении нескольких столетий шло накопление лингвистического материала. в первую очередь, он использовался на практике в дидактических целях. За редким исключением, систематизации и анализу этот материал не подвергался.

Так же и в русском языке можно обнаружить интерес к происхождению

устойчивых словосочетаний и попытки истолковать их внутреннюю форму уже в первых хрониках и летописях, средневековых словарях, опытах лексикографического описания библейских текстов, учительской литературы, патериков, житий и тому подобное [Вальтер, Мокиенко: 5]. Хотя составлялись списки пословиц и поговорок, другие виды устойчивых словосочетаний – идиомы, коллокации, синтаксические фразеологизмы – как правило, не фиксировались.

Фразеология как раздел лингвистики начала формироваться в XX в. Термин «фразеологизм» был впервые употреблён швейцарским лингвистом Шарлем Балли в монографии «Общая лингвистика и вопросы французского языка» в контексте исследований по стилистике. Российская традиция фразеологических исследований связана, прежде всего, с именем академика В.В. Виноградова, предложившего в 1940-е годы классификацию фразеологизмов, восходящую к концепции Ш. Балли. Впервые в мировой лингвистике были предложены определения ключевых понятий фразеологии, а также сделана попытка описать её объём и основные задачи.

Концепция академика В.В. Виноградова изложена в его статье «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке». Учёный разграничивает свободные и связанные словосочетания, при этом основное внимание уделено степени синтаксической связанности компонентов: «В одних словесных объединениях синтаксическая расчлененность является **данной**, активно выраженной современными средствами синтаксиса, в других – лишь этимологически **отражённой**, воспроизводящей старую языковую технику словесной связи. Одни синтаксические отношения свободно **производятся**, другие лишь по традиции **воспроизводятся**» [Виноградов 1977]. Для проведения структуралистских наблюдений над активными категориями живой грамматической системы В.В. Виноградов считает необходимым семантический анализ несвободных фразеологических групп в составе языка.

Согласно классификации В.В. Виноградова выделяются три основных типа фразеологических единиц:

1) фразеологические сращения (устойчивые сочетания слов, не мотивированные внутренней формой – *точить лясы, ничтоже сумняшеся*);

2) фразеологические единства (устойчивые сочетания слов с прозрачной внутренней формой – *подливать масла в огонь, вынь да положь*);

3) фразеологические сочетания (выражения, в которых одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – во фразеологически связанном, ср. *корень зла, принимать меры, одержать победу, радость обуяла*, где слова *зло, меры, победа* и *радость* сохраняют своё прямое значение, а слова *корень, принимать, одержать* и *обуять* реализуют фразеологически связанные значения) [Виноградов 1977].

В.В. Виноградовым не упоминаются и не выделяются в особые классы пословицы и поговорки. Судя по примерам, приводимым В.В. Виноградовым, поговорки типа *как бы не так* попадают в класс фразеологических сращений, а поговорки типа *час от часу не легче* входят в класс фразеологических единств. Не рассматривались в работах В.В. Виноградова и грамматические фразеологизмы.

Исследования В.В. Виноградова определили развитие фразеологии и в русистике, и в других частных лингвистиках. Частично его концепция была заимствована и за рубежом. В других известных работах теория В.В. Виноградова модифицировалась и развивалась. Н.М. Шанский продолжил разработку предложенной Виноградовым концепции и добавил к существующей классификации группу **фразеологических выражений**, под которыми понимались, с одной стороны, пословицы типа *хрен редьки не слаще, волков бояться – в лес не ходить*, а с другой – номинации типа *высшее учебное заведение*. Первые назывались «фразеологические выражения коммуникативного характера», а вторые – «фразеологические выражения номинативного характера». Фразеологические выражения – это «устойчивые

в своём составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [Шанский: 44]. Последнее вызывает у современных исследователей определённые вопросы. Действительно, выражения типа *высшее учебное заведение* соответствуют этим критериям, но поговорки *хрен редьки не слаще* и *волков бояться – в лес не ходить* явно переинтерпретированы семантически, то есть значения этих выражений не складываются из прямых «свободных» значений составляющих их слов [ср. Баранов, Добровольский: 11].

В 1950-х гг. в основном исследовались вопросы сходства и различия фразеологизма и слова, а также сочетания слов; проблематика фразеологии ограничивалась выяснением критериев фразеологичности и уточнением основ классификации фразеологизмов. В конце 1950-х гг. шла разработка системного подхода к проблемам фразеологии. Исследовались аспекты описания структурно-семантической организации фразеологических единиц (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова). 1960-е гг. характеризуются интенсивной разработкой собственно фразеологических методов исследования объектов фразеологии. Эти методы основаны на идеях системно-уровневого анализа фактов языка и на приёмах *дистрибутивного анализа* (В.Л. Архангельский, Н.М. Амосова, В.П. Жуков, А.В. Кунин, М.Т. Тагиев). Подробно изучается системная упорядоченность фразеологического состава (И.И. Чернышёва, Н.М. Шанский) и его историческое развитие (Р.Н. Попов, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдоров). Особое внимание уделяется сравнительно-историческому изучению словарного состава (Ю.Ю. Авалиани, А.Д. Райхштейн, Л.И. Ройзензон), разработке описания фразеологизмов в словарях (А.М. Бабкин, А.И. Молотков). Первостепенной задачей становится разработка новых методов исследований, связанных с определением фразеологии как науки о сочетаемости лексем (М.М. Копыленко, З.Д. Попова), с исследованием процессов фразеобразования в их

функциональном аспекте (С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев) или в номинативном плане (В.Г. Гак, В.Н. Телия). Всё больший интерес вызывает семантика фразеологизмов и закономерности их употребления в процессах организации высказывания, что связано с общей тенденцией – разработкой моделей языкового синтеза [ср. ЛЭС: 560].

При описании других языков по большей части предлагались классификации, основанные на других принципах. Таковы, например, теории фразеологии, разработанные Н.Н. Амосовой и А.В. Куниным на материале английского языка, концепция И.И. Чернышёвой на материале немецкого языка и другие.

Основными подходами к классификации фразеологических единиц в советской германистике в это время являлись:

1) *семантическая* классификация, основывавшаяся на классификации В.В. Виноградова с уточнениями для немецкой фразеологии (М.Д. Городникова, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, К.А. Левковская);

2) *функциональная* классификация (И.А. Щукина);

3) *семантически-функциональная* классификация (И.И. Чернышёва);

4) *стилистическая* классификация (Э.Г. Ризель, И.А. Щукина).

Семантическую классификацию на материале немецкого языка разрабатывали К.А. Левковская, М.Д. Городникова, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. Потребность в разработке новых принципов классификации фразеологических систем объяснялась в первую очередь структурными особенностями фразеологизмов английского и немецкого языков в отличие от русского. Так, И.И. Чернышёва подчеркивает, что «применение семантической классификации В.В. Виноградова к материалу немецкой фразеологии помогло выявить также одну весьма существенную особенность немецких фразеологических единств по сравнению с аналогичными русскими единицами. Последняя состоит в том, что фразеологические единства немецкого языка (частично и фразеологические сращения)

обладают большей вариативностью компонентов, нежели русские фразеологизмы этих типов. (Последнее наблюдение было сделано также и в отношении английского языка)» [Чернышёва: 21]. Подобную вариативность можно проиллюстрировать следующими примерами с семантикой ‘плохо выглядеть’:

- *wie der Tod (von Basel / von Warschau / von Ypern) aussehen* ‘выглядеть как смерть (из Базеля / Варшавы / Ипра)’, «выглядеть как Страсти Господни»;
- *wie ein lebender / wandelnder Leichnam aussehen* ‘выглядеть как живой / ходячий труп’ [www.synonyme.de].

Кроме того, в семантических исследованиях поднимался вопрос о соответствии отдельных групп ФЕ частям речи и членам предложения (М.Д. Городникова), описывались структурно-семантические особенности субстантивных, глагольных, адъективных фразеологических единиц (Л.А. Липская, М.Д. Городникова, Р.Ф. Мякишева) [Чернышёва 1970: 21—22, 32—33]

Функциональная классификация. Фразеологические исследования В.В. Виноградова расширили понятие фразеологизма как полноправной единицы языка, а не только средства художественной выразительности. С закреплением такого представления о фразеологизме в лингвистике появилась необходимость в функциональной классификации фразеологических единиц. На основе функциональных критериев выделяются две группы фразеологических единиц.

1) **Лексические единства** (Городникова, Щукина, Ризель), или **номинативные фразеологизмы** (Чернышёва). Рассмотрим виды этих фразеологизмов:

- устойчивые словосочетания, обладающие семантической цельностью номинации на основе собственных лексических значений компонентов, без их семантического преобразования. В основном это именные

(атрибутивные) соединения определяемого с определением, используемые как названия различных типов (географические названия, названия различных государственных, политических и международных учреждений, политических партий, обозначения званий, сложные термины из различных сфер знаний): *Schwarzes Meer, Vereinigte Nationen*;

- словосочетания, возникающие на основе переносного значения одного из компонентов, типичные примеры ограниченной сочетаемости слов с переносным значением (*фразеологические сочетания* в классификации В.В. Виноградова). Важно отметить, что на основе переносного значения слова возникает не единичное его сочетание с другими компонентами, а целая серия устойчивых словосочетаний, хотя и ограниченных определёнными семантическими группами слов: *durch die Bank, um ein Haar, aus dem Stegreif*. Кроме того, словосочетания данного типа не являются безусловными семантическими единствами, поскольку сохраняют отдельность значения;
- глагольные устойчивые сочетания (известные в литературе как «аналитические конструкции» или «единицы именного стиля»), состоящие из глагольного компонента и имени существительного, имеющие глагольный эквивалент: *jmdm. unter die Arme greifen, keinen Finger rühren, den Nagel auf den Kopf treffen*. Устойчивое сочетание и глагол семантически не равнозначны, в первую очередь в силу различных структурно-семантических моделей. Кроме того, ряд терминологических сочетаний обладает функциональной закреплённостью.

Эти типы словосочетаний традиционно относились немецкими учёными к сложным словам. [Чернышёва: 36—38, 69—77; Степанова, Чернышёва: 181—187].

2) Под **номинативно-экспрессивными** (Чернышёва) или **изобразительно-выразительными** фразеологизмами понимают семантически преобразованные устойчивые словосочетания со структурой словосочетаний и предложений. Их характерными чертами является художественная изобразительность, высокая степень обобщенности значения и эмоционально-экспрессивное наполнение. Эти фразеологизмы функционируют в живой разговорной речи, в художественных и публицистических текстах с особым стилистическим заданием.

И.И. Чернышёва отмечает, что функциональная классификация охватывает все разновидности устойчивых, воспроизводимых сочетаний слов (помимо фразеологизмов в неё включены лексические единства, моделированные и серийные образования), а конкретизация состава этих двух групп «показывает, что функциональные различия в большинстве своём связаны с особенностями структурно-семантического порядка» [Чернышёва: 36].

Семантически-функциональная классификация И.И. Чернышёвой сочетает в описании структуры фразеологических единиц семантические и структурные критерии. Её комплексный подход принимает во внимание следующие факторы, формирующие устойчивое соединение слов:

- грамматическая / синтаксическая структура (словосочетания / предикативные сочетания и предложения);
- способ сцепления компонентов (единичное образование, образование по модели, серийное образование);
- модель, по которой возникает значение (семантическое преобразование компонентов, собственное лексическое значение компонентов, преобразование значения по типовой структуре).

Для установления последних критериев основой послужили исследования Н.Н. Амосовой, Л.И. Ройзензона и О.И. Москальской [ср. Чернышёва: 28].

В исследовании отмечается, что семантическое преобразование компонентного состава является основным критерием, отличающим фразеологизм от переменного словосочетания и устойчивых словосочетаний других типов. Под фразеологизмом в работе понимаются «устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава» [Чернышёва: 29].

В результате применения семантических критериев И.И. Чернышёва выделяет группу фразеологических сочетаний, значение которых возникает в результате семантических сдвигов компонентного состава, а вторичным признаком является ярко выраженная функционально-стилистическая характеристика. Такие устойчивые сочетания слов выполняют в языке не номинативную, а экспрессивную или номинативно-экспрессивную функцию.

По мнению И.И. Чернышёвой, основными задачами фразеологии являются уточнение объекта фразеологии как лингвистической науки и выявление эффективных методов исследования единиц данной системы или подсистемы языка. С одной стороны, к фразеологическому фонду причисляются единицы, соотносимые с предикативными сочетаниями слов и предложениями, хотя исследователь и указывает на недостаток однозначных теоретических критериев для определения места. С другой стороны, три других разряда устойчивых словосочетаний (фразеологические образования, лексические единства, моделированные или типовые образования) выносятся за пределы фразеологии [Чернышёва: 27—30].

Стилистическая классификация. Э.Г. Ризель и И.А. Щукина разработали в своих трудах принципы стилистической классификации фразеологических единиц на материале немецкого языка.

В основу их описания легла советская традиция стилистического описания фразеологии русского языка, восходящая в том числе к трудам

Н.М. Шанского. Исследователь классифицирует фразеологизмы в соответствии с их стилистическим потенциалом (маркированностью) и проявлениями этих характеристик в структуре текста. Он выделяет четыре основных стиля: книжный, нейтральный, разговорный, просторечный [Шанский: 6].

1) *Книжные* фразеологизмы встречаются преимущественно в письменной, нормированной речи. Большинство из них обладает окраской риторичности, торжественности, возвышенности. Они функционируют в научном, публицистическом стиле, в научном типе устной речи.

2) *Нейтральные* фразеологические единицы общеупотребительны и не ограничены какой-либо сферой функционирования. Большинство из них имеет эмоционально-экспрессивную окраску.

3) К *разговорным* относятся несколько сниженные фразеологизмы, не нарушающие литературной нормы, преимущественно свойственные речи и языку художественных произведений. Их отличает непосредственность, обыденность, непритязательность, вольность и фамильярность, эмоционально-экспрессивная окраска, предметная образность. Они обладают наибольшим количеством признаков и шире всего распространены среди фразеологических единиц современного русского языка.

4) К *просторечным* относятся нелитературные, негрубые и грубые ФЕ, обладающие яркой эмоционально-экспрессивной окраской, функционирующие преимущественно в обиходно-бытовой речи и речи отдельных персонажей; они характеризуются резкостью, бесцеремонностью, грубой фамильярностью [Шанский: 6].

Существуют и более детальные классификации (представленные, например, в словарях). Так, словарь С.И. Ожегова под редакцией Н.Ю. Шведовой включает такие пометы, указывающие на стилистическую характеристику слова: книжное, высокое, официальное, разговорное, просторечное, областное, презрительное, неодобрительное,

пренебрежительное, уничижительное, шутивное, бранное, ироническое [Ожегов: 11, 15].

Продолжая существовавшие стилистические классификации фразеологии, Э.Г. Ризель подробно исследует потенциал фразеологии в текстах разных функциональных стилей. Её труд „Abriß der deutschen Stilistik“, вышедший в 1954 г., включает в себя рассмотрение фразеологии немецкого языка. Это описание стоит у истоков стилистики фразеологии немецкого языка. как отмечает сам автор, многие из вопросов фразеологии ещё остаются открытыми⁶ [Riesel 1954: 218]. В работе рассматривается множество случаев использования фразеологии в контекстах самого разного рода, подробно анализируется взаимодействие различно окрашенных фразеологических единиц с контекстом, отмечается изменение в их использовании с течением времени.

Говоря об экспрессивно маркированных фразеологических единицах, Э.Г. Ризель выделяет их следующие функции: с одной стороны, они придают высказыванию наглядность, эмоциональность, убедительность, выделяют его; с другой, выражают личное отношение говорящего к содержанию его речи, показывают его оценку описываемого [Riesel 1959: 201]. Фразеология подробно рассматривается и как средство иронии и сатиры, при этом отмечается, что и ирония, и сатира зачастую изначально заложены в образной структуре идиом, идиоматических сравнений и паремий.

Вместе с тем Э.Г. Ризель подчёркивает, что, говоря о функционально-стилистических свойствах и стилистике фразеологии, необходимо иметь в виду, что они имеют обыкновение меняться с течением времени. так, многие идиомы уходят своими корнями в просторечие, другие, напротив, изначально были ограничены кругом образованных людей [Riesel 1954: 231]. А в своей

---

⁶ „In diesem Kapitel soll eine stilistische Betrachtung der stehenden Wortverbindungen durchgeführt werden, soweit dies beim heutigen Stand der Phraseologie als wissenschaftliche Disziplin überhaupt möglich ist“ [Riesel 1954: 218].

следующей работе исследователь делает оговорку, имеющую большое значение для настоящей диссертации: изменения, происходившие в языке в течение XX в., привели к тому, что идиомы потеряли строгие стилистические ограничения на употребление. Идиомы, бывшие раньше исключительно разговорными, можно теперь встретить в самых разных функциональных стилях – в публицистике, в художественной литературе, в научной речи [ср.: Riesel 1959: 193]⁷.

М.П. Брандес, описывая стилистическую систему фразеологизмов немецкого языка, классифицирует единицы по степени выразительности и сферам использования. По степени выразительности исследователь выделяет *нейтральные* фразеологические единицы, приближающиеся к номенклатурным образованиям или терминам, и *экспрессивно-эмоциональные*, обладающие книжной или разговорной эмоциональной окраской. Среди последних можно выделить группы *высокого* (архаизмы, поэтизмы, варваризмы) и *сниженного* (разговорные, жаргонные, просторечные выражения и вульгаризмы) стилистического тона. По сферам использования М.П. Брандес выделяет функционально окрашенную фразеологию *научного, официально-делового, публицистического* стилей. Хотя эмоционально-экспрессивные фразеологические единицы свободно используются во всех функциональных стилях устной и письменной речи, существует запрет на употребление просторечно-разговорной лексики и фразеологии в научной и деловой сферах общения [Брандес: 129—132].

На материале синонимических рядов можно отметить, что внутри отдельных видов фразеологизмов могут преобладать фразеологизмы с определённой стилистической окраской. Так, для идиом более типична

---

⁷ „Die Idiome besitzen (mit wenigen Ausnahmen) keine funktionale Stilfärbung in dem Sinn, daß diese oder jene Fügung diesem oder jenem Stil zugeordnet wäre. Gewiß, ursprünglich waren die umgangssprachlichen, familiären und groben Redewendungen **nur** im Stil des Alltagsverkehrs zulässig. Die Stilmormen der Gegenwart aber haben die funktionalen Grenzen etwas verwischt. Die volkssprachlichen Idiome sind in die Publizistik eingezogen, in die Figuren- oder Autorensprache der schönen Literatur, ja sogar in die wissenschaftliche Prosa“.

разговорная стилистика со склонностью к фамильярному (ср. [Riesel 1959: 192]). Ср. разницу в стилистической окраске в приведённом ниже синонимическом ряду со значением «плохо выглядеть» (использованы примеры с Интернет-портала WÖRTERBUCH FÜR SYNONYME [WÖRTERBUCH FÜR SYNONYME]):

- *aussehen wie eine lebende Leiche* ‘выглядеть как живой труп’ (фамил.);
- *aussehen wie eine Leiche auf Urlaub* ‘выглядеть как труп в отпуске’ (фамил.);
- *wie Braunbier mit Spucke aussehen* ‘выглядеть как солодовое пиво с плевком’ (фамил.);
- *wie das leibhaftige Elend aussehen* ‘выглядеть как воплощённая нищета’ (разг.);
- *wie eine Wasserleiche aussehen* ‘выглядеть как утопленник’ (разг.);
- *wie das Leiden Christi aussehen* ‘выглядеть как Страсти Христовы’ (разг.);
- *ein Bild des Jammers sein* ‘выглядеть как картина бедствия’ (разг.).

В данном синонимическом ряду нельзя не отметить вариативность отдельных компонентов некоторых фразеологических единиц [WÖRTERBUCH FÜR SYNONYME].

Кроме того, выделяют и межстилевые фразеологизмы, не имеющие стилистической окраски (сниженной или возвышенной) и активно употребляющиеся во всех стилях устной и письменной речи. Большей частью эти фразеологизмы лишены обобщенно-метафорического значения. Таковы, например, немецкие парные формулы со значением ‘время от времени’: *ab und zu, hin und wieder, von Zeit zu Zeit, dann und wann, auf und nieder*. Межстилевые фразеологизмы способны вступать в синонимические отношения со стилистически окрашенными фразеологизмами: *время от времени* и *нет-нет да и* (разг.) ‘иногда’; *лечь в гроб* и *протянуть ноги* (прост.) ‘умереть’.

Интересно, что богатство вариантов немецких фразеологизмов

выражается в том, что часто может быть выстроена градация (*fahren wie wild / wie eine Wildsau / wie eine gesegnete Sau*, ‘ехать будто дикий / как кабаниха / как благословенная свиноматка’ «гнать как сумасшедший»).

За рубежом теория фразеологии стала активно разрабатываться в 1970-1980-е гг. на материале различных европейских языков (см., например, Адам Маккаи, „Idiom Structure in English“ 1972 г. на материале английского языка; Харальд Тун, „Probleme der Phraseologie“ 1978 г. на материале романских языков; Харальд Бургер, Аннелиз Бухофер, Амброс Зиалм „Handbuch der Phraseologie“ [Burger, Buhofer, Sialm] и „Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache“ Вольфганга Флейшера [Fleischer] на материале немецкого языка). В этих исследованиях представлены различные концепции фразеологии [Burger, Dobrovolskij, Kühn, Norrick: V].

В немецкой лингвистике определённые виды фразеологических сочетаний слов традиционно рассматривались как подвиды сложных слов или в общей массе словосочетаний при анализе синтаксиса и словообразования вплоть до 1970-х гг. (ср., например, работы J. Erbßen, „Abriß der deutschen Grammatik“ [Erbßen]; Der Große Duden, „Grammatik der deutschen Gegenwartssprache“, Л., 1962) [Duden: Grammatik].

Начало систематическим исследованиям немецкой фразеологии положила вышедшая в 1973 г. книга Харальда Бургера «Идиоматика немецкого языка» („Idiomatik des Deutschen“). В своей работе автор использует методы, разработанные для описания фразеологического материала славянских, в первую очередь русского языков. В 1981 г. Клаус Дитер Пильц обозначает границы фразеологии, а в 1982 г. Вольфганг Флейшер систематизирует результаты проведённых исследований; тогда же выходит «Справочник по фразеологии» („Handbuch der Phraseologie“) Харальда Бургера, Аннелиз Бухофер, Амброса Зиалм. В «Справочнике по фразеологии» на материале литературного немецкого языка, швейцарского национального варианта немецкого языка и русского языка критически

излагаются результаты предыдущих исследований, приводятся данные прагматических, психолингвистических и текстологических исследований. С выходом этих изданий формирование предмета немецкой фразеологии можно считать завершённым. Последующие работы («Введение во фразеологию» Кристианы Пальм [Palm 1997]; «Введение во фразеологию» Харальда Бургера [Burger 2010]) обращают внимание на исторические, региональные, семантические, текстологические, фразеографические аспекты подобных описаний.

В 1970-х гг. возникла дискуссия о том, следует ли при фразеологических исследованиях пользоваться «узкой» (основывающейся на структуралистском представлении о языке) или «широкой» (включающей также прагма-, социо- и психолингвистические аспекты) концепцией фразеологии. В настоящее время принято оговаривать выбор того или иного термина: «исследующую фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания, прежде всего связанные значения слова, и через них смыкающуюся с лексикологией, и на фразеологию в широком смысле, изучающую и устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями (единицы фольклора, фрагменты художественных текстов, формулы приветствий и т. п.)» [ЛЭС: 560].

Вместе с тем, в западной лингвистике большее распространение получила модель, основывающаяся на широком понимании фразеологизма. Примером такой классификации является работа К. Пальм [Palm 1997], основывающаяся, в том числе, и на советских исследованиях. Дополняя и перерабатывая стилистическую классификацию фразеологизмов, лингвист берёт за основу характеристики коммуникации. К. Пальм выделяет на материале немецкого языка шесть характеристик фразеологических единиц, определяющих их стилистические свойства: 1) эмоциональные, 2) коммуникативные, 3) функционально-стилистические, 4) социальные, 5) региональные и 6) временные условия употребления.

1) Эмоциональные характеристики (*die emotionalen Bedingungen des Phrasemgebrauchs*) отражают оценку денотата и отношения между участниками коммуникации. К. Пальм выделяет следующие типы эмоциональных коннотаций:

- *шутливые (scherzhaft)*

im Adamkostüm sein, букв. 'быть в костюме Адама', «быть голым»;

nur noch in den Gräten hängen, букв. 'иметь только кожу да кости', «очень исхудать»;

angeben wie Graf Koks (von der Gasanstalt), букв. 'хвастаться как граф Кокс (перед газовым заводом)';

- *ироничные (ironisch)*

passen wie die Faust aufs Auge, букв. 'подходить, как кулак к глазу'

in die Röhre gucken, букв. 'смотреть в трубу', 1) «ничего не получить, остаться ни с чем»; 2) «смотреть телевизор».

nicht nein sagen können, букв. 'не уметь сказать нет'

- *эвфемистичные (verhüllend)*

über den Jordan gehen, букв. 'перейти через Иордан', «переходить в небытие, умирать»

ums Leben kommen, «лишиться жизни, умереть»;

einen Seitensprung machen, букв. 'сделать прыжок в сторону', «заводить любовные связи на стороне»

2) К. Пальм различает следующие коммуникативные уровни использования фразеологизмов (*die kommunikativen Ebenen des Phrasemgebrauchs*):

- *разговорный (umgangssprachlich)*

immer auf Achse sein, букв. 'всё время быть на оси', «всё время находиться в разъездах»

über alle Berge sein, букв. 'быть над всеми горами', «давно скрыться, да так, что поминай как звали»

sich an etw. ein Gütchen tun, букв. 'сделать себе на чем-либо именице', «доставить себе чем-либо удовольствие»

- *фамиллярный (salopp)*

sich keinen abbrechen sollen, букв. 'не отказывать себе в чем-то', «не задирать нос»

So siehst du aus! букв. 'так ты выглядишь', «нашёл дурака»

aussehen wie Braunbier, букв. 'выглядеть как солодовое пиво', «выглядеть больным»

- *грубый (derb, vulgär)*

am Arsch der Welt sein, букв. 'находиться у задницы мира', «находиться на краю света»

sich mit etw. den Hintern wischen können, букв. 'мочь вытереть себе задницу чем-либо', «обойтись без чего-либо»

zum Kotzen sein, «вызывать тошноту»

- *официальный (offiziell)*

in Amt und Würden sein, букв. 'занимать должность и иметь звание', «занимать высокое положение»

jmdn. abschlägig bescheiden, букв. 'кого-л. отрицательно дарить' «дать кому-л. отрицательный ответ»

- *торжественный, высокий (feierlich, gehoben)*

jmdn. zu Grabe tragen, букв. 'нести кого-л. в могилу', «хоронить»

lebendigen Leibes, букв. 'живым телом', «заживо»

das Zeitliche segnen, букв. 'благословить временное', «приказать долго жить»;

3) К основным функционально-стилистическим (дискурсивным в терминологии Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова [Баранов, Добровольский: 551 и далее]) сферам использования фразеологизмов (*die Funktionsbereiche des Phrasengebrauchs*), которые выделяет К. Пальм, относятся:

- *административный (administrativ):*

bei jmdm. vorstellig werden, букв. 'представиться кому-то', «сделать представление»

nach Maßgabe, букв. 'по мере', «по мере, в меру; согласно, в соответствии с чем-либо»

- *юридический (juristisch):*

die Klage ändern, «изменить иск»;

etw. unter Beweis stellen, 'поставить что-либо под доказательство', «доказать что-либо»;

- *военный (Militär)*

Gewehr bei Fuß, букв. 'винтовку к стопе', «к ноге»;

bei der Fahne sein, букв. 'быть при знамени', «состоять на действительной военной службе»;

- *спортивный (Sport)*

ein Eigentor schießen, «забить гол в собственные ворота»

ein totes Rennen, букв. 'мёртвый забег', «ничейный исход, ничейный результат».

Следует отметить, что функционально-стилистические (или дискурсивные) сферы использования фразеологизмов, выделяемые К. Пальм, соответствуют не столько профессиональным сферам общения, сколько тематическим группам. По этой причине в группе, например, медицинской фразеологии оказываются, с одной стороны, термин *örtliche Betäubung* «местный наркоз», а с другой — разговорное выражение *wieder auf den Beinen sein* «встать на ноги, выздороветь».

4) Социально обусловленная коммуникация (*die soziale Geltung des Phrasengebrauchs*), в том числе использование фразеологии в социолектах:

- *молодёжный сленг (Jugendsprache)*

Ich denk', mich knutscht ein Elch!, букв. 'мне кажется, меня тискают лось', «не может быть»;

etw. hervorragend drauf haben, букв. ‘иметь в чем-либо что-то великоленное’, «уметь что-либо делать очень хорошо»;

- *семейный дискурс (Familie)*

ein Bäuerchen machen, букв. ‘делать крестьянчика’, «срыгивать»;

- *дискурс образованных людей (Bildungssprache)*

homerisches Gelächter, «гомерический смех»;

post festum, букв. лат. ‘после праздника’, перен. «задним числом»;

5) Регионально маркированные фразеологизмы (*die Regionalität des Phrasengebrauchs*):

- *берлинские:*

etw. aus Daffke tun, «делать что-то наверняка» (выражение заимствовано из идиша, где *dawko* означает напрямую, наверняка и переосмыслено) [Lilliput Berlinerisch: 81];

- *северонемецкие:*

alles in Klump schlagen, букв. ‘разбить всё на кучу’, «разбить на мелкие куски»;

б) Под фразеологизмами, несущими в себе временную маркированность (*Zeitgebundenheit*), К. Пальм понимает архаизмы – устаревающие или уже устаревшие фразеологизмы, которые продолжают жить в языке, выполняя следующие функции:

а) *стилистическую*;

б) *характеризующую функцию (Indizfunktion)*, маркируя при этом социальные, возрастные и прочие различия между членами одного языкового сообщества. Так, по выражению Г.А. Кнорфа, в романе Т. Манна «Лотта в Веймаре» они используются для изображения «духа времени», а в романе Т. Манна «Избранник» – для стилизации языка позднего средневековья [Palm 1997: 17—21].

Хотелось бы отметить, что исследование во многом обобщает и систематизирует предшествующие работы, предоставляет достаточно

широкую функционально-стилистическую картину фразеологии. Но при всей актуальности классификации К. Пальм, не все примеры, приводимые ею, действительно могут рассматриваться как фразеологизмы. Так, выражение *Bäuerchen machen* может рассматриваться как лексикализованное: и прямое значение компонента *Bäuerchen* «крестьянин», и переносное «отрыжка» зафиксированы в словарях. Кроме того, сомнения вызывает чрезмерно широкое понимание фразеологии. Так, речевые формулы (коммуникативные фразеологизмы или клишированные формулы (*Routineformeln*) в западной традиции) определяются как устойчивые словосочетания разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания), которые регулярно используются в повторяющихся ежедневных рутинных действиях и определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания. Таким образом, они тесно связаны с ситуацией общения, их значение зависит от типа дискурса. Такие формулы можно отнести к дейктическим выражениям, привязанным к конкретной коммуникации. К ним относятся ситуативно обусловленные формулы: приветствия (*Guten Tag* «добрый день», *Griß Gott* «здравствуйте»), обращения (*Euer Exzellenz* «Ваше превосходительство»), ситуативно не обусловленные: общие места (*sag ich mal* «вот что скажу»), поручения (*Rück endlich mit der Sprache raus!* «А ну давай выкладывай»), слоганы (*Lasst Blumen sprechen* «Пусть же говорят цветы»), клятвы (*Ich schwöre im Namen* «клянусь именем») и проч. Так, в работе Х. Бургера, помимо традиционных речевых формул (*guten Morgen* «доброе утро»), к дейктическим выражениям также относят непереосмысленные формулы вроде англ. *I see*, букв. 'я вижу' «понимаю», нем. *ich meine* 'я считаю'. Подобное толкование представляется чрезвычайно общим. У всех приведённых примеров хотя и выделяется общая коммуникативная характеристика (привязанность к конкретной ситуации), а также общее свойство – этикетность, но под этим названием объединяются слишком разные по своей структуре выражения. Кроме того, сомнительным

кажется тезис об их устойчивости, достаточно указать на возможности грамматических изменений нескольких последних примеров (*mit Eurer Exzellenz, see you?, wir meinen*).

Основная проблема подобных классификаций заключается в том, что большинство характеристик довольно разнородны и, как правило, характеризуют использование лексики в конкретных типах дискурсов. Перечень стилистических характеристик фразеологизмов восходит к классификациям лексики, однако, и для неё проблема стилистической дифференциации не решена окончательно. Отдельные стилистические характеристики компонентов могут переноситься на фразеологические единицы целиком [ср. Баранов, Добровольский: 551].

С середины 1970-х — начала 1980-х годов во фразеологии (несколько позже, чем в остальных областях лингвистики) стал осознаваться кризис структурно-семантической парадигмы, поскольку системно-классификационный подход к этому моменту себя уже исчерпал. Наступило время оценки полученных результатов и поиска новой парадигмы. В современных исследованиях вопросы терминологии и классификации, доминировавшие в первых работах по фразеологии, отошли на второй план. Важнейшей задачей фразеологии в настоящее время стало выявление специфики семантики фразеологизмов.

В формальном подходе к изучению языковой системы преобладало представление о том, что значение фразеологизма практически тождественно значению слова. Это положение, типичное для лингвистической теории 1950—80х гг. XX в., сменилось в постструктуралистской традиции положением о том, что семантика фразеологизмов существенно отличается от семантики слов и регулярных словосочетаний. Таким образом, постструктуралистский этап в развитии семантики характеризуется ростом интереса к тем аспектам плана содержания языковых форм, которые структурализмом не рассматривались. По-прежнему актуальны

морфосинтаксические, семантические, прагматические аспекты фразеологии, её особенности в свете лингвистики текста. Сама же сфера фразеологии включает в себя широкий диапазон различных лингвистических феноменов и проблем.

В последние годы появились и новые подходы к фразеологии, такие как когнитивный, лингвокультурологический, семиотический и другие, расширились возможности использования эмпирических данных при фразеологических исследованиях. Вслед за англоязычными странами лингвистические корпуса появились в Германии, Франции, Австрии, Чехии и России. Их данные не только позволяют более качественно проверить теоретические гипотезы, но и открывают методологически новые подходы к обнаружению и разграничению фразеологических явлений [Burger, Dobrovolskij, Kühn, Norrick: VI]. При помощи данных корпуса можно установить признаки узувального употребления фразеологических единиц, проследить ограничения на трансформации, при этом интересно сравнивать данные разных корпусов (в том числе составленных на материале разных текстов – публицистики, художественной литературы и прочих). Тут, однако, необходимо сделать следующую оговорку: при подобном анализе можно довольно полно охарактеризовать свойства частотных ФЕ, они скорее всего будут представлены в разных типах текстах. Однако редкие ФЕ могут оказаться одинаково не представленными и в публицистическом, и в корпусе художественной литературы – например, термины, тематически ограниченные фразеологизмы и другие (Ср. [Moon 2001: 80]⁸, [Moon 2007: 1057—1058]). Таким образом, корпусным лингвистам предстоит ещё

---

⁸ „Frequently information derived from this corpus for the rarer items may not be conclusive, but the overall tendencies and the figures for higher-frequency items are likely to be replicable in other corpora. In general, corpus comparisons indeed show that such phenomena as the frequency distribution of certain lemmas, the phraseological patterns associated with those lemmas, and the relatively high frequencies of delexicalized meanings recur across corpora. In contrast, rarer uses, specialist terminology, and genre- or topic-specific words and meanings show greater variation from corpus to corpus“ [Moon 2001: 80].

восполнить определённые лакуны, обусловленные структурной спецификой фразеологии.

Во многих современных работах в настоящее время сделан акцент на рассмотрении фразеологии в контексте лингвистики текста. Этот подход используется и в рамках данной работы. Фокус исследований смещается с проблем классификации фразеологических единиц на морфосинтаксические, семантические, прагматические аспекты фразеологии, а также их функции в структуре текста.

Функционирование фразеологизмов описано на материале самых разных жанров. Поскольку всё большее внимание уделяется отдельным типам текстов, в фокус внимания науки попадают не только традиционные публицистика и художественная литература, но и инструкции по эксплуатации, рецепты, юридические тексты (заявления, договоры), рекламные объявления и проч. Изучение функций фразеологизмов на примере подобных типов текстов способствует выработке дополнительных критериев для их описания.

2. Фразеология в немецком художественном тексте: история изучения

В последние годы функционирование фразеологии активно описывается с позиций организации самых разных типов текстов (публицистических, юридических, технических и других). Современный дискурсивно ориентированный подход к описанию свойств фразеологической единицы в тексте изложен в работах Б. Зандиг и А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Б. Зандиг в статье „Stilistische Funktionen von Phrasemen“ [Sandig 2007] пересматривает в этом свете принципы стилистического описания фразеологизмов.

Стилистически значимыми для функционирования фразеологизма являются такие характеристики, как способ тематической организации текста и их роль в речевом акте, способ автохарактеристики, ориентация на слушателя и вид взаимоотношений между собеседниками. Точно так же важны способы исторических и культурных коннотаций, виды связи с ситуацией, использование канала коммуникации (например, конкретного средства массовой информации – газеты, радио или телевидения).

Б. Зандиг отмечает, что описание функционирования фразеологизмов в различных стилях речи в настоящий момент ведётся в первую очередь в рамках дискурсивного анализа. Современные дискурсивные исследования ориентированы на особенности протекания каждого конкретного речевого акта. Для описания стилистики речевого акта имеют значение те же критерии, что и при его общей характеристике:

- способ формирования темы;
- вид речевого действия;
- автохарактеристика;
- ориентация на адресата;
- способ формирования отношения;
- выражение позиции говорящего;

- связь с историческим / культурным контекстом;
- связь с ситуацией;
- использование определённого канала и носителя текста;
- связь с определённым средством информации (региональная / межрегиональная газета, телеканал и проч.).

Стили конституируются на основе стилистической компетентности, представленной у разных носителей языка в разной степени, стиль конкретного произведения рождается из взаимодействия говорящего / пишущего и слушающего / читающего. Стили основываются на свойствах структуры текста. Являясь компонентом этой структуры, различные типы фразеологизмов обладают различным стилистическим потенциалом, это касается и возможностей их модификаций и неузального употребления.

Описывая стилистические коннотации и маркированность фразеологических единиц, Б. Зандиг выделяет следующие типы стилистической окраски (обобщая ряд исследований, ср. [Palm 1997; Burger 2003; Fleischer]):

- сверхнейтральная (*überneutral*) – *Roma aeterna*, «вечный Рим»;
- нейтральная (*neutral*) – *zu Boden sinken*, «упасть на землю»;
- сниженно-нейтральная (*unterneutral*) — *Rotz und Wasser heulen*, «рыдать в три ручья»;
- вульгарная (*vulgär*) — *zum Kotzen sein*, «вызывать рвоту».

Также, ссылаясь на В. Флейшера, Б. Зандиг указывает на существование серий фразеологизмов с различной стилистической окраской, например: разг. *den Mund halten* – груб. *den Schnabel halten* – вульг. *das Maul halten* 'заткнуться'. В определённых контекстах фразеологизмы могут менять свою окраску, например, устаревшие выражения употребляются иронично.

Для стилистической характеристики важны и такие свойства фразеологизмов, как экспрессивность и эмоциональность. Экспрессивно

маркированный фразеологизм может и не обладать эмоциональной оценкой:

- *einander gleichen wie ein Ei dem anderen*, букв. 'быть похожими как одно яйцо на другое', «быть похожими как две капли воды»;
- *den Löffel abgeben*, букв. 'отдать ложку', «умереть».

Часть нейтральных фразеологизмов могут в контексте приобретать экспрессивную окраску. Бóльшая, чем у отдельных лексем, экспрессивность фразеологизмов формируется такими их характеристиками, как

- **интенсивность:** *jmdm. den Kopf waschen*, «мыть голову кому-л.»;
- **наглядность:** *jmdm. lacht das Herz im Leib*, букв. 'у кого-л. смеётся сердце в теле', «сочувствовать»;
- **экспрессивность:** *jmdn. aufs Kreuz legen*, «положить кого-л. на обе лопатки»;
- **эвфемистичность:** *bis zum letzten Atemzug*, «до последнего вдоха».

Напротив, эмоционально маркированный фразеологизм всегда экспрессивен:

zum Donnerwetter (noch mal)! «(да) чёрт побери»

fahren wie (ei)ne gesengte Sau, букв. 'ехать как подпалённая свинья', «гнать как сумасшедший».

Историзмы (*Kraft durch Freude* «Сила через радость», лозунг времён фашистской Германии) и регионализмы (ср. лит. общенем. *für jmdn. wie aus dem Gesicht geschnitten sein*, букв. 'будто быть вырезанным из чьего-л. лица', «быть похожими как две капли воды» и его региональные эквиваленты: гейдельбергское *die/der ausgeschlupft Mudder/Vadder*, саарское *geschiss un gemol der/die Alt*; существуют также эквиваленты в австрийском и швейцарском национальных вариантах) объединяются Б. Зандиг в группу фразеологизмов, вносящих в текст локальный колорит.

Исследователь разграничивает оценочные коннотации (*Bewertung*) и выражение позиции говорящего, к которым относит положительные (*mit jmdm. aufnehmen können* «мочь меряться силами, тягаться с кем-л.»),

отрицательные (*ins Gerede kommen* «стать предметом толков») и двойственные коннотации (*die Ruhe weg haben* «лишиться покоя»).

Применительно к фразеологии из социолингвистических характеристик автором выделяются такие, как принадлежность к молодёжному или другому сленгу определённой возрастной группы, сленгу социальных групп. Ряд фразеологизмов связаны с определёнными типами текстов (выражение *es war einmal* «жили-были» как традиционный сказочный зачин или формулы *man nehme* «возьмём» и *Ich komme zum Schluss* «подхожу к завершению» как составляющее устного доклада), нарушение такого употребления стилистически маркировано.

Стилистическая интерпретация различных типов текста зависит от следующих факторов:

- от стилистической компетентности обоих коммуникантов;
- от ожидаемого в конкретной коммуникативной ситуации;
- от условий коммуникации (аспектов ситуации, участников, типа текста или вида разговора, темы, культурных аспектов и других);
- от связи структуры текста, типа ситуации, функции текста / разговора при стилизациях.

Описывая стилистический потенциал фразеологии, Б. Зандиг различает фразеологизмы в узком и широком смысле слова. Вслед за Х. Бургером Б. Зандиг понимает под фразеологизмами в узком смысле слова крылатые слова и интертекстуальные отсылки, структурные фразеологизмы, глагольные сочетания и коллокации, речевые формулы и общие места. Крылатые слова и интертекстуальные отсылки в тексте выделяются как по определению несущие однозначную стилистическую окраску. Структурные фразеологизмы (предлоги, союзы), описательные предикаты, коллокации и общие места стилистически незначимы, если только их употребление стилистически не маркировано (например, на конкретном отрезке текста они употребляются с повышенной частотностью). При модификации или неузואльном

употреблении их изначальная стилистическая окраска может меняться, в зависимости от вида употребления или модификации.

Б. Зандиг говорит о прагматической нагруженности фразеологизмов и ссылается в этой связи на П. Кюна, охарактеризовавшего их как «компактные знаки, с помощью которых говорящий / пишущий может сжимать, оценивать и / или формировать иллокутивное действие, заключенное в сообщении, в отличие от своих нефразеологических соответствий, целый комплекс дополнительных оценочных действий, оценок, средств создания образа» [Kühn]. В структуре текста фразеологизм может использоваться для выражения авторской позиции следующим образом:

1) как **средство автохарактеристики**, при этом используются латинские заимствования, речевые формулы, крылатые слова, идиомы, языковая игра на основе фразеологизмов;

2) как элемент **ориентации на адресата и установления контакта** с ним. В первую очередь Б. Зандиг рассматривает в этой связи исследования Х. Бургера [Burger 2010] и других лингвистов по функционированию собственно идиом в телевизионных (рекламных, новостных, агитационных) текстах. Идиомы модифицируются в рамках языковой игры, визуализируются для создания эффекта инфотеймента. Яркая оценка, содержащаяся в идиомах и паремиях, используется как средство воздействия в структуре рекламных и агитационных текстов. Этикетные формулы (например, приветствия) создают речевую «визитную карточку» телеканала или передачи;

3) для **взаимодействия с адресатом**, создавая общий иронический тон, функционируют как эвфемизмы или элементы дидактизации;

4) для формирования **полифонии** (многоголосия) **текста** за счёт своей сильной стилевой или социальной привязанности. Фразеологизмы, имеющие ярко выраженную стилистическую окраску, используются как средство речевой характеристики персонажей. Так, для выражения близости персонажа к народу в его речь вводятся разговорные и даже просторечные

фразеологизмы, и наоборот, для речевой характеристики высокообразованного персонажа используются книжные фразеологизмы. Кроме того, стилистическое несоответствие контексту художественного произведения также может обыгрываться;

5) выражают **идеологическую установку** — например, идиомы и поговорки, включенные в состав политических и рекламных слоганов, используются для ёмкого выражения политических, социальных и других программ;

6) выражают и формулируют **эмоциональную оценку**.

Все эти функции часто выступают в комплексе, в особенности в текстах аргументации, и языковые единицы одновременно выражают коммуникативное намерение говорящего, характеризуют его, привлекают внимание и завоёвывают расположение слушающего, формируют его восприятие и оценку информации.

Разнообразны и способы использования фразеологизма в строении художественного текста для формирования темы. Описываются следующие стилистические приёмы:

1) **способы позиционирования** фразеологической единицы в тексте (*Positionierung*) – употребление фразеологизма как средства когезии в начале, конце или середине текста или текстового пассажа. Часто позиция и роль фразеологизма задаются типом текста. Например, в газетных текстах они часто используются в заголовках; в анекдотах – в развязке; в комментирующих типах текстов могут находиться в конце текстового пассажа, выполняя роль обобщения. А. Роткегель выделяет 3 функции позиционирования фразеологических единиц:

- конституирующая (*Phrasem als Halter – фразеологизм как основа*), в позиции начала текста;
- рамочная (*Phrasem als Klammer – фразеологизм как рамка*), в начале и конце текста;

- связующая (*Phrasem als Scharnier – фразеологизм как буфер*), между двумя частями текста [ср. Rothkegel: 240—243];
- 2) **скопление фразеологических единиц** (*Häufung*), при этом различают
- скопление связанных между собой фразеологизмов,
  - скопления фразеологизмов, никак между собой не связанных.

Связь между единицами может основываться на семантической, оценочной близости или общности компонентов;

- 3) **образование фразеологических цепочек** (*Kettenbildung*), связанных тематически или образно и употребляемых на протяжении всего текста.

В ряду текстообразующих средств Б. Зандиг называет также использование единиц, связанных с определённым типом текстов (например, этикетных формул, типичных для некоторых письменных жанров) или с определённым социолектом (например, с молодёжным сленгом) [Sandig: 157—173].

Тем не менее, ряд положений представленной фразеологической теории Б. Зандиг кажутся спорными. Таким неоднозначным моментом можно назвать включение в примеры так называемых «общих мест», фразеологический статус которых спорен. Несмотря на это, работа носит обзорный характер и довольно подробно описывает основные современные подходы к описанию функционирования фразеологических единиц в текстах разного типа.

Таким образом, учёные различают фразеологию в узком и широком смысле слова. Первая, в традициях отечественной лингвистики, исследует фразеологизмы-идиомы и фразеологические сочетания, прежде всего связанные значения слова, и через них смыкается с лексикологией. Фразеология в широком смысле слова изучает и устойчивые фразы разных структурных типов, обладающие различными семиотическими функциями (единицы фольклора, фрагменты художественных текстов, формулы приветствий и т. п.).

В данной работе под термином фразеологизм понимается фразеологизм «в широком смысле слова». Э. Кестнер особенно разнообразно использует в своих произведениях языковой потенциал пословиц и идиом.

Под *пословицами* в работе понимается «фразеологизмы со структурой предложения, имеющие в своём значении идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский: 69]. Поясняя это определение, авторы отмечают, что пословицы и поговорки менее дискурсивно зависимы, чем, например, собственно идиомы. Авторами предлагается ряд тестов на определение дискурсивной самостоятельности пословиц для разграничения их с идиомами. Так, они замечают, что наличие семантики общего нравоучения «даёт возможность продолжить текст с пословицей конструкциями, вводимыми союзами и союзными словами типа *поэтому, следовательно, по этой причине*» [Баранов, Добровольский: 69—70].

Другой тип рассматриваемых единиц, *идиомы*, представляет собой одним из самых спорных видов фразеологизмов. А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский понимают под идиомами «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости» [Баранов, Добровольский: 57]. При этом авторы отмечают, что «чёткая граница между идиомами и фразеологизмами других классов (коллокациями, грамматическими фразеологизмами и пр.) отсутствует, поскольку и другие группы фразеологизмов обязательно обладают устойчивостью, и им может быть свойственна определённая идиоматичность» [Баранов, Добровольский: 57]. Учёные отмечают и самую высокую степень нерегулярности идиом по сравнению с другими видами фразеологизмов в широком смысле слова, что обусловлено их центральной позицией во фразеологической системе языка [Баранов, Добровольский: 58]. Говоря о метафоричности, лежащей в основе идиом, авторы вводят ограничение на свойства метафоры, мотивируя его

следующим образом: «экономность лингвистического описания требует отнесения к идиомам лишь тех единиц, в которых представлена нестандартная для профилируемого смысла метафорическая модель» [Баранов, Добровольский: 60]. Авторы объясняют это тем, что в словосочетаниях с продуктивными компонентами (повторяющимися в большом количестве устойчивых выражений) часто фиксируются регулярные преобразования, часто описываемые в словарях как тропеические значения (типа *на свежую голову*) [Баранов, Добровольский: 59]. Непоследовательность в описании подобных словосочетаний словарями (то как свободных, то как связанных), объясняется тем, что при различных подходах к описанию языка подобные связи могут осознаваться как более или менее очевидные, при этом большее количество выражений представляет сложность при изучении языка иностранцами. Автор сопоставительного исследования соматизмов, корейский исследователь Ким-Вернер, указывает на существование в немецком языке целого ряда идиом, восходящих к культурным реалиям или обусловленных наивной картиной мира, которые могут не иметь эквивалентов в родном языке и таким образом представлять определённую трудность для иностранцев, изучающих язык [Kim-Werner: 153]. Таким образом, разграничение, предложенное Д.О. Добровольским и А.Н. Барановым, представляется для рассмотрения данного материала несущественным. С другой стороны, вслед за Д.О. Добровольским и А.Н. Барановым, кажется оправданным применить такие критерии разграничения, как наличие в составе ФЕ непрозрачного компонента в функции определяемого слова и нестандартность основания для сравнения, если речь идёт об устойчивых сравнениях.

Под соматизмом, соматическим фразеологизмом или фразеологизмом с соматическим компонентом (англ. *somatism*, нем. *Somatismus*, *somatisches Phraseolexem*, от греч. *soma* – *тело*) понимается вид фразеологизмов, отсылающих к жестике, мимике и психосоматике человеческого тела,

образность которых восходит к типическим общечеловеческим и культурно обусловленным реакциям [ср. Piirainen]. В состав соматизма входит лексема, обозначающая часть тела, – её бытовое, не медицинское наименование. Термин «соматический» был введен Ф. Вакком при анализе эстонских фразеологизмов. Исследователем был сделан вывод, что такие фразеологизмы представляют собой один из древнейших видов ФЕ [Пастушенко: 11]. Так, «человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Белявский: 19]. Некоторые учёные считают, что соматизмы описывают действия и состояния, связанные с различными факторами социального или психофизиологического характера, и никак не отражают в своём содержании исторических, культурных или социальных фактов. Т.Л. Пастушенко подчёркивает, что определённая общность соматических фразеологизмов детерминирована сходством ассоциативно-образного мышления представителей разных языковых картин [Пастушенко: 12].

В настоящей работе соматизм трактуется как тип фразеологизма, значение которой может иметь как социальную и психофизиологическую, так и культурную мотивацию. В основе соматических единиц лежит метонимический перенос. В значении ФЕ основную роль играют фоновые знания носителя языка, практический опыт личности, культурно-исторические традиции народа, говорящего на данном языке.

От соматизмов стоит отличать, во-первых, идиомы, в состав которых входит компонент со значением «часть человеческого тела» (ср. *etwas geht ins Auge* «что-то может обернуться чем-то плохим», досл. ‘что-то колет глаз’), но их идиоматическое значение основывается не на переосмыслении действий и состояний социального или психофизиологического характера, а выстроено на другом образе. Ср.:

- „*Ich will das Glashaus demolieren, in dem ich sitze.*“

„Das kann ins Auge gehen“, meinte Johann. („Drei Männer im Schnee“)

- Я хочу разрушить теплицу, в которой сижу.

- Это может плохо кончиться, - сказал Иоганн.

Во-вторых, от соматизмов следует отграничивать словосочетания типа *sich die Hände reiben* ‘тереть руки’ в следующем примере, когда существительное, обозначающее часть человеческого тела, используется в устойчивом словосочетании, но выражение не указывает на эмоции, поскольку метонимического переноса значения не происходит⁹.

- *Er trank den dritten Kognak und rieb sich die Hände. („Fabian“)* – Он выпил третью порцию коньяка и потёр руки.

Несомненно, такие словосочетания соответствуют критерию устойчивости, применяемому к идиомам. Их семантическая особенность состоит во взаимодействии прямого и связанного значений: описания действия и косвенного указания на стоящие за ним эмоции.

Поскольку фразеология и фразеологизм используются в данной работе как термин более общий, внесена корректировка в термин «авторская идиоматика», предложенный Д.О. Добровольским и А.Н. Барановым (а именно «те специфические особенности использования идиом, которые присущи данному писателю и выделяет его среди других носителей языка» [Баранов, Добровольский: 496]). Таким образом, комплексные явления, наблюдаемые во фразеологии Э. Кестнера описываются как авторская фразеология.

---

⁹ При этом в других контекстах это же словосочетание может выступать в роли соматизма, ср.: *Und zum Schluss wird er sich hochbefriedigt zurücklehnen und die Hände reiben, weil ihm so wunderbar trauriges Lied in c-Moll gelungen ist. („Das doppelte Lottchen“)* – И под конец он довольно откинется на спинку стула и потрёт руки, потому что у него вышла такая замечательная, грустная песня в до миноре.

3. Актуальные проблемы описания авторской фразеологии и общая характеристика фразеологического состава произведений Эриха Кестнера

За последние десятилетия фокус стилистических исследований фразеологических единиц сместился с описания общих узуальных свойств на описание их стилистической роли в типе текстов или в текстах отдельного автора.

За сравнительно небольшую историю фразеологии было проведено множество отдельных исследований функционирования фразеологизмов на материале немецкоязычных художественных текстов. Своеобразный итог теоретическим исследованиям роли фразеологизмов в художественных текстах подведён в работах К. Пальм [Palm 1997] и В. Флейшера [Fleischer].

Хотелось бы обратиться к последним исследованиям авторской фразеологии, рассматривающим функционирование различных типов фразеологизмов в художественных текстах.

Ведущим паремиологом-германистом на сегодняшний день является американский исследователь Вольфганг Мидер. Отправной точкой его исследований стала диссертация, посвящённая пословицам и поговоркам в трудах Иеремии Готтхельфа. Из-под его пера вышли 202 книги и более чем 400 статей, посвящённых проблемам паремиологии. Им, в частности, описаны особенности использования паремий в художественном тексте на примере сказок братьев Гримм, произведений Г.Э. Лессинга, И. Гёте, Ф. Шиллера. М.Л. Кашнитц, М. Вальзера, М.Г. Зафира, В. Клемперера и многих других, в прессе, карикатурах, фольклорных текстах, а также сопоставляются функционирование этих языковых единиц в разных типах текстов [Mieder 1983]. Целый ряд его работ посвящен функционированию антипословиц в разных типах текстов.

Особый интерес представляет то множество модификаций пословиц,

которое все чаще встречается в современном узусе. Объяснением этих отдельных модификаций традиционных языковых единиц является критическое отношение современных людей к традиционным ценностям и к традиционной мудрости. Ценности ставятся под вопрос, то же происходит и с пословицами и поговорками, которые несут в себе народную философию. Нем не менее, само количество этих пародий на пословицы и поговорки является подтверждением того, как сильно современный человек зависит от них и традиционных народных ценностей. «Изменения, безусловно, предполагают наличие чего-то меняющегося, но также и основываются на чем-то стабильном, что даёт возможность их узнать. Изменение может проявляться бесконечное количество раз, но оно всегда является изменением в чём-то или чего-то»¹⁰ [Mieder 1975].

При этом история использования пословиц и поговорок в художественной литературе насчитывает менее века. Ещё в произведениях такого мастера слова как Томас Манн продолжается традиция XIX века, когда пословицы и поговорки воспроизводятся как цитаты из народной речи, то есть в их исконном звучании. Для Томаса Манна пословицы и поговорки продолжают оставаться приметой традиционного уклада, встроенные в его романы они несут в себе особенное значение – примеры подобного словоупотребления можно найти и в «Будденброках», и в «Докторе Фаустусе». Альфред Дёблин и Бертольт Брехт используют их в своих текстах совсем в иной форме и с иной целью. В романе Дёблина «Берлин. Александрплатц» (1929) модифицированные пословицы и поговорки служат выражением «коллективного языка» большого города, переосмысляющего и преобразующего традиционные речевые формулы, например, пословица *Unrecht Gut gedeihet nicht* «нечестно добытое далеко не продвинется»

---

¹⁰ „Variationen setzen gewiß etwas Variables voraus, aber sie setzen zuvor voraus, daß etwas stabil ist, das die Variation als solche erkennen läßt. Die Variabilität mag unendlich erscheinen, sie ist aber immer Veränderung an, von, in etwas“. Werner Herzenstiel. Erziehungserfahrung im deutschen Sprichwort. Saarbrücken, 1973. S.39

преобразуется в *Unrecht Gut gedeihet gut* «нечестно добытое отлично приживётся». В произведениях Брехта всё служит эффекту остранения, с этой же целью используется и фразеология: американская исследовательница его языка Барбара Аллен Вудс озаглавила одну из своих работ “*Perverved Proverbs in Brecht and ‘Verfremdungssprache’*” – «Искажённые пословицы и поговорки у Брехта и "язык остранения"» [ср. Mieder 1975]. Из последних российских исследований, посвящённых функционированию идиоматики в художественном тексте, следует отметить диссертационное исследование М.В. Попковой, рассматривающих в рамках семантической классификации текстовые функции фразеологических единиц в отдельном жанре художественной прозы Г. Иванова — мемуарах. Применительно к ним она делает следующие выводы: «Проделанный нами анализ свидетельствует как о наличии общих закономерностей в плане функционирования фразеологических единиц в текстах разных жанров, так и о своеобразии их функций в мемуарах Г. Иванова, которое проявляется в синкретизме, то есть в одновременном совмещении нескольких функций на уровне минимальных отрезков текста» [Попкова: 253]. На материале мемуарных текстов Г. Иванова Попкова выделяет следующие текстовые функции предметных фразеологических единиц [Попкова: 251—253]:

- 1) **номинативная** (денотативная, информативная, референтивная) функция, когда автор использует предметные фразеологизмы для воссоздания бытовой и исторической действительности, задавая тем самым атмосферу тону повествования.
- 2) **эмотивная** (модальная) функция создаёт условия для эмоционального насыщения текста, для описания чувств говорящего.
- 3) **прагматическая** (апеллятивная) функция заключается в обращении к адресату, воздействию на него. Руководствуясь этой функцией, автор может внушать читателю особую логику развития событий, настраивать на этические, нравственные оценки.

4) **характерологическая** функция (функция речевой характеристики персонажей). ФЕ в составе речевого портрета могут характеризовать говорящего с социально-исторической позиции, т.е. как представителя социально-культурного типа, со стороны рода занятий, образа жизни.

5) **функция лаконизации речи,**

6) **функция когезии** [Попкова: 249].

Обобщая результаты исследований русских и зарубежных лингвистов, основные аспекты стилистической роли фразеологии в художественном тексте можно свести к следующим:

- Использование в тексте стилистического потенциала фразеологизма. Книжные фразеологизмы, обладающие в языке окраской патетичности, используются также для придания тексту торжественного тона, в то время как стилистически сниженные разговорные фразеологизмы способствуют созданию в художественном тексте атмосферы непринужденности, разговорности.
- Использование образности и оценочности фразеологизма как средства художественной выразительности. Фразеологизмы, обладающие образностью, оценочностью и краткостью в выражении сущности сложных явлений, активно используются в роли заголовков, названий художественных текстов, литературных произведений, статей.
- Стилистически значимые трансформации фразеологизмов с целью обновления образности фразеологизма, усиления его выразительности, а также уточнения его значения применительно к данному контексту.

При этом и многие российские, и немецкие современные исследования посвящены отдельным аспектам функционирования фразеологии в отдельных художественных текстах; комплексных же исследований авторской идиоматики встречается меньше. Для создания такого комплексного описания в первую очередь необходимо выявить, какие виды фразеологических единиц используются автором в речи персонажей для их

характеристики, и установить, соответствует ли их использование эстетическим задачам, поставленным автором, или скорее отражает его идиолект, то есть является авторской идиоматикой в понимании А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского.

А.Г. Балакай работает над составлением словаря И.С. Шмелёва на материале повести «Лето Господне». Описывая авторскую фразеологию, исследователь ставит задачу создания словаря фразеологизмов конкретного автора, при этом указывает в своих работах ([Балакай 2007, Балакай 2009]) на необходимость различать понятия «фразеология в повести» и «фразеология повести», отражая тем самым разницу в узком и окказиональном употреблении фразеологических единиц. Кроме того, понятие «фразеология в тексте», по определению А.Г. Балакай, включает в себя представление о составе и функциях фразеологических единиц языка в анализируемом произведении. Одна из главных задач исследования авторской фразеологии – составление авторского словаря – определяется им как выявление комплекса приёмов словесного выражения, свойственных данному лицу. Подобное описание становится возможным:

а) при широком понимании фразеологии, которое подразумевает включение в это понятие всех устойчивых в языке и воспроизводимых в речи обозреваемого периода комбинаций слов различных грамматических структур, обладающих разной степенью семантической слитности и мотивированности значения: идиом, фразеологических сочетаний, составных наименований, описательных наименований, предложно-падежных сочетаний с идиоматичными значениями, устойчивых сравнений, модальных выражений, пословиц, поговорок, прибауток, крылатых выражений,

б) при выявлении в тексте устойчивых комбинаций слов, о которых из контекста можно заключить, что они обладают теми или иными признаками ФЕ;

в) учитывая тот фактор, что статус устойчивого словосочетания весьма

часто однозначно определить, «имеем ли мы дело с диалектной, потенциальной, камерной ФЕ – или окказиональным метким выражением» [Балакай 2009: 11—13].

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, подводя итог своим исследованиям последних лет, посвятили в уже цитированной монографии отдельный раздел авторской фразеологии. Лингвисты констатируют, что в исследованиях авторской фразеологии не столько стремятся описать словник писателя, сколько уделяют внимание роли фразеологических единиц в ткани художественного текста. Такая разница в подходе обуславливает и иные приоритеты в исследовании. Понимая под авторской идиоматикой «такие выражения, которые либо созданы данным автором и не употребляются вне контекста его произведений, либо, будучи обычными идиомами соответствующего языка, структурно и содержательно трансформированы» [Баранов, Добровольский: 495], то есть «специфические особенности использования идиом, которые присущи данному писателю и выделяют его среди других носителей языка» [Баранов, Добровольский: 496]. Исследователи рассматривают следующие типы авторского употребления идиом как «основание для типологии авторской идиоматики:

- авторские лексические модификации идиомы;
- авторские грамматические трансформации;
- авторские семантические модификации идиомы;
- авторские фреквенталии;
- авторские деархаизмы;
- собственно авторские идиомы» [Баранов, Добровольский: 495].

Авторы систематично описывают основные аспекты лингвистического изучения авторской идиоматики:

1) Выявление частотности употребления идиом как в целом по всем произведениям данного автора, так и по каждому произведению и даже персонажу отдельно.

а) **выделение семантических групп идиом на материале корпуса произведений.** Так, проанализировав романы Достоевского, исследователи отметили частотность идиом с семантическим компонентом ненормального ментального состояния. Можно говорить о том, что в употреблении идиом проявляется такая особенность творческого мышления Достоевского, как интерес к отклонениям от психической нормы, высвечивающим уникальные особенности человеческой личности.

б) выявление закономерностей, характеризующих употребление идиом **в отдельных произведениях**, например, в романе «Игрок», действие которого разворачивается за границей и среди героев которого много иностранцев, используется значительно меньше идиоматических выражений, чем в романах «Бесы» или «Идиот»;

в) использование идиоматики **в прямой речи персонажа** обусловлено целым рядом факторов: его социальным статусом, образованием, характером, возрастом;

г) использование той или иной **перспективы повествования** также может отражаться на идиомном составе произведения (повествование от третьего лица в «Преступлении и наказании» нейтральнее повествования от первого лица в «Бесах» и «Игроке»; речь рассказчиков в этих произведениях также сильно различается);

д) описание **архитектоники текста, характера развития сюжета, его событийной структуры** и отражение их особенностей на семантике идиоматики.

2) Описание **формального варьирования структуры идиом в рамках нормы и за её пределами** как одной из характеристик художественного стиля. Указываются наиболее типичные случаи варьирования в идиоматике (в произведениях Ф.М. Достоевского): введение дополнительных компонентов идиомы, замена компонента идиомы на нестандартный, замена граммы грамматической категории, изменение категориальной принадлежности,

изменение модели управления. Авторы отмечают, что типы варьирования идиом описаны с точки зрения норм современного языка. В большинстве случаев не удастся определить, являются ли рассматриваемые явления отклонением от нормы или нормой XIX в., отличающейся от современной;

3) Описание **макроструктурной функции** идиом, то есть их связи с развёртыванием сюжета, с введением в текст тех или иных тем. Это описание может проводиться с нескольких позиций. Во-первых, при описании текста как последовательности элементов сюжета различной сложности идиомы могут функционировать как маркеры отдельных составляющих макроструктуры или как маркеры перехода от одного компонента макроструктуры к другому. Во-вторых, развитие сюжета может рассматриваться как смена когнитивных состояний персонажей, и тогда идиомы могут «выдавать» те или иные представления героев, возникающие в различных ситуациях и являющиеся языковой характеристикой их когнитивного состояния. При таком подходе возможно описание семантических полей, по которым идиомы организуются. Тогда идиомы могут выступать как маркеры определённых элементов сюжета, появляясь в разных фрагментах текста, вводить в структуры повествования отсылки к когнитивным состояниям персонажей, некоторым событиям, идеям и прочему.

4) **Синтактика идиом**, в частности, сочетание с модальными словами различных типов, с другими фразеологическими и лексическими единицами, не входящими в состав идиомы. Исследователи отмечают, что, хотя авторская идиоматика и даёт богатый материал для исследований такого рода, эта область практически не затрагивалась в имеющихся исследованиях по фразеологии. На материале произведений Ф.М. Достоевского отмечаются, например, лексем-ограничители, частично снимающие ответственность говорящего за своё высказывание. Появление лексем-ограничителей обусловлено наличием в идиомах живого метафорического компонента,

однако Ф.М. Достоевский использует не обычные для идиом ограничители *буквально, как говорится, чуть не*, а лексемы, которые в сочетаниях с идиомами обычно не употребляются. Ср. следующий пример: *«Можно было подумать, что это чистое школьничество, разумеется непростительнейшее; и, однако же, рассказывали потом, что он в самое мгновение операции был почти задумчив, «точно как бы с ума сошёл»; но это уже долго спустя припомнили и сообразили».*

Такого рода употребление может, с одной стороны, свидетельствовать об осознании метафоры, лежащей в основе внутренней формы, а с другой, — рассматриваться как способ выражения идеи глобальной неопределённости [См.: Баранов, Добровольский: 505—521].

Определённую проблему при описании языка автора, не современного нам, представляет систематизация случаев варьирования. Для последовательного описания варьирования необходимо располагать сведениями

- о современной автору норме или нормальном состоянии фразеологических единиц, являющихся объектом исследования;
- о границе между варьированием, допустимым нормой и выходящим за её рамки;
- об изменении нормы в течение времени [Баранов, Добровольский: 496].

Для описания авторской идиоматики авторы предлагают следующий алгоритм:

- выявление частотности употребления идиом по каждому произведению и даже персонажу отдельно,
- выявление закономерностей, характеризующих употребление идиом в отдельных произведениях,
- использование идиоматики в прямой речи персонажа,

- описание архитектоники текста, характера развития сюжета, его событийной структуры и отражение их особенностей на семантике идиоматики,
- описание макроструктурной функции идиом, то есть их связи с развёртыванием сюжета, с введением в текст тех или иных тем.

Характеризуя варьирование идиоматики в произведениях Достоевского, учёные оговаривают следующее: «Принять окончательное решение относительно статуса ... выражения как чисто авторского или, наоборот, широко использовавшегося в ту эпоху, располагая лишь имеющимися на сегодня результатами описания лексического состава языка XIX века, не представляется возможным. Для случаев варьирования опознаваемых идиом принимается следующее техническое решение: если у нас нет надёжной информации относительно употребления конкретной идиомы в рассматриваемый период времени, то нестандартные модификации относительно современного состояния литературного языка, представленные в произведениях Достоевского, считаются авторскими» [Баранов, Добровольский: 496].

Подробный анализ функционирования авторской фразеологии может дать возможность описать своеобразие функций фразеологизмов в текстах разного жанра конкретного автора в сопоставлении с их функционированием в текстах других жанров и / или в текстах других авторов.

По мнению Д.О. Добровольского и А.Н. Баранова, лингвистические исследования авторской идиоматики дают возможность увидеть различные измерения функционирования идиом и подсказать методы их изучения. Подход, ориентированный на конкретный текст или группу текстов, ограничивает исследователя по материалу, зато требует многоаспектного описания [Баранов, Добровольский: 520]. Подобное описание интересно не только с точки зрения отдельно взятого индивидуального стиля. Интерес к языку художественной литературы обусловлен и тем, что «художественные

произведения моделируют ценности и оценки этой действительности. Эта аксиологическая установка художественной и публицистической литературы, с позиций которой обычно проводятся наблюдения над развитием норм литературного языка, заметнее всего проявляется в стилистических тенденциях, которые тоже, в какой-то степени, могут быть моделированы» [Гальперин: 93].

Ниже представлена таблица с данными по частотности различных видов фразеологических единиц в произведениях Э. Кестнера. Подсчёт был проведён методом сплошной выборки. В ходе исследования были выделены такие группы фразеологических единиц, как парные формулы, идиомы, пословицы и поговорки, цитаты, фразеологические выражения (коллокации), сравнения, соматизмы.

	D	E	F	Fl	Kr	L	M	Всего
Парные формулы	1	4	6	1	6	3	2	23
Идиомы	24	46	58	36	44	30	71	309
Пословицы и поговорки	0	1	4	10	3	4	18	40
Цитаты	1	14	3	1	1	0	4	24
Коллокации	8	31	56	16	31	0	29	171
Сравнения	1	0	0	4	1	5	0	11
Соматизмы	0	14	7	9	6	19	2	57
Всего	35	110	134	77	92	61	126	635

Таблица 1: Частотность различных видов фразеологических единиц в произведениях Э. Кестнера.

Анализ приведённых данных показывает, что собственно идиомы составляют основную часть используемых фразеологизмов, в пьесе „Schule der Diktatoren“ – 69%, „Drei Männer im Schnee“ – 56%, „Das doppelte Lottchen“ – 49%, „Kriegstagebuch“ – 48%, „Das fliegende Klassenzimmer“ – 47%, в

романе „Fabian“ – 43%, „Emil und die Detektive“ – 42%. Доля пословиц и поговорок значительно ниже, но они представляют интерес в силу своей стилистической маркированности и возможностей использования в художественном тексте. Сопоставление с использованием фразеологии в произведениях современников Э. Кестнера (Б. Брехта, К. Тухольского, А. Дёблина), также представлявших движение «Новая вещественность», показывает, что именно использование идиом и паремий является характерной чертой творчества писателя. Другие виды фразеологии - парные формулы, цитаты, коллокации, описательные предикаты, - не представляют интереса для описания стилистики произведений писателя. Как правило, эти единицы стилистически нейтральны и используются только в номинативной функции. Они совсем не обыгрываются в произведениях, в том числе потому, что их структура далека от структуры «фразеологического ядра» (идиом, пословиц и поговорок) и обладает характерными ограничениями на трансформации.

В дальнейшем будет рассмотрено использование идиом и паремий в произведениях Эриха Кестнера, общие и частные закономерности в их стилистике, семантике и синтактике, а также особенности авторских модификаций. За основу анализа взята концепция авторской фразеологии А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. Её достоинствами являются разработанность на материале художественной литературы, сочетание как общего описания фразеологии, так и характеристики её использования в конкретных художественных произведениях с учетом их жанровых особенностей, содержания, перспективы повествования, архитектоники текста. Высокую степень варьирования компонентов идиом можно констатировать и при синхронном, и при диахронном рассмотрении.

Глава 2. Состав и функции используемой фразеологии.

Функции идиом и паремий

За последние десятилетия было проведено множество исследований авторской идиоматики, на материале конкретных идиостилей выделялись различные частные текстовые и текстообразующие функции. Общие закономерности использования идиоматики в произведениях Кестнера могут быть описаны, исходя из фундаментальных функций языка: коммуникативной (и её видов *фатической* и *конативной*), когнитивной (на примере *аксиологической* и *номинативной* функций), а также *эмотивной* функции (ср. [Данилевская: 401; Слюсарева: 564–565]). Как отмечает Н.В. Данилевская, «"степень проявления" той или иной функции в конкретной речевой разновидности зависит от назначения последней, от её роли в социуме» [Данилевская: 402]. Применительно к исследуемым произведениям можно предположить, что свою роль здесь играют художественный замысел, структура произведения, а также ряд экстралингвистических факторов, например, целевая аудитория. Кроме того, исследуется *текстообразующая* роль идиом (ср. [Sandig: 168—170; Фокина: 2]).

1. Текстовые функции идиом

1.1. Коммуникативная функция: фатическая подфункция

Коммуникативная функция отвечает за «осуществление процесса общения между людьми» ([Данилевская: 401]). В конкретных речевых ситуациях коммуникативная функция может проявляться как волюнтаривная (воздействия) или контактоустанавливающая (фатическая). В детских произведениях Кестнера важную роль играет установление контакта с читателем (*фатическая* функция), примеры можно встретить в предисловиях или авторских отступлениях:

- ***Haltet die Ohren steif!*** („*Das fliegende Klassenzimmer*“) – «*He vешайте нос!*»¹¹
- ***Und schreibt jetzt hinter den Ohren, was ich sage: Mut ohne Klugheit ist Unfug, und Klugheit ohne Mut ist Quatsch!*** („*Das fliegende Klassenzimmer*“) – «*И зарубите себе на носу, что я сейчас скажу: мужество без ума это безобразие, да и ум без мужества ни на что не годится!*»

Советуя своим юным читателям, как вести себя в тяжёлой ситуации, отмечая, что важно не терять присутствие духа, автор с самого начала определяет свою роль и остаётся на протяжении всего текста «старшим товарищем» для читающих его подростков. Поскольку автор тем самым задаёт желаемый тон повествованию, в этих и подобных примерах можно отметить и волюнтаривную функцию (волеизъявления).

Чаще, чем идиомы, фатическую функцию выполняют другие виды фразеологизмов (например, паремии), также представленные почти исключительно в детских произведениях.

- ***Aber ich möchte euch doch recht herzlich bitten, in dieser Beziehung etwas vorsichtig zu sein. Denn Vorsicht ist, wie man es so schön sagt, die Mutter der Porzellankiste.*** („*Emil und die Detektive*“) – *Но я хочу вас очень сильно попросить быть в этом отношении осмотрительнее. Ведь осторожность, как говорится, мать коробки с фарфором.*

Финская исследовательница Ульрике Рихтер-Вапаатало видит в подобных метаязыковых комментариях желание Кестнера привить маленьким читателям чувство языка¹², таким образом, через фатическую функцию реализуется общее дидактическое намерение автора.

---

¹¹ Здесь и далее, за исключением отдельно указанных случаев, перевод мой – МС.

¹² „so deutet dies darauf hin, dass in den KJB den Lesern damit nicht nur inhaltlich ein Anliegen vermittelt, sondern auch im weitesten Sinne Sprache erklärt und zum Nachdenken über Sprache angeregt wird“ [Richter-Vapaatalo, 2007: 233]

Кроме того, фатическая функция лежит в основе языковой игры, часто встречающейся в произведениях Э. Кестнера и проявляющейся, например, в трансформации фразеологических единиц (об этом см. подробнее Гл. III). Каждый конкретный пример языковой игры имеет своего адресата.

1.2. Конативная функция

Другой вид языковой функции, *конативная* функция – «ориентация на собеседника, то есть учет автором речи особенностей усвоения информации адресатом» ([Данилевская: 401]), используется в конкретных случаях для выражения субъективной модальности, пропозициональных установок, эмфазы. Большинство примеров использования этой функции зафиксированы в диалогах персонажей, например:

- *Und der Dieb würde sagen: Erlauben Sie mal, meine Dame, was fällt Ihnen eigentlich ein? Habe ich es etwa nötig, kleine Kinder auszurauben? Und dann würden alle den Jungen ansehen und schreien: Das ist doch der Gipfel!* („*Emil und die Detektive*“) – *А вор сказал бы: позвольте, сударыня, что это вам такое пришло в голову? Неужели мне нужно грабить маленьких детей? И тут все бы посмотрели на мальчика и воскликнули бы: да это ведь неслыханно!*

В данном случае идиома *Das ist doch der Gipfel!* «это же неслыханно» выражает отношение воображаемых говорящих к поведению героя, якобы их обманувшего. Главный герой представляет себе эту сцену, и скепсис взрослых, вложенный в это восклицание, передаёт безвыходность его положения.

- *Arbeiten will ich, dass die Schwarte knackt!* („*Drei Männer im Schnee*“) – *Да я работать хочу, работать до седьмого пота!*

Герой, уже несколько лет как безработный, рассказывает собеседникам о том, что не теряет надежды профессионально реализоваться и подчёркивает своё стремление работать при помощи идиомы *arbeiten, bis [daß] die Schwarte*

knackt «работать изо всех сил / до седьмого пота / до одурения». Фразеологизм имеет в словаре помету «фамильярное». С его помощью формируется субъективная модальность высказывания.

- *Gestern brachte der Rundfunk eine sehr merkwürdige Meldung: Der Stellvertreter des Führers, Heß, ist in einem Flugzeug spurlos verschwunden! ... Seine Adjutanten, die von einem Flugverbot wussten und ihn trotzdem fliegen ließen, seien verhaftet worden. Da mache sich einer einen Vers darauf.* („Kriegstagebuch“) – Вчера по радио передали странную новость: заместитель фюрера Хесс бесследно пропал на одном из самолётов!.. Его адъютанты задержаны: они дали ему улететь, хотя и знали, что летать ему запрещено. Вот и понимай как знаешь.

Выражение *sich einen Vers auf etw. machen können* «разобраться в чём-л.» формулирует отношение говорящего к сообщённой ему новости. Он указывает на то, что одни факты противоречат другим и можно только гадать, что происходит на самом деле.

1.3. Когнитивная функция

1.3.1. Когнитивная функция: аксиологическая подфункция

Когнитивная функция выражает деятельность сознания и реализуется в языковых единицах, выражающих оценку (аксиологическая функция).

- „*Mich geht zwar die Sache nichts an*“, begann Fabian, „*aber was Sie sich von der Frau bieten lassen, steigt auf Bäume*“. („Fabian“) - «Меня это, конечно, не касается», – начал Фабиан, – «но то, что вы позволяете женщинам предлагать себе, ни в какие ворота не лезет».

В данном примере идиома *etw. steigt / klettert auf [die höchsten] Bäume* «что-л. совершенно невероятно; это уж слишком» выражает оценку происходящего говорящим. В отличие от предыдущих примеров, выполняющих конативную функцию, основой для высказывания являются не эмоции, а определённое

логическое умозаключение.

- *Den Koffer krieg‘ ich selber hoch. Ich bin doch nicht aus Pappe! („Emil und die Detektive“)* – Чемодан я сам положу наверх. Не расклеюсь.

Выражение *nicht von Pappe sein* означает «*быть сильным человеком, которого не надо недооценивать*», а мальчик, употребляющий эту идиому применительно к себе, выражает тем самым оценку самого себя как физически сильного.

Аксиологическую функцию могут выполнять трансформированные фразеологические единицы:

- *[Ü]berall ist Russland Angrenzer. Und der erklärte Freund, wie auch der heimliche Feind des Dreimächtepakts. Russland: **die Ochsenzunge an der Dezimalwaage!** („Kriegstagebuch“)* – Россия со всеми граничит. А ещё она заклятый друг, равно как и тайный враг Берлинского пакта. Россия: аргумент, перевешивающий всё!» (досл. ‘*воловик лекарственный на десятичных весах*’).

Оценка изначально заложена во фразеологизме *Zunge an der Waage sein* («*быть решающим фактором*»). Писатель подчёркивает неоднозначную позицию Советского союза, а также то, что власти неверно её оценивают. Модифицировав фразеологизм, его компоненты автор заменяет сложными словами *Ochsenzunge* («*воловик лекарственный*») и *Dezimalwaage* («*десятичные веса*»). Трансформация лежащей в основе фразеологизма метафоры («*стрелка весов*» → «*аптекарское растение, отмеренное на товарных весах*») повторяет ход авторских рассуждений: весы для тяжёлых товаров не подходят для измерения лекарств. Таким образом, объектом оценки, помимо самого Советского союза, становится и близорукость политиков Германии, Японии и Италии.

1.3.2 Когнитивная функция: номинативная подфункция

Другими подвидами когнитивной функции являются идиомы, употреблённые для номинации, денотации, предикации (предметов и явлений внеязыковой действительности). Они играют *номинативную* роль. Их бóльшая экспрессивность формируется такими характеристиками, как интенсивность, наглядность, эвфемистичность [Sandig: 157—173], при этом они могут обладать различной стилистической окраской.

Так, выражение *etw. auf Herz und Nieren prüfen* «основательно проверить что-л.» имеет нейтральную стилистическую окраску, в следующем примере оно означает «проконтролировать». Акцент на интенсивности действия формулируется за счёт наглядности фразеологизма (букв. ‘*проверить сердце и почки*’):

- *Er will ihre Moral auf Herz und Nieren prüfen.* („Drei Männer im Schnee“) – Он хочет хорошенько испытать их моральные качества.

Идиома *große Stücke auf jmdn. halten* «быть высокого мнения о ком-л., ценить кого-л.» имеет помету в словаре «разговорное»:

- *Er hält große Stücke auf mich!* („Drei Männer im Schnee“) – Он меня очень ценит!

Выражение *ins Gras beißen* («умереть, сыграть в ящик») является эвфемизмом и при этом обладает стилистической характеристикой «фамильярное»:

- *Manchmal wird einer abgeholt. Gelegentlich beißt einer ins Gras.* („Die Schule der Diktatoren“) – Иногда кого-нибудь забирают. А потом он возьми да сыграй в ящик при первой возможности.

Фразеологизм характеризует говорящего (в данном случае – как циничного и равнодушного к окружающим человека), но при этом не несёт оценки действия.

Другой способ характеристики персонажа – использование в его речи фразеологизма, принадлежащего к тому или иному социолекту (например,

берлинскому или школьному сленгу). Такое употребление характеризует говорящего как представителя определённого социально-культурного типа по роду занятий, образу жизни. Примечательно, что социолекты и дифференцируются от литературного языка и территориальных диалектов, «главным образом, в области лексики, семантики, фразеологии» [Пшеничнова: 114]. Выражения, относящиеся к сленгу, могут быть и экспрессивно маркированы, и за счёт своей повышенной экспрессивности включать указание, например, на степень интенсивности действия (в примере использовано выражение „*den Buckel voll kriegen*“ – «получить взбучку»):

- „*Wenn du es wagst, uns das Geld weiterzugeben, kriegst du den Buckel voll, Mensch!*“ rief Gustav. („*Emil und die Detektive*“) - Если ты вздумаешь отдавать нам деньги, я тебя просто изобью! - закричал Густав. [Перевод Л. Лунгиной]

Особым видом номинации является описание чувств персонажа путём использования соматических единиц. Методом сплошной выборки был проанализирован текст семи произведений Эриха Кестнера, всего было зафиксировано 64 употребления соматизмов (в процентах выражена доля от общего количества использованных фразеологических единиц).

	идиомы		соматизмы		всего ФЕ
D	24	69%	0	0	35
E	46	42%	14	13%	110
F	58	48%	7	5%	134
Fl	36	29%	9	12%	77
Kr	44	48%	6	7%	91
L	30	49%	26	43%	61
M	71	56%	2	2%	126
Всего	309	49%	64	10%	635

Таблица II: соотношение количества идиом и соматизмов в проанализированных произведениях Э. Кестнера.

Как можно заметить, в различных произведениях Кестнера доля соматизмов варьируется. Интересно проследить соотношение соматизмов и идиом. Так, в пьесе „Die Schule der Diktatoren“ идиомы составляют 69% от всей использованной фразеологии, при этом соматизмы на протяжении всего текста не использованы ни разу. В повести „Drei Männer im Schnee“ 56% фразеологии являются идиомами, но при этом только 2% – соматизмы. В романе „Fabian“ доля соматизмов также невелика (5% при 48% идиом), зато в детской повести „Das doppelte Lottchen“ при 43% соматизмов только 48% фразеологии являются идиомами. В двух других детских повестях соотношение приближается к среднему по произведениям Кестнера. На основании этого можно сделать вывод о том, что наглядность, которая является основной отличительной чертой соматизмов, оказывается важной для писателя при написании детских произведений, в то время как в тексте произведений для взрослых для него важны другие качества идиом (стилистическая маркированность, экспрессивность).

Следующие соматизмы, основанные на одной метафоре, повторяются в различных произведениях Кестнера:

- *den Mund / das Gesicht ziehen / verziehen* (6),
- *große Augen machen / Steilaugen machen / die Augen aufreißen / mit großen Augen anschauen* (5),
- *den Kopf schütteln* (4),
- *Mund und Nase aufsperrern / der Mund steht offen* (4),
- *die Achseln / mit den Achseln zucken* (3),
- *eine Gänsehaut kriegen / Gänsehaus überläuft jmdn.* (2),
- *es würgt in jmdm.s Kehle / jmdm. ist der Hals wie zugeschnürt* (2),
- *den Kopf senken* (2),
- *sich den Kopf / am Kopf kratzen* (2),
- *am ganzen Körper zittern* (2),
- *sich hinter dem Ohr / hinter den Ohren kratzen* (2),

- *die Schultern heben* (2).

Художественная функция идиом-соматизмов состоит в том, что соматизм воплощает принцип языковой экономии и одновременно обогащает образность содержательного плана произведения. Употребив его, художник и описывает поведение героя, и косвенно указывает на его эмоции:

- *Der Beamte **biß** sich ärgerlich auf die Lippen* („*Emil und die Detektive*“). – Чиновник сердито закусил губу.

Мимика свидетельствует в данном примере о досаде чиновника.

- *Käufer, Verkäuferinnen und Bummler umstanden ein kleines verheultes Mädchen, das zehn Jahre sein mochte, einen Schulranzen trug und ärmlich angezogen war. Das Kind **zitterte am ganzen Körper** und blickte entsetzt in die bösen, aufgeregten Gesichter der Erwachsenen ringsum.* („*Fabian*“) – Покупатели, продавщицы и прохожие обступили маленькую заплаканную девочку не старше десяти лет, бедно одетую, со школьным ранцем за плечами. Ребёнок дрожал всем телом и с ужасом смотрел в окружившие его злые, негодующие лица взрослых.

Сильная дрожь – признак и страха, и беззащитности ребёнка.

- *Das Mädchen **zuckt nur die Achseln** und beginnt zu essen.* („*Das doppelte Lottchen*“) – Девочка лишь пожала плечами и принялась за еду.

Удивление героини выражено характерным жестом, из которого становится ясно её душевное состояние.

Как и любые другие виды фразеологических единиц, соматизмы могут обыгрываться в контексте – например, за счёт противопоставления понятного образа, ощущения, лежащего в их основе, фактическому действию. Так, в следующем отрывке героиня приступает к еде, хотя она переживает и горло у неё «будто зашнуровано» (ср. русскую идиому «ком стоит в горле»):

- *Lotte setzt sich folgsam neben Luise und greift zum Löffel, obwohl **ihr der Hals wie zugeschnürt ist.*** („*Das doppelte Lottchen*“) – Лотта покорно садится рядом с Луизой и берётся за ложку, хотя к её горлу подступает комок.

В остальном использование соматических ФЕ не отличается от прочих видов идиом. Так, соматизм может быть включен в разговорный контекст. В следующем примере употреблены два соматизма:

• *Wenn wir einen Mann liebhaben, liefern wir uns ihm aus. Wir trennen uns von allem, was vorher war, und kommen zu ihm. „Da bin ich“, sagen wir freundlich lächelnd. „Ja“, sagt er, „da bist du“, und kratzt sich hinterm Ohr. Allmächtiger, denkt er, nun **hab ich sie auf dem Hals**. („Fabian“) – Когда мы любим мужчину, мы отдаёмся ему. Мы расстаёмся со всем, что было прежде, и приходим к нему. «Вот и я», – говорим мы, ласково улыбаясь. «Да», – говорит он, – «вот и ты», и чешет в затылке. «Боже мой», – думает он, – «вот и она на мою голову».*

Если свои действия героиня описывает лаконично, преимущественно глаголами с 1 или 2 второстепенными членами, что подчёркивает её решительность, то, поскольку реакция мужчины изображается фразеологическими единицами, действие будто бы замедляется. Тем самым подчёркивается несамостоятельность, слабость, нерешительность героя. На семантическом уровне этот эффект усиливается за счёт значений фразеологизмов *sich hinter dem Ohr kratzen* ‘чесать за ухом, обдумывая что-л.’ и *jmdn. auf dem Hals haben* ‘иметь кого-л. на шее, быть вынужденным кого-л. обеспечивать’.

Для употребления соматизмов Кестнер часто использует приём скопления фразеологизмов или создания фразеологических цепочек:

• *Plötzlich macht sie große, erstaunte Augen.*

Nun reißt auch Luise die Augen auf!

Der Chauffeur schiebt die Mütze nach hinten, kratzt sich den Kopf und kriegt den Mund nicht wieder zu.

Dann zuckt sie die Achseln und bringt erst einmal die zwanzig Neulinge ins Haus. („Das doppelte Lottchen“)

Внезапно её глаза широко открываются от удивления.

Тут и Луиза широко распахивает глаза.

Шофёр сдвигает шапку, чешет в затылке и никак не может закрыть рот.

В конце концов она [воспитательница - МС] пожмает плечами и только тогда отводит двадцать новеньких в дом.

Соматизмы, свидетельствующие об удивлении персонажей, частотны в произведении, обеспечивая тем самым концентрацию на поведении героев. Кестнер, будучи учителем по образованию, принадлежал к педагогическому движению *Reformpädagogik* («прогрессивная педагогика»), и в таком фокусе повествования отразился его интерес к поведению ребёнка и его эмоциональным реакциям.

1.4. Эмотивная функция

Эмотивная функция создаёт условия для эмоционального насыщения и выразительности текста (ср. [Данилевская: 401]). В следующих примерах выделенные выражения передают переживания говорящих героев:

- *Es dreht sich einem das Herz im Leibe um.* („*Drei Männer im Schnee*“) – *У кого не сжалось бы сердце.*
- *„Da brat mir einer einen Storch“* murmelte die Köchin. („*Das doppelte Lottchen*“) «"Вот это да!" – бормочет повариха» (букв. «Вот мне и аиста запекли!»).
- *Mir stehen die Haare zu Berge, obwohl ja alles längst vorüber ist.* („*Emil und die Detektive*“) «У меня волосы встают дыбом, хотя это уже давно прошло стороной».

В каждом из этих примеров идиома выражает эмоцию говорящего: сострадание в первом случае, изумление во втором, страх – в последнем.

Использование фразеологических единиц в эмотивной функции в разной степени характерно для анализируемых произведений. Так, немецкий литературовед Ульрих фон Бюлов сравнил дневник „*Kriegstagebuch*“ с

трёхактной классицистической драмой, описывающей победоносное начало войны, коренной поворот и катастрофу. Если в первых двух частях повествователю удаётся сохранять нейтральный тон очевидца, а эмоционально окрашенные фразеологизмы звучат лишь из уст его героев, то ближе к «развязке» тон авторского повествования меняется:

- *Vorgestern hieß es, eine Oberschwester habe in einem Vortrag erklärt, dass man nicht zögern solle, gesunde deutsche Mädchen zu Staatsmüttern zu machen. Der Kommentar verwahrte sich dagegen, dass die deutschen Frauen und Mädchen „zu Matratzen für die russischen Untiere“ gemacht würden. Wir hörten es im Gasthof „Neuhaus“, wo die kleinen Seminaristinnen um das Radiogerät saßen und lauschten. **Uns blieb allen die Spucke weg.** („Kriegstagebuch“) – Позавчера по радио рассказали, что одна старшая медсестра заявила, что ради страны следует без промедления сделать из здоровых немецких девушек матерей. Автор комментария возражал против того, чтобы делать из немецких женщин и девушек «подстилку для русских чудовищ». Мы слушали эту передачу в гостинице «Нойхаус», с нами же вокруг радио сидели семинаристочки и слушали. Мы остолбенели от ужаса.*

Но это один из немногих примеров, когда в фокусе повествования „Kriegstagebuch“ оказываются эмоции рассказчика, переданные к тому же соматизмом.

В целом, говоря о функциях идиом, следует отметить, что они определяются не только значением, но зависят от конкретного употребления. Два следующих примера показывают, как фразеологизм *damit ist es Essig* «дело дрянь» приобретает разные функции в зависимости от синтаксического контекста.

- *Mit der Anstellung war es übrigens wieder Essig.* („Drei Männer im Schnee“) – А с поиском работы было, кстати, опять дело дрянь!

Акцентирован результат действия; подчёркивается, что задумка с самого

начала была обречена на неудачу, идиома выступает в номинативной функции.

- *Sie halten mich ja für einen Millionär, nicht wahr? **Damit ist es allerdings Essig.** („Drei Männer im Schnee“) – Вы считаете меня миллионером, не так ли? Чушь собачья!*

В таком контексте говорящий оценивает убежденность окружающих в том, что он миллионер, а значит, фразеологизм вводит оценку, что является частным случаем проявления когнитивной функции.

В.М. Мокиенко отмечает у ФЕ «приглушение» номинативной функции в пользу экспрессивной [Мокиенко: 211], но в отношении авторского стиля Кестнера это утверждение не всегда верно. Напротив, часто фразеологизм сохраняет за собой номинативную функцию, при этом другие функции вводятся контекстом. Ср.:

- *Neuerdings **haben** die Herren der Ufa ... **ihr Herz für die Amerikaner, ihren Schnaps und ihre Zigaretten entdeckt.** („Kriegstagebuch“) – С недавнего времени господа из "Уфы"... открыли свою душу американцам, их шинясу и сигаретам.*

Выражение *sein Herz für etw. haben* «любить что-л.» трансформировано, компонент *haben* заменён компонентом *entdecken*, но отношение говорящего выражено сочетанием этого модифицированного выражения с лексемой *neuerdings* – таким образом, субъективная модальность формируется всем предложением.

Обобщая результаты анализа, можно представить распределение идиом в произведениях Э. Кестнера по функциональным группам в следующей таблице:

	Функции										всего
	фатич.		конатив.		аксиол.		номинат.		эмотив.		
D	0	0%	0	0%	5	19%	17	73%	2	8%	24
E	0	0%	4	9%	1	2%	33	72%	8	17%	46
F	2	5%	0	0%	0	0%	48	81%	8	14%	58
Fl	3	8%	2	6%	0	0%	23	64%	8	22%	36
Kr	0	0%	4	10%	5	12%	31	71%	4	7%	44
L	0	0%	0	0%	0	0%	23	78%	7	22%	30
M	0	0%	1	1%	3	4%	53	77%	14	21%	71
Всего	5	1%	11	8%	14	5%	228	74%	51	16%	309

Таблица III: Распределение идиом по функциональным группам в проанализированных произведениях Э. Кестнера.

Выше всего доля идиом, выполняющих *номинативную* функцию, она составляет 74%. По конкретным произведениям их количество варьируется от 81% в романе „Fabian“ до 64% в детской повести „Das fliegende Klassenzimmer“. Количество идиом, выражающих *эмоции*, в целом в проанализированном материале оказалось не так велико (16%), их распределение по произведениям значительно различается. Если в детских повестях „Das doppelte Lottchen“ и „Das fliegende Klassenzimmer“ их доля относительно высока (22%), то в пьесе „Die Schule der Diktatoren“ они составляют 7% от всех фразеологических единиц, а в тексте дневника „Kriegstagebuch“ – 6%. Значительно ниже доля ФЕ, выполняющих другие функции. Около 8% идиом играют *конативную* роль, при этом в пьесе „Die Schule der Diktatoren“ и детской повести „Das doppelte Lottchen“ субъективная модальность идиоматическими средствами никак не выражена. Если в первом случае это связано с сатирическим представлением действия в пьесе, отношение к которому зрителю предлагается сформулировать

самостоятельно, то во втором с тем, что в детских произведениях отношение обычно выражено эксплицитно, а в конкретной повести идиом встречается мало. 5% идиом, формулирующих оценку, выполняют *аксиологическую* функцию. При этом в пьесе „Die Schule der Diktatoren“ и в дневнике „Kriegstagebuch“ их доля (19% и 12% соответственно) значительно выше, чем в остальных произведениях. *Фатическая* функция используется для установления контакта с читателем и встречается, в основном, в предисловиях или авторских отступлениях детских произведений, но идиом, обладающих такой функцией, было обнаружено немного (1%). Желание автора вовлечь читателя в повествование связано с популярной в Веймарской республике концепцией педагогического направления *Reformpädagogik* («прогрессивная педагогика»), принципы которой Кестнер воплощал в своих детских произведениях.

2. Текстобразующие функции идиом

Помимо общеязыковых функций, у идиом можно выделить *текстобразующую* функцию, за счёт которой они обеспечивают когерентность художественного произведения. Х. Бургер, описывая виды вовлечённости фразеологизмов в контекст, выделяет их два основных вида: когезия и модификация. Когезия сопоставима с пониманием текстобразующей функцией в широком смысле слова [Burger 2010: 157—165].

На немецком материале синтактику фразеологизмов в художественных текстах описала Б. Зандиг, обратившая внимание на разнообразие способов их использования для формирования темы. Описываются следующие стилистические приёмы:

1) **способы позиционирования** фразеологической единицы в тексте (*Positionierung*) — употребление фразеологизма как средства когезии в начале, конце или середине текста или текстового пассажа. Часто позиция и роль фразеологизма задаются типом текста. Например, в газетных текстах они часто используются в заголовках; в анекдотах — в развязке; в комментирующих типах текстов могут находиться в конце текстового пассажа, выполняя роль обобщения. А. Роткегель выделяет 3 функции позиционирования фразеологических единиц:

- конституирующая (*Phrasem als Halter – фразеологизм как основа*) в позиции начала текста;
- рамочная (*Phrasem als Klammer – фразеологизм как рамка*), в начале и конце текста;
- связующая (*Phrasem als Scharnier – фразеологизм как буфер*) — между двумя частями текста [ср. Rothkegel: 240 — 243];

2) **скопление фразеологических единиц** (*Häufung*), при этом различают

- скопление связанных между собой фразеологизмов,

- скопления фразеологизмов, никак между собой не связанных.

Связь между единицами может основываться на семантической, оценочной близости или общности компонентов;

- 3) **образование фразеологических цепочек (*Kettenbildung*)**, связанных тематически или образно и употребляемых на протяжении всего текста [Sandig: 157—173].

2.1. Собственно текстообразующая функция

Собственно текстообразующая функция отвечает за целостность текста. В этой роли выступают повторяющиеся идиомы.

Многократное повторение одного фразеологизма можно, по-видимому, объяснить двумя причинами: принадлежностью этого фразеологизма к тому или иному социолекту (например, берлинскому или школьному сленгу), а также проходящим сквозь весь текст (или даже сквозь несколько текстов) лейтмотивом. Примеры использования сленговых выражений будут рассмотрены в следующем разделе; ниже анализируется ряд выражений, служащих лейтмотивами в одном или нескольких произведениях.

Фразеологизм *über alle Berge sein* «скрыться так, что поминай как звали» повторяется в детской повести „Emil und die Detektive“. Он созвучен основной теме приключений главного героя в Берлине, а именно погоне и слежке за вором:

- *Da mußte man bis zur nächsten Station warten, und inzwischen war der Mensch im steifen Hut über alle Berge.* („Emil und die Detektive“) – И пришлось ждать до следующей станции, а тем временем человек в котелке смылся.
- *Aber komm bald wieder. Sonst läuft der Kerl da drüben weg. Und da muß ich ihn selbstverständlich hinterher. Und wenn du wiederkommst, bin ich über alle Berge.* („Emil und die Detektive“) – Но только возвращайся поскорее. Вдруг этот тип уйдёт. Тогда мне, конечно, придется

отправиться за ним. Ты придёшь, а меня и след простыл!

Тема осведомлённости в той же детской повести выражается в том числе фразеологизмом *etw. wie seine Westentasche kennen* «знать что-л. как свои пять пальцев».

- *Aber mir hat doch wer, der einen großen Umhängebart trug und die Kinder wie seine Westentasche kannte, ausdrücklich erklärt, das gefiele ihnen nicht!* („*Emil und die Detektive*“) – Но ведь бородатый господин, этот крупнейший специалист по детям - он уверяет, что знает их как свои пять пальцев, - толковал мне, что все это их не интересует. [Перевод Л. Лунгиной]
- *In dem Hotel gibt's doch einen Jungen, der den Fahrstuhl bedient und derartige Sachen. Wenn nun wer von uns zu ihm ginge und erzählte, was los ist, na, der kennt doch das Hotel wie seine Westentasche und weiß bestimmt einen guten Rat.* („*Emil und die Detektive*“) – В гостинице я видел мальчика. Он у них, видно, лифтер. А может, посыльный. Кто-нибудь из нас должен к нему пойти и рассказать, в чем дело. Ведь он наверняка знает в гостинице все ходы и выходы, он нам поможет. [Перевод Л. Лунгиной]

Тема хитрости и обмана в пьесе „*Die Schule der Diktatoren*“ выражается при помощи трансформированной идиомы *das Trojanische Pferd* «троянский конь»¹³.

В повести „*Das fliegende Klassenzimmer*“ автор подчёркивает, что при любых обстоятельствах не следует терять мужества; эта мысль подчёркивается фразеологизмом *die Ohren steifhalten* ‘не вешать носа, не терять мужества, держаться, крепиться’:

- *Und die Matrosen, die an Land gingen, riefen: „Halte die Ohren steif, Johnny!“* („*Das fliegende Klassenzimmer*“) – И матросы, сходя на берег,

---

¹³ Подробно эти примеры рассмотрены в Гл. III, раздел 2.2.

кричали: «Не вешай нос, Джонни!»

- **Haltet die Ohren steif!** („Das fliegende Klassenzimmer“) – Не вешайте нос!

Тема нереализованных планов, регулярно звучащая в романе „Fabian“, формулируется в том числе с помощью фразеологизма *über / auf den Haufen werfen* ‘сорвать план’.

- *Und weil ihnen nichts mehr einfällt, was, wenn die Leute daran herumkochen, Bouillon gibt, und weil ihnen das, was ihnen früher einfiel, von der Mehrheit längst **auf den Misthaufen der Geschichte geworfen wurde**, fragen sich die Sittenrichter: ...* („Fabian“) – А поскольку ничего другого моралистам в голову не приходит, кроме того, что когда люди много варятся в этом соку, получается бульон, а то, что им раньше приходило в голову, давно забракковано большинством и выброшено на свалку исторических древностей, они спрашивают себя ...
- *Der Kerl **schmeißt** mit seiner Quasselei die ganze erste Seite **über den Haufen**.* („Fabian“) – Своей болтовнёй этот парень превратит всю первую полосу в помойку.

Проблема передела мира великими державами, осмысляемая в дневнике „Kriegstagebuch“, реализуется с помощью идиомы *etw. in Hand haben / nehmen* «располагать чем-л.», букв. ‘иметь что-то в руках’.

- *Hinter der aktuellen Drohung, die ein klein wenig lächerlich wirkt, versteckt sich natürlich die andere, die auf die Friedensverhandlungen hinzielt, deren Führung, nach Amerikas Meinung, eines Tages Amerika **in Händen haben wird**.* („Kriegstagebuch“) – За этой угрозой, которая кажется немного смешной, конечно, спрятана другая, целью которой являются мирные переговоры, которыми, по мнению Америки, Америка же будет однажды руководить.

- *Die anderen behaupten: Molotow wollte nicht weiter nachgeben, und Stalin **nahm** nun die „deutschenfreundliche“ Politik selber **in die Hand**.* („Kriegstagebuch“) – *Другие утверждают: Молотов не хотел дальше идти на уступки, и Сталин взял «благоприятную для немцев» политику в свои руки.*
- *Rom **in deutscher Hand**.* („Kriegstagebuch“) – *Рим в немецких руках.*

В отдельных случаях повторяется одно и то же выражение, в следующем примере это пословица *Ordnung muss sein* «порядок превыше всего»:

- *An den Wänden hingen die Nachthemden militärisch ausgerichtet. **Ordnung mußte sein**.* *Nachts waren die Primaner aus dem Park herausgekommen und hatten sich zu erschrockenen Quintanern und Quartanern ins Bett gelegt. Die Kleinen hatten geschwiegen. **Ordnung mußte sein**.* („Fabian“) – *На стенах по-военному аккуратно были развешены ночные рубашки. Порядок был превыше всего. Ночью десятиклассники выбирались из парка и укладывались в кровать к перепуганным шести- и семиклассникам в кровать. Малыши молчали. Порядок был превыше всего.*

Выделенный фразеологизм подчёркивает ханжеский, показной характер требуемого порядка, когда воспитателей волнует только то, ровно ли висит одежда и тихо ли в спальне, за этим они оказываются неспособны увидеть порочность подрастающих подростков. Кроме того, в этом случае имеет место грамматическая трансформация выражения: ситуация отнесена в прошлое, поэтому модальный глагол принимает форму прошедшего времени *musste*.

Подобный вид использования фразеологизма в тексте описывается Б. Зандиг как **образование фразеологических цепочек** (*Kettenbildung*), когда связанные тематически или образно фразеологические единицы употребляются на протяжении всего текста [Sandig: 157—173].

Отдельный аспект текстообразующей функции фразеологии – её позиционирование и синтаксическое оформление. Если различные виды переосмысления фразеологии за счёт синтаксического обыгрывания и её актуализации будут рассмотрены в следующей главе, то далее речь пойдёт о способах включения фразеологизма в тема-рематическую структуру предложения. При определённом порядке слов фразеологизм может выделяться – например, оказываясь на соответствующей позиции в предложении или в отрывке текста.

- *Die meisten Internen hatten schon begonnen, ihre Koffer zu packen. Sie freuten sich auf die Weihnachtsfeier in der Turnhalle. Sie freuten sich auf die morgige Reise mit der Eisenbahn. Sie freuten sich auf die Geschenke, die sie zu Hause kriegen wurden. Sie freuten sich über die Geschenke, die sie den Eltern und Geschwistern mitbringen wollten.*

Sie freuten sich wie die Schneekönige, waren quietschvergnügt und mussten sich mächtig zusammenehmen, dass sie nicht mitten im Unterricht auf die Bänke kletterten und dort zu tanzen anfangen. („Das fliegende Klassenzimmer“)

Большинство школьников начали собирать чемоданы. В спортзале они радовались празднику Рождества. Они предвкушали завтрашнее путешествие по железной дороге. Они предвкушали подарки, которые получат дома. Они были рады, что скоро подарят свои подарки родителям, братьям и сёстрам.

Они не помнили себя от радости, светились ей и им приходилось сдерживать себя из последних сил, чтобы не забраться на скамейку и не начать от радости там пританцовывать.

Идиома *er freut sich wie ein Schneekönig* «он не помнит себя от радости, он в телячьем восторге» следует за абзацем, содержащим три предложения с одинаковой грамматической основой (*sie freuten sich*). Фразеологизм венчает пассаж и за счёт той же грамматической основы в своём составе (*sie freuten*

sich) и высокой экспрессивности становится его своеобразной кульминацией.

Похожее обобщение можно встретить и в следующем примере:

- *Diese Selow ist schwermütig und ordinär, beides in einem Atem.*
(„Fabian“) – Эта Зелоу одновременно и меланхолична, и вульгарна.

Выражение „*in einem Atem*“ имеет значение «одним духом, не переводя дыхания», оно обобщает значения предыдущих прилагательных. При включении идиомы в предложение нарушается её сочетаемость, поскольку обычно она характеризует речь персонажа. Возможно, включение её в текст отсылает к речи героини, как черте, по которой другие персонажи судят о её характере в целом.

Вовлечение фразеологизма в контекст, его обыгрывание в контексте обеспечивает когерентность отрывка. В следующем пассаже таким фразеологизмом является идиома *er ist nicht auf den Kopf gefallen* «он не дурак, он неглуп», букв. ‘он не свалился на голову’.

- *PROFESSOR: Ihr Verdienst liegt auf einem anderen, quasi physikalischen Gebiet. Wenn Sie, Exzellenz, infolge Ihrer Verwundung **nicht auf seinen Kopf gefallen wären**, hätte die berittene Polizei merken müssen, daß er mausetot war. Und nicht nur schwer verletzt, wie wir der Welt mit gutem Erfolg einreden konnten.*

KRIEGSMINISTER: Ich danke für die lebenswürdige Belehrung.

*LEIBARZT: Es bleibt Ihr historisches Verdienst, auf seinen, statt **auf Ihren Kopf gefallen zu sein**.* („Die Schule der Diktatoren“)

ПРОФЕССОР: Ваша заслуга другого рода, можно сказать, физического. Если бы Вы, Ваше Превосходительство, в результате ранения не свалились бы на его голову, то прискакавшие полицейские обнаружили бы, что с ним покончено, а не что он тяжело ранен, в чём мы успешно убедили весь мир.

МИНИСТР ОБОРОНЫ: Благодарю за столь любезное разъяснение.

ЛЕЙБ-МЕДИК: Ваша заслуга перед лицом истории в том, что вы не прогадали и свалились на его, а не на свою голову (букв. 'не оказались дураком').

Поскольку речь идёт о буквальном падении на голову – не свою, а президента, - можно говорить о буквализации фразеологизма, довольно распространённом в произведениях Кестнера приёме (ср. Гл. III, 3.1.). С точки зрения организации текста весь эпизод строится вокруг буквального и лексикализованного значения этого выражения, а значит, можно говорить о собственно текстообразующей функции. После нескольких употреблений этого выражения в прямом значении завершающее цепочку употребление играет на прямом и переносном его понимании. Такая позиция фразеологической единицы приводит и к переосмыслению предыдущих реплик: погибший президент, «упавший на голову», воспринимается новым правительством как неумный человек.

2.2. Концептообразующая функция

Другой способ обеспечить связность текста – использование идиом, относящихся к одному лексико-семантическому полю, семантика которого связана с лейтмотивом произведения. М.А. Фокина вводит понятие *концептообразующей* функции, отмечая, что фразеологический уровень взаимодействует при этом с такими экстралингвистическими факторами, как художественный замысел, тема и идея произведения [Фокина: 2]. В рамках настоящей работы было интересно проследить, как на фразеологическом уровне лейтмотивы переходят из произведения в произведение.

В романе „Fabian“ описываются экономический кризис и безработица начала 1930-х годов, социальные проблемы становятся одной из ведущих тем этого произведения. Четыре из пяти фразеологизмов с семой «бедность», употребленные в проанализированных произведениях, встречаются в этом романе:

- *Ich habe arm angefangen, ich war später ein reicher Mann, ich bin jetzt wieder ein armer Teufel, es spielt keine Rolle. („Fabian“)* – Я начинал бедняком, потом разбогател, а теперь у меня снова ни гроша за душой, но это неважно.
- *Denn denke Dir, mein gutes Kind, ich kann diesmal die acht Mark fürs Fahrgeld nicht schicken! Es reicht an keiner Ecke, und daß Vater nichts verdient, weißt du ja. („Das fliegende Klassenzimmer“)* – Мой хороший, я не смогу прислать тебе восемь марок на билет до дома в этот раз! Мы едва сводим концы с концами, ты ведь знаешь, папа ничего не зарабатывает.

Также следует отметить, что отдельные функционально-семантические группы фразеологизмов характерны для конкретных произведений.

Три из четырёх фразеологизмов с семой ‘выпить’, несущих эвфемистическую окраску, встречаются в юмористической повести „Drei Männer im Schnee“, в которой рассказывается о приключениях трёх мужчин на отдыхе в горах:

- *Ich trinke euch alle unter den Tisch. („Drei Männer im Schnee“)* – Да я всех вас переблю.

Использована идиома *jmdn. unter den Tisch trinken* «переблю кого-л.».

- *Wir waren in der Bar und haben einiges gehoben. („Drei Männer im Schnee“)* – Мы были в баре и опрокинули пару рюмочек.

Фразеологизм *einen heben* имеет значение «опрокинуть рюмочку, клюкнуть».

Показательно, что Кестнер в обоих случаях предпочитает разговорный вариант идиомы более распространённому фамильярному варианту (*jmdn. unter den Tisch saufen, einen saufen*) [ср. Schemann].

В следующих примерах используется выражение *jmdn. auf den Arm nehmen* «разыгрывать кого-л., подшучивать над кем-л.»:

- *Aber wenn ich sie erwische, kann sie was erleben! Sonst denkt sie womöglich, ich lasse mich in der Ehe auf den Arm nehmen. („Drei Männer*

im Schnee“) – Но если я её поймаю, то она кое-что узнает! Иначе она, небось, будет думать, что я разрешу и в браке водить меня за нос.

- *„Du willst mich wohl **auf den Arm nehmen**?“ fragte der Primaner.*
„Nicht doch, nicht doch“, erwiderte Sebastian bescheiden. „Bei ihrer Größe? Ich würde mir ja glatt den Arm verstechen“. („Das fliegende Klassenzimmer“)
 - Ты что, собрался меня водить за нос? - спросил десятиклассник.
 - Что вы, что вы, - скромно возразил Себастьян. – С вашим-то ростом? Я ж себе руку растяну!

Фразеологизм *du kriegst die Motten!* имеет значение ‘не может быть! мыслимое ли дело’; в словаре Х. Кюппера это выражение маркировано как возглас удивления или отчаяния [Küpper]. Оно встречается в повести *„Emil und die Detektive“* и романе *„Fabian“*:

- *„Du kriegst die Motten!“ sagte Traugott empört. „Sie werden ganz einfach die Gelegenheit abpassen und ihm das Geld, das er geklaut hat, wieder klauen!“ („Emil und die Detektive“)* – Ты что, совсем обалдел! - взревел Трауготт. - Мы просто выберем подходящий момент и выкрадем у него деньги Эмиля. [Перевод Л. Лунгиной]
- *„Du kriegst die Motten“, sagte Pony Hütchen. („Emil und die Detektive“)* – Ну и болван! - воскликнула Пони-Шапочка. [Перевод Л. Лунгиной]
- *"Liebe Frau Hohlfeld", antwortete er. "Ihre Phantasie hat die Motten". („Fabian“)* – «Дорогая госпожа Хольфельд», ответил он, «у Вас плохое воображение».

Идиома *ihn bringen keine zehn Pferde dahin* «его туда калачом не заманишь», досл. ‘десять лошадей его туда больше не доставили бы’ также встречается в разных контекстах:

- *Mich bringen keine zehn Pferde wieder hinein!* („Die Schule der Diktatoren“) – Меня туда теперь и калачом не заманишь!

- *Er mußte fort, keine zehn Pferde hielten ihn länger.* („Fabian“) – Ему нужно было уехать, никакая сила его бы там больше не удержал.

Идиома *das hängt mir zum Halse heraus* «меня тошнит от этого, это мне до смерти надоело» используется в дневнике „Kriegstagebuch“, повести „Drei Männer im Schnee“:

- *Wir haben „an der italienischen Grenze“ eine nationale faschistische Regierung Italiens etabliert. Eine reichlich lächerliche Gründung, wenn man bedenkt, wie sehr den Italienern der Faschismus und seine Segnungen zum Hals heraushängen.* („Kriegstagebuch“) – «На итальянской границе» мы установили итальянское национальное фашистское правительство. В высшей степени смешное учреждение, если принять во внимание, насколько тошнит итальянцев уже от фашизма и его плодов.
- *Mir hängen die alten, lieben Gewohnheiten längst zum Hals heraus.* („Drei Männer im Schnee“) – Меня тошнит уже от старых добрых привычек.

Интересно проследить, как используется выражение *Saure Gurkenzeit*. Оно встречается дважды, и, хотя и в разных произведениях, ситуации его употребления идентичны (журналист обсуждает с главным редактором содержание следующего выпуска):

- *Er wühlte in den Bürstenabzügen. „Ausverkauft“, erklärte er. „Saure-Gurkenzeit.“* („Fabian“) – Он порылся в стопке корректур. «Распродано», – заявил он, – «мёртвый сезон».
- *Der Chefredakteur der Münchner Illustrierten, Doktor Bernau, stöhnt auf. „Sauregurkenzeit, meine Liebe!“* („Das doppelte Lottchen“) – Главный редактор Мюнхенского Иллюстрированного журнала, доктор Бернау, стонет. «Мёртвый сезон, моя дорогая!»

Хотя сам по себе фразеологизм не имеет сленговой принадлежности, использование его в таких близких контекстах наводит на мысль о том, что

для Кестнера он связан с журналистской средой. Подобные ситуации могут повторяться и в тексте нескольких разных произведений. Так, например, повторяется выражение *Fliegen fangen*, семантика которого («бездельничать, гонять собак, ловить мух») противопоставляется типичному поведению героев Кестнера.

- *Stelle dir vor, du müsstest nach Königsberg oder Köln, und ich säße in der Mommsenstraße und finge Fliegen.* („Drei Männer im Schnee“) – *Представь себе, тебе нужно в Кёнигсберг или Кёльн, а я сижу на Момзеништрассе и бездельничаю.*
- *„Wir gehen gleich morgen früh einkaufen. Pony, du kommst mit!“ rief Emil zufrieden.*
„Denkst du vielleicht, ich fange inzwischen Fliegen?“ („Emil und die Detektive“)
- *Завтра утром отправимся за покупками. Ты, Пони, пойдёшь с нами? – спросил Эмиль, и было видно, что он очень доволен.*
- *А ты, верно, думал, что я буду в это время считать мух на потолке, что ли?*

Выражение *sich für jmdn. ein Bein ausreißen* «расшибиться в лепёшку» встречается дважды:

- *Ob er sich nun die Zähne putzte oder ob er debattierte, ob er Geld ausgab oder ob er seinen Vorgesetzten Vorschläge machte, stets riß er sich ein Bein aus.* *Wer in seine Nähe kam, wurde von dieser Humorlosigkeit infiziert.* („Fabian“) – *Чистил ли он зубы или вёл дискуссии, тратил ли он деньги или предлагал что-либо своему начальнику, он всегда отличался исключительным усердием. Кто к нему приближался, заражался его отсутствием чувства юмора.*
- *Und wer sich ein Bein ausreißt, hat er sich selber zuzuschreiben.* („Drei Männer im Schnee“) – *А кто расшибается в лепёшку, тот сам должен*

считать себя виноватым.

Фразеологизмы с похожим значением (*alle Hände voll zu tun haben* «*быть занятым по горло*», *sich den Kopf zerbrechen* «*ломать себе над чем-л. голову*») также повторяются в различных произведениях Кестнера, характеризую занятость главных положительных героев.

Другим лейтмотивом романа „Fabian“ является тема зависимости и обременения одного человека другим, реализующаяся, например, во фразеологизме *an Halse hängen* «*сидеть у кого-л. на шее*», несколько раз повторяющемся на протяжении текста:

- *Na, zum Glück läßt Sie die Sache kalt. Sie sind ein patenter Kerl, und zweitens **haben Sie keine Frau auf dem Hals.*** („Fabian“) – *Ну, к счастью это дело меня не волнует. Вы отличный парень, да и к тому же у вас нет жены на шее.*
- *Allmächtiger, denkt er, **nun hab ich sie auf dem Hals.*** („Fabian“) – «*Боже мой*», *думает он, «вот и она на мою голову».*

Тема зависимости власти от внешних сил реализуется фразеологизмом *in den Sattel helfen / heben* «*помочь сесть в седло; помочь стать на ноги [устроиться]; помочь упрочить своё положение*» и встречается в произведениях, в которых Кестнер критически осмысляет сущность национал-социалистического режима:

- *Man sei, durch den Erfolg des Bauernkriegs, zu plötzlich **in den Sattel gehoben** worden, und man könne, infolge der aus dem Krieg rührenden Schwierigkeiten (Lebensmittelknappheit usw.), leider **noch nicht reiten.*** („Kriegstagebuch“) – *После успеха крестьянской войны их слишком быстро посадили в седло, но ездить верхом они пока не научились – из-за сложностей, возникших в ходе войны, таких, как недостаток питания и проч.*
- *Daß er, erst einmal an der Macht, wurde, was er geworden ist, das versteh*

ich. Doch warum hob man ihn in den Sattel? Einen fanatischen Buchhalter für harmlos zu halten, ist kindisch. („Die Schule der Diktatoren“) – Я понимаю, как из него получилось то, что получилось, как только он добрался до власти. Но вот почему ему помогли там оказаться? Очень наивно было считать фанатичного бухгалтера безобидным человеком.

2.3. Стилеобразующая функция

Частотность отдельных фразеологизмов можно объяснить их принадлежностью к сленгу (так, школьные сленговые выражения частотны в детских повестях), а их использование вслед за М.А. Фокиной назвать *стилеобразующим* [Фокина: 2].

Хельмут Майер, составивший в своём исследовании „Deutsche Sprachstatistik“ пирамиду частотности лексем немецкого языка, выделил 12 стилистических групп лексики: от группы **Ia**, в которую включены 30 наиболее употребительных лексем языка (3.468.082 словоформы в проанализированных текстах, что по частотности употребления составляет 31,79% словоформ от всех словоформ в тексте, при этом чисто арифметически они составляют 0,01% от всех слов немецкого языка), а в группу **XI** и **XII** включены редко употребляемые лексемы, относящиеся по большей части к специальной лексике, составляющие 14,96 и 69,2 процента соответственно от всех лексем языка (38.633 и 178.457) и представленные в общей сложности 404.838 словоформами в проанализированных текстах. Применительно к прозаическим произведениям Э. Кестнера Майер выводит следующую закономерность по частотности и употребительности лексем [Meier: 53, 120]:

	Ia	Ib	Ic	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Sprachlich	31,79	15,31	7,25	8,48	6,37	6,32	4,48	3,13	4,3	3,39	3,55	1,92	3,71	
Kästner	29,4	15,6	7,8	9,3	5,5	2,7	4,5	2,3	5,2	1,9	3,5	2,7	1,0	8,6

Таблица IV: Распределение лексических единиц в произведениях Э. Кестнера по частотности в сопоставлении с языковым узусом.

В приведённой таблице данные по произведениям Кестнера сопоставлены с общезыковой статистикой. Лексика произведений Кестнера по своему составу практически соответствует разговорной речи. Основное различие состоит в количестве слов из **XII** группы. Это объясняется тем, что для достижения определённых стилистических эффектов Кестнер использует в своих произведениях терминологию и другую лексику, ограниченную по сфере употребления.

В проанализированных произведениях фразеологизмы различных стилистических характеристик распределены следующим образом:

	кн.		нейтр.		разг.		разг. фам.		сленг		груб.		шутл.		нет		всего
	к	%	к	%	к	%	к	%	к	%	к	%	к	%	к	%	
D	0	0%	5	19%	13	54%	2	8%	0	0%	2	8%	0	0%	2	12%	24
E	0	0%	3	7%	15	30%	9	17%	1	2%	1	2%	1	2%	13	29%	46
F	1	2%	8	14%	16	26%	8	14%	0	0%	0	0%	0	0%	22	36%	58
Fl	0	0%	6	17%	24	67%	0	0%	0	0%	0	0%	0	0%	6	17%	36
Kr	0	0%	6	14%	22	50%	0	0%	2	5%	1	3%	1	3%	11	26%	44
L	0	0%	7	24%	12	41%	4	12%	0	0%	0	0%	0	0%	7	24%	30
M	1	1%	8	11%	42	57%	7	10%	0	0%	2	3%	0	0%	13	19%	71
Всего	2	1%	43	14%	144	47%	31	10%	3	1%	6	2%	2	1%	77	26%	309

Таблица V: Стилистика фразеологических единиц в произведениях Э. Кестнера.

В произведениях Кестнера преобладают идиомы разговорной (48%) и нейтральной (14%) стилистической окраски, что соответствует уже приведённым данным по стилистике его произведений из исследования Майера. К сожалению, довольно высокая доля проанализированных идиом (26%) отсутствует в словаре, поэтому определить их стилистические

характеристики не удалось¹⁴. Сленговые, равно как и стилистически высокие, книжные и шуточные выражения составляют по 1% от всех идиоматических единиц, используемых Кестнером. Ниже будут проанализированы случаи использования стилистически маркированных единиц на отдельных примерах.

На протяжении всей повести „Emil und die Detektive“ Кестнер имитирует сленг берлинских мальчишек. Вот некоторые примеры из речи одного из главных героев – Густава:

- *Ich dachte sogar, du hättest viel Zeit! Stellt sich mit Koffer und Blumenhohl hinter die Zeitungsbude und spielt mit sich selber Verstecken! Da muß man doch **glatt zehn bis zwanzig Meter Zeit** übrig haben.* („Emil und die Detektive“) – *А я думал, у тебя времени хоть отбавляй. Торчишь с чемоданом и букетом за газетным киоском, сам с собой в прятки играешь! Для таких забав надо иметь тьму свободного времени.* [Перевод Л. Лунгиной]
- *Sag's dem **Schupo** dort. Der **nimmt ihn hopp**.* („Emil und die Detektive“) – *А ты скажи полицейскому: он твоего вора живо схватит.* [Перевод Л. Лунгиной]
- *Also, ich finde die Sache mit dem Dieb **knorke**. Ganz große **Klasse**, Ehrenwort! Und, Mensch, wenn du **nischt** dagegen **hat**, helfe ich dir!* („Emil und die Detektive“) – *Классно это у тебя с воров получилось! Отличная история, честно! Если ты не против, я тебе помогу.* [Перевод Л. Лунгиной]

---

¹⁴ Статус идиомы у единиц, не зафиксированных в словарях, установлен по корпусам и / или электронным поисковым машинам (например, www.google.de), при анализе уделялось внимание и стабильности значения единицы. В отдельных случаях пришлось прибегнуть к консультации носителя языка.

Имитация сленга продолжается и на фразеологическом уровне, для этого используются в основном идиомы, имеющие помету «фамильярное». Вот только некоторые примеры:

- *„Hat er oft zu euch hergeblickt?“ fragte der Professor.*
„Nicht die Bohne, Mensch!“ („Emil und die Detektive“)
 - Он часто смотрел в вашу сторону? - спросил Профессор.
 - Да ни разу, старик. [Перевод Л. Лунгиной]
- *„War sie böse?“ fragte Emil.*
„Nicht die Bohne“, meinte Hütchen. („Emil und die Detektive“)
 - Они злились? - спросил Эмиль.
 - Нисколько, - заверила его Пони. [Перевод Л. Лунгиной]
- *„Ist deine Mutter streng?“ fragte der Berliner Junge.*
„Meine Mutter?“ fragte Emil. „Aber keine Spur. Sie erlaubt mir alles. Aber ich tu's nicht. Verstehst du?“ („Emil und die Detektive“)
 - А твоя мама очень строгая? - спросил берлинский мальчик.
 - Моя мама? Строгая? - переспросил Эмиль. - Да что ты! Она мне все разрешает. Но я не делаю ничего такого. Ясно? [Перевод Л. Лунгиной]
- *„Ist dir ganz nichts geschehen?“*
„Keine Spur. Es war wunderbar!“ („Emil und die Detektive“)
 - С тобой ничего плохого не случилось?
 - Да что ты, мама! Наоборот, это было так здорово! [Перевод Л. Лунгиной]
- *„Großartig!“ sagte der Professor. „Aber leiser, meine Herren. Komm her, Gustav, setz dich und erzähle.“*
„Mensch, das reinste Theater. Zum Quietschen.“ („Emil und die Detektive“)

- Здорово! - воскликнул Профессор. - Но прошу вас потише, господа. Густав, сядь-ка и валяй дуё все по порядку.

- Ребята, прямо кино! Со смеху умрешь. Послушайте только! [Перевод Л. Лунгиной]

- *Ich fahre rasch nach Hause und erzähle **das ganze Theater**.* („*Emil und die Detektive*“)

- Я сейчас мотану домой и расскажу про весь этот цирк! [Перевод Л. Лунгиной]

В повести „Das fliegende Klassenzimmer“ часто используется гимназический сленг того времени, что отражается и на фразеологическом уровне:

- *Na, Martin, schon wieder **auf dem Kriegspfad?*** (*Das fliegender Klassenzimmer*) – Ну что, Мартин, снова на тропе войны?

Выражение *sich auf den Kriegspfad begeben* означает ‘встать на путь войны, начать войну’. Используя формулу из книг об индейцах пользовавшихся большой популярностью в то время, в обращении к школьнику, учитель в буквальном смысле слова говорит с ним одним языком. Использование единиц, связанных с определённым социолектом (например, с молодёжным сленгом), Б. Зандиг относит к текстообразующим средствам. За счёт своей социальной маркированности эти идиомы используются для формирования **полифонии** (многоголосия) **текста** [ср. Sandig: 157—173].

Встречаются фразеологизмы и с другими стилистическими характеристиками.

Фразеологизмы, несущие помету «грубое», выявлены исключительно в произведениях для взрослых:

- *Während der Fahrt drehte sich der Chauffeur um – es war in einem der kleinen Wagen, die keine Trennungsscheibe haben – und sagte (auf Berlinerisch): „Ich weiß ja nicht, wen ich fahre... Aber so viel kann ich Ihnen sagen: Der Krieg ist **im Arsch!**“* („*Kriegstagebuch*“) – Во время

поездки шофёр обернулся – он был в одном из небольших автомобилей, где нет стекла между кабиной шофёра и пассажирскими местами, и сказал (по-берлински): «Я, конечно, не знаю, кого я везу... Но одно я могу Вам сказать: войну мы продули!»

Грубую стилистическую оценку в этот контекст вводит выражение *im Arsch sein* «погибнуть, пропасть, накрыться» [Девкин]. Важно отметить, что выражения с такой стилистикой не характерны для произведений Кестнера, в этом случае мы имеем дело с передачей прямой речи.

- *Erst schneidet man sie vom Fensterkreuz, die kleine Gans. Und jetzt? Ein paar Wochen später säuft sie wie ein Loch und schnappt uns die Kerle weg. („Die Schule der Diktatoren“)* – Сначала эту дурочку вытаскивают из оконного проёма. И что теперь? Всего пару недель спустя она хлещет спиртное и уводит у нас парней.

Выражение *trinken [saufen] wie ein Loch* «хлестать, глушить водку», «зашибать» [Девкин] не выбивается из общего стилистически грубого контекста, характеризующего говорящего персонажа. Наглядность выражения (букв. 'пить как дыра') обуславливает его высокую экспрессивность, а его стилистика («разговорное фамильярное») соответствует общему тону речи необразованной героини.

Аналогично функционирует и несущий ту же оценку фразеологизм *jmdm. etw. zur Sau machen* 'смешать кого-л. / что-л. с грязью' в следующем контексте:

- *MAJOR: Sie überschätzen die Mühe. Außerdem, ein Volk zur Sau machen und dann an einem Praliné sterben, das hat keine Proportionen. („Die Schule der Diktatoren“)* – МАЙОР: Вы переоцениваете эти усилия. Кроме того, смешать с грязью целый народ, а потом умереть, съев шоколадную конфету, разве это можно сравнить?

Таким образом, в пьесе „Die Schule der Diktatoren“ язык проституток и власть имущих оказывается идентичным.

- „*Nun aber ran an den Speck!*“, befahl Schulze. („*Drei Männer im Schnee*“) – «Ну а за дело», велел Шульце.

Идиома *ran an den Speck!* «давай!; начинай!; хватай!» имеет фамильярную стилистическую окраску, а здесь употреблена в разговоре в приятельском кругу.

- *Der Portier fragte: „Meine Damen, warum verlassen Sie uns denn so plötzlich?“*

„*Er kommt aus dem Mustopf*“, meinte Tante Julchen. („*Drei Männer im Schnee*“)

Портье спросил:

- *Дамы, почему же вы нас так внезапно покидаете?*

- *Он не в курсе, - заметила тётушка Юля.*

В этом контексте выражение *aus dem Mustopf kommen* «*быть не в курсе, без понятия о чем-л.*» несёт грубую стилистическую окраску и тем самым подчёркивает раздражение говорящей.

В произведениях встречаются и отдельные примеры использования фразеологии, относящейся к определённому дискурсу и ограниченной сферы употребления в несоответствующем их окраске контексте, например, жаргонизмов¹⁵. За счёт включения подобных выражений в структуру текста достигается стилистический эффект. Например:

- *LEIBARZT: Und ein Kabinettswechsel mit tödlichem Ausgang.* („*Die Schule der Diktatoren*“) – *ЛЕЙБ-МЕДИК: И смена кабинета с летальным исходом.*

Выражение *mit tödlichem Ausgang* ‘с летальным исходом’ обычно

---

¹⁵ «Жаргон (франц. jargon) – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединённых общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п.» [Скворцов: 129]

используется исключительно в юридических контекстах (ср.: *Unfall mit tödlichem Ausgang* – несчастный случай со смертельным исходом, *eine Krankheit mit tödlichem Ausgang* — болезнь со смертельным / летальным исходом) и представляет собой профессионализм. Такого рода канцеляризмы, встречающиеся в речи участников тайного правительства пьесы, свидетельствуют, с одной стороны, об их формализованном мышлении, с другой – разоблачают циничность и бесчеловечность их политической деятельности (в приведённом примере лейб-медик рассуждает о возможностях нейтрализовать заговорщиков и уже заранее размышляет о том, как об этом будет рассказано народу в СМИ).

При описании военных действий Кестнер использует идиому из солдатского жаргона, по-видимому, поскольку она стилистически связана с описываемой реальностью:

- *Die englischen Luftangriffe auf die Kanalküste werden hier bagatellisiert. Trotzdem ist es nicht zu leugnen, dass augenblicklich die Engländer an allen Fronten eine auffällige Tätigkeit entwickeln. Und dass die deutschen **Kräfte bei Fuß stehen**. („Kriegstagebuch“) – Английские удары с воздуха вдоль канала описываются, как пустяк. Несмотря на это, нельзя отрицать, что в настоящий момент англичане развивают активность на всех фронтах. И что немецкие силы приставлены к ноге.*

Компонент *bei Fuß* «к ноге» встречается в военных командах (например, *Gewehr bei Fuß* «ружьё к ноге»), использование его в таком контексте указывает на авторскую иронию. Команда, используемая исключительно в эллиптической конструкции, в этом примере синтаксически трансформирована, поскольку употреблена в другом окружении.

Военный жаргон использован и в следующем примере:

- *In Berlin geht das Gerücht, das von Ahnungslosen ebenso wie von Generalen verbreitet wird, dass England im Frühjahr besonders Berlin **auf Korn nehmen werde**. („Kriegstagebuch“) – По Берлину ходит слух, что в*

начале года Англия возьмёт Берлин на мушку. Об этом поговаривают как людьми, никакого понятия о происходящем не имеющими, так и генералами

Выражение *aufs Korn nehmen* «взять на прицел» на этот раз используется для описания военных действий.

В следующем примере встречается фразеологизм, относящийся к сленгу моряков *an Bord sein*, букв. ‘быть на борту’, перен. «присутствовать».

- *„Und – verliere das Geld nicht!“*

Emil faßte sich entsetzt an die Jacke und in die rechte Brusttasche. Dann atmete er erleichtert auf und sagte: „Alle Mann an Bord“. (*„Emil und die Detektive“*)

- Смотри, деньги не потеряй!

Эмиль испуганно схватился за пиджак и проверил правый внутренний карман. Потом он облегченно вздохнул и сказал: «Все на борту».

В этом случае идиома используется в переносном смысле, на чем основан иронический эффект, её употребление в этом значении окказионально.

Стилистически высокие, книжные выражения составляют 1% от всех идиоматических единиц, используемых Кестнером, но в *„Kriegstagebuch“* их 9%. Что интересно, это единственное из проанализированных произведений, в котором писатель использует идиомы латинского происхождения. В следующем случае использован латинизм:

- *Und wie wenig er „mens sana in corpore sano“ verstehen und würdigen konnte.* (*„Kriegstagebuch“*) – *И как мало он понимает и насколько не способен ценить «здоровый дух в здоровом теле».*

Как видно из приведённого примера, такие выражения передают «дух» времени (приведённое выражение пользовалось большой популярностью в фашистской Германии). Остальные книжные выражения также являются либо расхожими цитатами, популярными в те годы в стране, либо встречаются в приводимых Кестнером обрывках цитат из бесед с его

знакомыми.

- *Wer's glaubt, wird selig.* („*Die Schule der Diktatoren*“) – Блажен, кто верует.

Это выражение, восходящее к лютеровскому переводу Евангелия¹⁶, обладает при этом грубой стилистической окраской [Schemann].

Единственная идиома, носящая поэтическую окраску, использована в романе „*Fabian*“ (*der Busen der Natur* «лоно природы»). Она также стилистически не соответствует контексту и используется для создания иронического эффекта:

- *Also los, an den Busen der Natur, marschmarsch!* („*Fabian*“) – Итак вперёд, на лоно природы шагом марш!

Пометой «шутливое» в словаре отмечены следующие фразеологизмы:

- *Die spanischen Korrespondenten der Frankfurter und der Deutschen Allgemeinen Zeitung haben wie auf Kommando die Feder gezückt.* („*Kriegstagebuch*“) – Испанские корреспонденты Франкфуртер альгемайне и Дойче альгемайне как по команде навострили перья.
- „*Weil man bloß Dinge beschreiben kann, die man kennt und gesehen hat*“, *gibt er zu Antwort.*
„*Aber erlauben Sie, lieber Herr Nietenführ!*“
„*Das ist doch klar wie dicke Tinte*“, *sagte er.* („*Emil und die Detektive*“)
- *Потому что писать надо о том, что знаешь и видел своими глазами,*
- *отвечает он.*
- *Но позвольте, дорогой господин Нитенфюр!*
- *Ясно, что ничего не ясно, - отвечает он.*

Фразеологизм *Das ist doch klar wie dicke Tinte* переводится как «ясно, что ничего не ясно» [Девкин].

---

¹⁶ „Wer da glaubt und getauft wird, der wird selig werden; wer aber nicht glaubt, der wird verdammt werden“ – «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мк 16, 16) [Redensarten-Index].

Глава 3. Модификации фразеологических единиц в прозе Э. Кестнера.

1. Виды фразеологических модификаций

Фразеологизмы характерны и для разговорной, и для художественной речи. Это объясняется, с одной стороны, их высокой экспрессивностью, с другой – сложной, «вторичной» структурой. Под вторичной структурой фразеологизма понимают его формальное соответствие определённой синтаксической структуре (словосочетанию, предложению) и невыводимость общего значения из значения компонентов. При нормативном употреблении фразеологизма его «внутренняя форма» большой роли не играет, но для создания определённого эффекта может «реанимироваться» говорящими» [Санников: 258].

В художественной речи, так же, как в публицистике и речи разговорной, обыгрывание фразеологизмов довольно распространено. Это явление характерно для русского, английского, немецкого, чешского и других языков. Во вступлении к своей книге В.Н. Телия указывает на особую роль образного значения фразеологизмов при их функционировании в речи [Телия: 8]. Как отмечает исследователь, фразеологизмы представляют благодатную почву для языковой игры, так как обладают определёнными свойствами. «Одним из таких свойств мы, например, считаем экспрессивность, характерную для большинства идиом, и номинативную самостоятельность одного из компонентов – для фразеологических сочетаний. Первая – следствие их прагматической нагруженности, что объясняет во многом саму потребность в них как в экспрессивных «заготовках» языка, а второе является одной из причин такой важной особенности фразеологических сочетаний, как их способность служить фразеобразовательными аналогами словообразовательных структур, чем и можно объяснить их продуктивность в современном русском языке, особенно – в газетно-публицистических

текстах» [Телия: 30—31].

Контекстуальное преобразование фразеологизмов – явление, частотное в экспрессивной речи. Фразеологизмы в потоке речи могут подвергаться различным модификациям: в них могут опускаться компоненты, варьироваться последовательность компонентов и логические ударения, вводиться уточняющие слова, может происходить их перевод из утвердительных в отрицательные и наоборот, части фразеологизмов могут попадать в разные синтагмы и в разные предложения и т. д. И всё же фразеологизмы остаются готовыми воспроизводимыми оборотами, не теряя своего специфического качества. Устойчивость их сохраняется, если остается их соотнесённость с исходной формой. Употребление фразеологизмов всегда отмечено творческим своеобразием; то же можно сказать и о каламбурах, созданных на основе фразеологизмов.

В последние годы количество исследований этой проблемы возросло: помимо работ В.Н. Телия и В.З. Санникова на материале русского языка можно назвать ряд исследований, проведённых российскими учёными на немецком и английском материале, из последних можно назвать диссертации О.Н. Гунякиной («Способы выражения комического через фразеологизмы немецкого языка», М., 2006), А.А. Константиновой («Коммуникативно-прагматический потенциал пословиц и поговорок в современной англо-американской прессе», М., 2007), А.С. Полевщиковой («Языковая игра в романе А. Мушга „DER ROTE RITTER. EINE GESCHICHTE VON PARZIVÂL“ (1993) (на материале немецкого языка)», М., 2011). Следует, однако, отметить, что большинство работ проведено на материале публицистики. В данной работе рассматривается использование модифицированных фразеологизмов в художественном тексте.

«Вторичная» структура фразеологических единиц обуславливает их высокую экспрессивность и открывает возможности для использования в художественном тексте. Заложенная во фразеологических единицах

образность может переосмысливаться в художественном тексте. Модификации идиом (грамматические, лексические, синтаксические, семантические) традиционно относятся к авторской идиоматике наряду с такими явлениями, как фреквенталии (частотные ФЕ), деархаизмы (устаревшие выражения, используемые в авторской речи), собственно авторские идиомы (термин используется в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [ср. Баранов, Добровольский: 495]).

Формальное варьирование структуры идиом описывается в рамках нормы и за её пределами как одна из характеристик художественного стиля. Для более полного описания варьирования их необходимо охарактеризовать с учётом данных

- о современной автору норме или нормальном состоянии фразеологических единиц, являющихся объектом исследования;
- о границе между варьированием, допустимым нормой и выходящим за её рамки;
- об изменении нормы с течением времени [Баранов, Добровольский: 496].

Модификации фразеологизмов могут быть по-разному представлены в произведениях одного автора, так как связаны с общей стилистикой конкретного произведения и допустимостью языковой игры в рамках его замысла. Для отдельных авторов такие преобразования становятся часто используемым стилистическим средством.

Так, И.Г. Сагирян в статье «Функциональное своеобразие фразеологических единиц в языке произведений М.А. Булгакова» приводит следующие примеры модифицированных фразеологизмов из романа «Собачье сердце» [Сагирян 2006: 681-682]:

1. *То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?!* – собственно авторский фразеологизм;

2. *Ну вас к чёрту, – мутно подумал пёс, положив голову на лапы и задремав от стыда, – и стараться не буду понять, что это за штука – все равно не пойму.* – замена в структуре фразеологизма;

3. *Мое открытие, черти б его съели, с которым вы носитесь, **стоит ровно один ломаный грош**...* – расширение структуры фразеологизма.

При анализе модификаций фразеологизмов необходимо определить границу между окказиональным и узуальным употреблением, поскольку отдельные фразеологизмы допускают варьирование компонентов или синтаксическое варьирование (например, пассивизацию), структура же других накладывает ограничение на их использование. Определить, существуют ли ограничения на трансформации, и описать их возможные пределы, можно, по-видимому, исключительно эмпирическим путём, проведя соответствующее исследование.

Важно отметить, что немецкая фразеология в силу аналитичности языка и бóльшего количества различных вариантов в парадигме языка (национальных, региональных, диалектов) склонна к бóльшей вариативности, чем русская. И.И. Чернышёва для описания немецкой фразеологии выделила класс фразеологизированных словосочетаний – серийных образований типа рус. *зло / тоска / досада берёт*, нем. *blinde Tasche / Tür, blindes Fenster* – букв. ‘слепой карман’, ‘слепая дверь’, ‘слепое окно’, где *blind* реализует значение «*фальшивый, не прорезанный*».

Вот некоторые случаи варьирования фразеологизмов, не обусловленные языковой игрой.

В следующем примере мы имеем дело с грамматической вариативностью:

- *„Also, Emil, du Rabe“, sagte sie, „kommt nach Berlin und **dreht gleich ‘nen Film!**“* („*Emil und die Detektive*“) – *Ну и силен же ты, Эмиль! - сказала она. – Приехал в Берлин, и все у тебя завертелось, как в кино.* [Перевод Л. Лунгиной]

Выражение *Dreh mir keinen Film ab!* «не устраивай глупых выходок» зафиксировано в словаре в устойчивой форме, но, по-видимому, изменение её не несёт за собой никаких изменений в семантике и стилистике выражения.

Возможна и лексическая вариативность компонентов:

- *„Doch, dann bist du ein Dieb“, behauptete der Professor.*

„Quatsch dir keine Fransen“, murrte Traugott. („Emil und die Detektive“)

- Бред! - крикнул Профессор. - Если мы украдем у него деньги, мы будем такими же ворами, как и он.

- Ну, это ты свистишь! - крикнул в ответ Трауготт. [Перевод Л. Лунгиной]

В словаре Кюппера эта идиома, имеющая значение *viel schwätzen; eindringlich auf jmdn. einreden* «много болтать, навязчиво навязывать кому-л. своё мнение», зафиксирована в форме *sich Fransen an den Mund reden* и объясняется как *„Man meint, vom vielen Reden müßten die Lippen auffransen“* («имеется в виду, что от количества сказанного губы превратятся в лохмотья») [Küpper].

- *Dann nahm der Beamte ein Bündel Geldscheine aus seiner Mappe, zählte sie auf den Tisch, und Tante Martha, die genau aufpaßte, flüsterte, als er fertig war: „Tausend Mark!“*

„Ei Potz!“ rief Pony. „Nun haut's dreizehn!“ („Emil und die Detektive“)

И тут полицейский вынул из портфеля пачку денег и пересчитал их на столе, а тетья Марта, которая с вниманием следила за его жестами, прошептала:

- Тысяча марок!

- Вот это да! - воскликнула Пони. [Перевод Л. Лунгиной]

Замена глагола *schlagen* синонимичным, но более разговорным глаголом *hauen* в составе выражения *nun [jetzt] schlägt's (aber) dreizehn!* «это из ряда вон!, это уже чересчур!, дальше ехать некуда!» также не влечёт за собой никаких существенных изменений.

В другом случае Кестнер производит противоположную замену:

- *Sie werden dich **hochkantig hinauswerfen**.* („Drei Männer im Schnee“) – *Да они тебя с треском выгонят.*

В примере происходит замена фамиллярно окрашенного глагола *schmeißen* на нейтральный глагол *werfen* в рамках идиомы *hochkantig hinauswerfen* «с треском выгнать».

- *Zum Selbstmord neige ich nicht, denn ich verspüre nichts von jenem Tatendrang, der andere nötigt, so lange **mit dem Kopf gegen die Wand zu rennen**, bis der Kopf nachgibt.* („Fabian“) – *Я не склонен к суициду: нет во мне этой жажды действий, заставляющей других идти напролом, пока не свернут шею.*

В данном случае представлены лексическая и формально-семантическая модификации, в идиоме *mit dem Kopf durch die Wand wollen* «идти напролом; добиваться осуществления своих планов ценой больших усилий» компоненты *wollen* и *durch* заменены на *rennen* и *gegen*.

Такие замены могут не нести стилистической окраски, находиться в рамках узуса¹⁷:

- *Wie die Lager und Städte im Osten zu spät geräumt wurden, weil wir ja siegen mussten (so wie Russland schon vor Jahren praktisch **am Boden lag**), so*

---

¹⁷ В электронном корпусе www.dwds.de зафиксирован 191 случай употребления словосочетания *am Boden liegen* в основном корпусе (Kernkorpus), 83 в корпусе немецкого архива текстов (Deutsches Textarchiv) и 380 в корпусе газеты „Die Zeit“. По корпусу нельзя развести словосочетания с фразеологически связанным и свободным значением компонентов, но среди примеров доля фразеологизмов значительна (ср.: Die Familie Quandt ist bei BMW eingestiegen, als die Firma am Boden lag, hat ihr Vermögen riskiert und eine sehr langfristige Strategie verfolgt. [Die Zeit, 06.07.2009, Nr. 27]; Wir besiegten die zerstörerischen, anti-sozialistischen, rechtsgerichteten revisionistischen Kräfte mit politischen Mitteln, obwohl sich auch andere Lösungen in jenen schwierigen, verwirrenden Zeiten anboten, da unser Staat am Boden lag. [Archiv der Gegenwart, 42, 1972]; Eine typisch deutsche Oper scheint mir Webers "Freischütz" zu sein, besinnlich, heiter und gelassen, in einer Zeit entstanden, in der Deutschland am Boden lag. [Neue Hamburger Presse 04.08.1945, 04.08.1945], все примеры из корпуса Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [DWDS], последняя проверка 15.04.2014).

auch in Italien. („Kriegstagebuch“) – Как на востоке, так и в Италии лагеря и города были оставлены слишком поздно, ведь мы бы непременно победили – как и Россия уже годы практически была уничтожена.

Выражение *am Boden zerstört sein* может обозначать «1) быть совершенно расстроенным; быть в полном отчаянии, быть полностью сломленным 2) исчерпать свои возможности полностью», оно представлено в усечённой форме. Но в данном случае усечение никак не меняет семантики идиомы.

• *Da rennt man sich in Berlin seit Jahren die Hacken schief.* („Fabian“) – В Берлине уже много лет обивают пороги.

В составе идиомы *sich die Hacken ablaufen / abrennen* «сбиться с ног (в поисках чего-л.); обивать пороги» произведена замена отделяемого компонента глагола.

Также возможно усечение структуры фразеологизма, никак не влияющее на его семантику или синтактику. В следующем примере усечено выражение *jmdm. in die Hände fallen* ‘случайно, неожиданно оказаться, очутиться в чьих-л. руках / лапах’:

• *Der Beruf war verloren, der Freund tot, Cornelia in fremder Hand, was hatte er hier noch zu suchen?* („Fabian“) – Профессия была потеряна, друг мёртв, Корнелия в чужих руках, что ему ещё было здесь искать?

Проведённый анализ использования фразеологического материала в произведениях Кестнера позволяет сделать вывод, что окказиональная модификация фразеологизмов – частотный стилистический приём для его прозы. Среди формальных изменений наиболее частотны расширение фразеологизма, минимальные замены в его структуре, усечение структуры ФЕ, грамматические трансформации. Вот некоторые примеры, иллюстрирующие различные способы модификации ФЕ в произведениях Кестнера.

2. Структурные преобразования фразеологических единиц

2.1. Расширение

Расширение устойчивой синтаксической формы фразеологизмов может вызывать определённый (комический, усилительный и т.п.) эффект.

- *Den Dieb zu verfolgen hat nicht den mindesten Sinn.* („*Emil und die Detektive*“) – *В преследовании вора нет ни малейшего смысла.*

Замена компонента *keinen* (словарь Дуден приводит ряд вариантов: *wenig, nicht viel*) в составе фразеологизма *das hat keinen Sinn* усиливает значение «не иметь никакого смысла».

- *Er behielt den Dieb scharf im Auge, der sich's – wahrscheinlich noch dazu von Mutters Erspartem – gut schmecken ließ, und hatte nur eine Angst: daß der Lump dort aufstehen und fortlaufen könne.* („*Emil und die Detektive*“) – *Эмиль не спускал глаз с вора, который уплетал будь здоров, наверное, на те деньги, что сэкономила мама.* [Перевод Л. Лунгиной]

В составе фразеологизма *fest im Auge behalten* «не спускать глаз с кого-л., не упускать кого-л., из виду» произведена замена компонента *fest* «крепко» на наречие *scharf* «зорко», которое обычно употребляется в качестве характеристики остроты зрения (этим может быть объяснен выбор этой лексемы).

- *Er lief und rannte sich den Kummer an den Stiefelsohlen ab* („*Fabian*“) – *Он бегал и сбивал заботу со своих подошв.*

В примере обыгрывается фразеологизм *sich die Sohlen ablaufen* «сбиться с ног», досл. ‘сбегать себе подошвы’. Кроме того, следует отметить и соседство двух синонимичных глаголов, один из которых, впрочем, входит в состав фразеологизма. Это может свидетельствовать о том, что глагол *rennen* и в составе модифицированного фразеологизма воспринимается как его неотъемлемая часть. В этом примере происходит комплексная модификация, поскольку за счёт замены компонента *Sohlen* существительным *Stiefelsohlen*

происходит буквализация его семантики. Таким образом, можно говорить о комплексной формально-семантической модификации.

Аналогичную комплексную трансформацию претерпевает фразеологизм и в следующем примере:

• *Und weil ihnen nichts mehr einfällt, was, wenn die Leute daran herumkochen, Bouillon gibt, und weil ihnen das, was ihnen früher einfiel, von der Mehrheit längst auf den Misthaufen der Geschichte geworfen wurde, fragen sich die Sittenrichter... („Fabian“)* – *А поскольку ничего другого моралистам в голову не приходит, кроме того, что когда люди много варятся в этом соку, получается бульон, а то, что им раньше приходило в голову, давно забракковано большинством и выброшено на свалку исторических древностей, они задаются вопросом ...*

В этом примере проведено комплексное расширение выражения *über den Haufen werfen* «сорвать план»: существительное заменено сложным существительным *Misthaufen* ‘навозная куча’, за счёт чего подчёркивается бесполезность идей критикуемых «моралистов», а несогласованное определение *der Geschichte* ‘истории’ указывает и на то, что их идеи уже ушли в прошлое. При модификации можно говорить об актуализации свободного значения отдельных компонентов.

Замену компонента идиомы на сложное существительное, содержащее этот компонент в своей основе, с целью повысить экспрессивность выражения, можно встретить и в других примерах:

• *Du zerbrichst dir wegen deiner paar Groschen den Hinterkopf!* („Drei Männer im Schnee“) – *Из-за нескольких копеек ты разбиваешь себе затылок.*

Проведена замена компонента *Kopf* лексемой *Hinterkopf* в составе выражения *sich den Kopf über etw. zerbrechen* «ломать себе голову над чем-л.», за счёт чего выражение получает значение ‘ломать себе затылок над чем-л.’. В этом случае можно говорить о формально-семантической модификации путём обыгрывания свободного значения отдельных компонентов. Такого рода

модификации следует рассматривать как расширение фразеологизма, а не замену компонента, вследствие особенной гибкости и продуктивности словообразовательных моделей немецкого языка¹⁸. Кроме того, в данном случае можно говорить и о буквализации значения идиомы. Её связанная семантика указывает на интеллектуальную деятельность, а при трансформации глагол *zerbrechen* возвращается к своему прямому значению.

В следующих примерах структура идиомы сохраняется, но её семантика усиливается за счёт расширения конструкции определением (первый пример), добавления фактического субъекта предложения в дательном падеже (второй пример).

• *Ist das nicht, um aus der nackten Haut zu fahren?* („Fabian“) – Разве не чтобы совершенно выйти из себя?

Здесь обыгрывается выражение *aus der Haut fahren* «выходить из себя», досл. ‘выезжать из кожи’, добавлен эпитет *nackt* ‘обнажённый’.

• *Da läuft doch jedem Feinschmecker das Wasser im Munde zusammen!* („Fabian“) – Тут у любого лакомки слюнки потекут.

Благодаря вставке словосочетания *jedem Feinschmecker* ‘каждому лакомке’ происходит повышение экспрессивности ФЕ.

В следующем примере расширение структуры снижает степень интенсивности действия:

• *Und Emil wurde es dunkelblau, beinahe schwarz vor den Augen. Denn er hatte ein schlechtes Gewissen.* („Emil und die Detektive“) – У Эмиля не просто посинело, а прямо-таки почернело в глазах. Потому что совесть его была нечиста.

Преобразовано выражение *mir wurde es schwarz vor den Augen* (‘у меня в глазах потемнело’): проведённая замена прилагательного на *dunkelblau* и

---

¹⁸ Ср. рассмотренный в предыдущей главе пример *Russland: die Ochsenzunge an der Dezimalwaage*, где также происходит расширение ФЕ за счёт использования сложных существительных.

комментарий *beinahe* указывают, что герой не потерял сознание, а ему стало плохо.

• *Du weißt so gut wie ich, dass unser Junge jetzt nicht kreuzfidel ist. Wahrscheinlich hat er sich in irgendeinen Winkel verkrochen und weint sich die Augen aus dem Kopf.* („Das fliegende Klassenzimmer“) – Так же хорошо, как и я, ты знаешь, что наш мальчик не такой уж и развесёлый. Наверное, он забрался в какой-нибудь угол и плачет навзрыд.

Фразеологизм *sich die Augen ausweinen* [*blind weinen*] «выплакать глаза» модифицирован за счёт добавления компонента *aus dem Kopf*, усиливающего его наглядность, таким образом повышается и его эмоциональность.

В следующем случае произведено расширение фразеологической единицы за счёт обстоятельства образа действия:

• *Wenn man so eine Ohrfeige erwischt hat und nicht darauf gefaßt war, dann braucht nur noch eine kleine Stubenfliege zu husten, und schon liegt man längelang auf der Nase.* („Das fliegende Klassenzimmer“) – Если тебе дали такую пощёчину, а ты этого совсем не ожидал, то достаточно сущего пустяка, и ты уже надолго слёг в кровать.

Фразеологизм *auf der Nase liegen* «упасть, растянуться; лежать (больным) в постели» расширен наречием *längelang* «во весь рост».

2.2. Замены

Поскольку форма фразеологизма фиксирована, его элементы устойчивы даже к синонимическим заменам. Поэтому и минимальные изменения в его структуре привлекают к себе внимание:

• *Na ja, nun bin ich hier und lebe vom Bauch in den Mund* („Fabian“) – И вот здесь и живу на то, что зарабатываю телом.

Эту фразу произносит девушка лёгкого поведения. Заменяя во фразеологизме *von der Hand in den Mund leben* «быть ограниченным в средствах, бедно жить», досл. ‘жить из руки в рот’, компонент *Hand* существительным

Bauch, он модифицирует фразеологизм. Эта модификация позволяет и лаконично обрисовать суть ситуации, в которой она оказалась, и одновременно подчеркнуть свою обречённость, ограниченность как средств к существованию, так и возможностей их добыть.

• *Dann wird der Rebell ermordet, und die nächste Diktatur etabliert sich. Er war für sie nur das Vehikel. Er war ihr Trojanischer Esel.* („Die Schule der Diktatoren“) – *Потом мятежника убивают, и устанавливается следующая диктатура. Он был для неё всего лишь связующим звеном. Он был её троянским ослом.*

• *STADTKOMMANDANT: Keine Angst, es gibt nicht viele. Der Tribun war unser Trojanisches Pferd, weiter nichts.*

KRIEGSMINISTER: Ein Trojanischer Esel war er! („Die Schule der Diktatoren“)

КОМЕНДАНТ ГОРОДА: Не бойтесь, их не так много. Трибун был нашим троянским конём, ничего большего.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР: Он был троянским ослом!

В обоих примерах происходит замена в структуре выражения *das Trojanische Pferd* ‘троянский конь’, вводящая тему обмана, которой пронизана вся государственная машина антиутопии. Замена лексемы *Pferd* «конь» на *Esel* «осёл» отсылает к тому факту, что подставные президенты являются пешками в руках политиков и сами обречены на гибель.

• *LEIBARZT: In aller Feindschaft, - hüten Sie sich vor guten Menschen!* („Die Schule der Diktatoren“) – *ЛЕЙБ-МЕДИК: Как враг вам советую, остерегайтесь хороших людей!*

Трансформировано выражение *in aller Freundschaft sagen*, обладающее значением ‘откровенно [по дружбе] сказать’, формальная модификация с заменой компонента на антоним используется для создания иронии. *Sie wollen, daß jeder Bürger seine Hoffnungen im Topf hat.* („Fabian“) – *Они хотят, чтобы каждый гражданин устроил свои надежды.*

В приведённом примере произведена замена в структуре выражения *sein Huhn im Topfe haben* ‘устроить свои делишки’.

- *Wir wollen kolossal tapfer sein und **die Zäpfchen zusammenbeißen**, gelt?* („*Fabian*“) – Мы хотим быть ужасно храбрыми и закусить удила, так ведь?

Идиома *die Zähne zusammenbeißen* ‘терпеть что-л., стиснув зубы’ модифицирована, лексема *Zähne* заменена в её структуре на лексему *Zäpfchen* ‘язычки мягкого нёба’. Поскольку закусить язычок заднего нёба невозможно, актуализированная семантика фразеологизма сводится к абсурду.

- *Kinder, das ist eine noble Firma! Fünfhundert Mark, **noch ehe** man den kleinen Finger krumm gemacht hat!* („*Drei Männer im Schnee*“) – Детки, это же благородная фирма! Пятьсот марок, прежде чем я успел хоть мизинцем пошевелить!

В основе фразы лежит идиома *keinen Finger krumm machen* ‘палец о палец не ударить’; отрицательного артикля заменён прилагательным *klein*, добавлен союз *noch ehe* (‘ни одним пальцем не пошевелить’ – ‘прежде чем мизинцем пошевелить’). Такая трансформация подчёркивает, насколько мало герой успел сделать.

- *Er lässt seine Freifahrkarte verfallen und fährt im Auto nach München. Drei Gäste, die er erst seit ein paar Tagen kennt, schließen sich an. Ich fürchte, **wir haben uns da eine sehr heiße Suppe eingebracht**.* („*Drei Männer im Schnee*“) – Его билет был просрочен, поэтому он поехал на машине в Мюнхен. Три гостя, которых он знает только пару дней, присоединились к нему. Что-то я боюсь, мы заварили очень горячую кашу.

Трансформировано выражение *da hast du was Schönes [eine schöne Suppe] eingebracht!* — ‘ну и кашу ты заварил!’. Прилагательное *schöne* заменено на *sehr heiße*, замена актуализует значение компонентов.

- *Der Hoteldirektor und der Portier **krochen** doch dem Doktor Hagedorn in **sämtliche Poren!*** („*Drei Männer im Schnee*“) – Директор гостиницы и портье изо всех сил лезут из кожи, подлизываясь к доктору Хагедорну.

Трансформации подвергается идиома *in den Arsch kriechen* ‘подлизываться к кому-л.’, это эвфемизм, имеющий стилистическую помету «грубое». Замена компонента *Arsch* на *Poren* смягчает его грубость.

- ***Hausdamen, die bellen, beißen nicht!*** („*Drei Männer im Schnee*“) – *Лающие домохозяйки не кусаются!*

В данном примере происходит замена компонента *Hunde* существительным *Hausdamen* (преобразовано выражение *Hunde, die bellen, beißen nicht* «Лающая собака не кусает»).

- „*Mein Gott, ein Tempo haben Sie am Leibe*“.

„*Wo?*“ *fragte sie.* („*Fabian*“)

- *Боже мой, ну у вас и скорость!*

- *Что? – спросила она.*

В составе фразеологизма *einen guten Schritt am Leibe haben* ‘ступать широким шагом; быть хорошим ходоком’, компонент *Schritt* заменяется лексемой *Tempo*, тем самым значение фразеологического оборота расширяется (со скорости шага до скорости жизни).

- *Tut mir den Gefallen und haltet hier keine klugen Reden, die nichts nützen. Der Laden ist eingerichtet.* *Wie wir uns den Halunken kaufen, können wir noch nicht wissen.* („*Emil und die Detektive*“) – *Сделайте мне одолжение и не ведите мудрые речи, которые ничем не помогут. Всё в порядке. (досл. ‘магазин устроен’) Как мы достанем (досл. ‘купим’) этого мерзавца, мы ещё не знаем.*

Ср. выражение *der Laden klappt* (разг. фам. ‘полный порядок, всё в порядке’ [Немецко-русский фразеологический словарь]), здесь представлен вариант этого фразеологизма (компонент *klappt* замещён синонимом *ist eingerichtet*). В следующем предложении метафора – работающий магазин – продолжает развиваться. Мальчишки, казалось бы, выступают в роли «устроителей» этого метафорического магазина. Но, отдавая дань благополучно сложившимся обстоятельствам, они отводят себе скромную роль продавцов. Товаром в этой

развёрнутой метафоре становится выслеживаемый юными детективами преступник.

- *Der alte Tobler friert, aber ergibt sich nicht.* („Drei Männer im Schnee“) – Старик Тоблер мёрзнет, но не сдаётся.

Трансформировано выражение *Die Garde stirbt, aber ergibt sich nicht* «Гвардия умирает, но не сдаётся». Исходное выражение, обладающее высокой стилистической окраской, подвергается за счёт модификации ироническому переосмыслению.

- *Denn Japan muss, der nun der Krieg mit Amerika droht, zweifellos **den Arm freibekommen**.* („Kriegstagebuch“) – Потому что Японии, которой сейчас угрожает война с Америкой, без сомнения, необходимо получить свободу действий.

Выражение *die Arme frei haben* «иметь свободу действий» трансформируется и за счёт замены компонента *haben* на компонент *bekommen* вносится значение фазисности, выражаемого в немецком языке лексическими средствами.

2.3. Усечения в составе фразеологизма

Проанализированный материал содержит лишь несколько случаев усечения компонентов фразеологических выражений.

- *Die Gymnasiasten waren wegen des Wortbruchs **total aus dem Häuschen** und hätten die Realschüler am liebsten über den Haufen gerannt.* („Das fliegende Klassenzimmer“) – Нарушенное слово вывело гимназистов совершенно из себя и больше всего им хотелось посбивать школьников с ног.

Преобразованию подвергнуто выражение *aus dem Häuschen geraten [kommen]* «выходить из себя». Эллипсис глагола соответствует общей тенденции разговорной речи к эллиптичности.

- *Er gestikulierte, es half nichts, er schlug lang hin, der Hinterkopf dröhnte, das Eis knisterte, die Rippen schmerzten, Schulze lag still <...> Er stellte sich auf*

die Füße, hinkte übers Eis zur Gittertür, drehte sich noch einmal um, lächelte wehmütig und sagte: „Wenn's dem Esel zu wohl wird ...“ („Drei Männer im Schnee“) – Он замахал руками, но это не помогло, он рухнул плашмя, затылок загудел, лёд хрустнул, рёбра заболели, Шульце остановился. ... Он поднялся на ноги, похромал через лёд к решётчатой двери, ещё раз обернулся, печально улыбнулся и сказал: «Когда ослу слишком везёт...»

Эллиптированной оказывается пословица *wenn's dem Esel zu wohl ist, geht er aufs Eis (tanzen)* «кому слишком везёт, тот голову теряет», досл. ‘когда ослу слишком хорошо, то он идёт танцевать на лёд’. При этом её внутренняя форма дважды переключается с формальным действием повести. Во-первых, герой часто называет себя в разных ситуациях *alter Esel* ‘старый осёл’, например:

- *Ach, ich bin ein Esel!* („Drei Männer im Schnee“) – Ах, ну и осёл же я!

- *„Das waren noch Zeiten“, sagte der Herr.*

Der Beamte nickte. „Und nun sind wir alte Esel geworden. Ich jedenfalls“.

Der Herr lachte: „Ich möchte mich nicht ausschließen“.

„So alt sind Sie noch gar nicht“, meinte der Beamte.

„Aber schon ein Esel!“, sagte der Herr vergnügt. („Drei Männer im Schnee“)

Господин в меховом пальто и служащий с улыбкой переглянулись.

– Да, были и мы рысаками, – сказал господин. Служащий кивнул:

– А теперь превратились в старых ослов. Я, во всяком случае.

Господин засмеялся.

– Не делаю исключения для себя.

– Вы еще совсем не старый, – сказал служащий.

– Но уже тако-ой осел! – весело сказал господин [Перевод Н. Бунина]¹⁹.

Во-вторых, его уходу с замёрзшего озера предшествовала неудачная попытка покататься там на коньках, после чего он упал. Таким образом, не до

---

¹⁹ Перевод Н. Бунина приведён здесь и далее по изданию: Эрих Кестнер для взрослых. М., 1995.

конца процитированная поговорка оказывается дважды актуализированной в контексте повести.

2.4. Грамматические трансформации

- *Machen Sie sich meinetwegen kein Kopfzerbrechen!* („*Drei Männer im Schnee*“) – *Не устраивайте себе из-за меня головоломку!*

Это единственный пример, в котором удалось обнаружить трансформацию компонента идиомы в другую часть речи – номинализацию.

В остальных случаях можно говорить о грамматических или словообразовательных модификациях в составе выражения:

- *Denn sicher hat man an den Frontkabarets die wenigsten Blätter vor den Mund genommen.* („*Kriegstagebuch*“) – *Ведь именно во фронтовых кабаре говорили почти без обиняков.*

От существительного в составе идиомы *kein Blatt vor den Mund nehmen* (‘говорить напрямик, начистоту, без обиняков, не стесняясь’) образована форма множественного числа, а отрицание *kein* заменено неопределённым числительным *die wenigsten*, несущим значение ‘едва ли’.

Аналогичную замену можно наблюдать и в следующем примере:

- *Allerdings hat man der Satire über Politik sämtliche Zähne gezogen.* („*Kriegstagebuch*“) – *В любом случае, политическую сатиру сделали совершенно беззубой.*

Выражение *jmdm. den Zahn ziehen* имеет значение ‘лишать кого-л. всяких иллюзий’.

- *Man spricht jetzt viel von einem Kurzwellensender, der sich Gustav Siegfried eins nennt und stündlich sieben Minuten vor voll sendet. Was da über einzelne Herren der Partei gesagt wird, soll über sämtliche Hutschnüre gehen.* („*Kriegstagebuch*“) – *Сейчас много говорят об одной радиостанции на коротких волнах, которая называет себя «Густав Зигфрид один» и передаёт новости каждый час, без семи минут ровно. Что там рассказывают об*

отдельных господах из партии, ни в какие ворота не лезет.

В примере фразеологизм *das geht über die Hutchnur!* ‚это уж чересчур!‘ подвергается трансформации: существительное использовано в форме множественного числа. Это преобразование повышает экспрессивность выражения.

• *Stalin erlässt viel freundlichere Verlautbarungen als die Engländer und Amerikaner. **Er fängt die Mäuse mit Speck.*** („Kriegstagebuch“) – *Сообщения Сталина куда дружелюбнее чем англичан и американцев. Как не соблазниться на его лакомый кусок.*

В приведённом примере пословица *mit Speck fängt man Mäuse* (досл. ‘мышей ловят на сало’, ср. «бесплатный сыр только в мышеловке»), включённая в пассаж рассуждений о стратегиях поведения стран-победителей на территории Германии в 1945 г., модифицирована: подвергнут замене компонент *man*, вследствие чего обобщающе-дидактическое содержание пословицы оказывается максимально конкретизированным. Кроме того, это предложение повторяет структуру предшествующего предложения, вследствие чего возникает эффект психологического параллелизма, и декларации, выпускаемые Сталиным, приравниваются к сыру в мышеловке – так автор выражает своё недоверие по отношению к ним.

Небольшие грамматические или словообразовательные трансформации также могут создавать эффект языковой игры:

• *NEUNTER: Trag deine Nase nicht **höher als den Kopf!*** („Die Schule der Diktatoren“) – *ДЕВЯТЫЙ: Не задирай нос выше головы!*

Прилагательное в составе выражения *die Nase hoch tragen* «задирать нос, важничать» в ходе грамматической трансформации приобретает сравнительную степень и фразеологизм расширяется за счёт сравнения. Образ, полученный в результате актуализации значения компонентов (‘нос, заданный выше головы’), иронично-абсурден.

- *Ach so, entschuldige, ich glaube, bei mir ist heute ein Schraubchen locker.* („Drei Männer im Schnee“) – Вот как, извини, я думаю, у меня сегодня винтика не хватает.

Идиома *in seinem Kopf [bei ihm] ist eine Schraube los [locker]* «у него винтика не хватает» модифицирована за счёт прибавления к компоненту *Schraube* уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen* и образования деминутива.

Изменениям может подвергаться устойчивая форма фразеологической единицы. Так, синтаксической трансформации может подвергаться устойчивая форма фразеологизмов, в следующем примере это происходит при передаче косвенной речи:

- *“Fall nicht runter!” rief die Dame, der von Caligula eigentlich befohlen war, die Schnauze zu halten.* („Fabian“) – «Только не свались!» воскликнула дама, которой Калигула, в общем-то, велел заткнуться.

Выражение *Halt' die Schnauze!* ‘заткни пасть’ употребляется в форме повелительного наклонения. В приведённом выше примере оно включено в состав придаточного относительного и преобразуется согласно своей синтаксической роли (ср. рассмотренный выше пример на трансформацию приказа *bei Fuß!*).

К синтаксическим трансформациям относится и так называемая прономинализация, когда используемое в предложении местоимение отсылает к фразеологическому выражению:

- *Wenn sich Frauen etwas in den Kopf gesetzt haben, führen sie es meistens durch.* („Drei Männer im Schnee“) – Если уж женщины вбили себе что-нибудь в голову, то обязательно добьются своего.

Другой вид синтаксической модификации фразеологизмов – их скопление, этот приём характерен для стиля Кестнера, в произведениях которого часто встречается несколько фразеологических единиц на протяжении одного абзаца. Вот один из таких примеров:

• *Seit 1. Februar sind in allen deutschen Kabarets die Conferénciers verboten. Er dürfen nur noch, möglichst durch Lautsprecher, die Nummern angekündigt werden. Wie mag es bei den Frontkabarets sein? Oder ist gerade **dort der Stein des Anstoßes ins Rollen gekommen?** Denn sicher hat man **an den Frontkabarets die wenigsten Blätter vor den Mund genommen.** („Kriegstagebuch“) – С первого февраля во всех немецких кабаре запрещены конференсье. Теперь разрешается только объявлять номера, желательно через микрофон. Как же там во фронтовых кабаре? Или камень преткновения сдвинулся с места? Ведь наверняка во фронтовых кабаре говорили почти без обиняков.*

3. Семантические модификации

В.Н. Телия указывает на особую роль образного значения фразеологизмов, называя его их «"основным нервом" функционирования в речи» [Телия: 8]. Метафора, лежащая в основе ФЕ, под влиянием контекста может «разглаживаться». Сохраняя привычный формальный состав, фразеологизм претерпевает семантические изменения. Обычно при этом актуализируется его прямое значение или обыгрывается многозначность одного из компонентов. Основные способы семантических модификаций: 1) буквализация; 2) метафоризация; 3) контаминация; 4) нарушение семантической сочетаемости; 5) актуализация.

3.1. Буквализация

При **буквализации** или **контекстуальном обыгрывании** метафора, заложенная во фразеологизме, прочитывается буквально.

Так, в предисловии к повести „Emil und die Detektive“ автор объясняет, почему ему не удалось написать другой роман, рассказывая, в частности, такую историю:

• *Plötzlich wußte ich nicht mehr, **wieviel Beine ein Walfisch hat!** Ich legte mich längelang auf den Fußboden, weil ich da am besten nachdenken kann, und dachte nach. Aber diesmal half es nichts. Ich blätterte im Konversationslexikon. Erst im Bande W und dann, vorsichtshalber noch im Bande F, nirgends stand ein Wort davon. Und ich mußte es doch genau wissen, wenn ich weiterschreiben wollte. Ich mußte es sogar ganz genau wissen!*

*Denn wenn in diesem Augenblick der Walfisch **mit dem verkehrten Bein** aus dem Urwalde getreten wäre, hätte ihn der Häuptling Rabenaas, auch 'die schnelle Post' genannt, unmöglich treffen können. [...]*

*Mein Südseeroman – und ich hatte mich so darauf gefreut! - scheiterte also sozusagen **an den Beinen des Walfisches**. („Emil und die Detektive“) – И вдруг все застопорилось, потому что я забыл, сколько ног у кита. Я тут же улегся на пол – а надо вам сказать, что лучше всего я думаю, лежа на полу, - и принялся вспоминать, но так ничего и не вспомнил. Тогда я стал листать толковый словарь – сперва на букву "К", а потом, из добросовестности, на букву "Р" - "Рыба-кит", но про китовые ноги нигде не было сказано ни слова. А я не мог писать дальше, не зная точно, сколько у кита ног. Совершенно точно!*

Дело в том, что если бы кит встал в то утро не с той ноги, то вождь по имени Великий Ворон, прозванный также Скороходом, никогда не встретился бы с ним в джунглях...

Короче говоря, мой приключенческий роман - а я так радовался, сочиняя его, - споткнулся, так сказать, о китовую ногу. [Перевод Л. Лунгиной]

Необходимость выяснить, есть ли ноги у кита, объясняется тем, что автор собирается использовать фразеологизм *vom verkehrten Bein aufstehen* 'встать не с той ноги' только в том случае, если у кита действительно есть ноги – то есть, он писатель при этом переосмысливает внутреннюю форму фразеологической единицы и следует её букве. Так этот образ вводится автором в прологе, где он размышляет над жанром детской повести.

Метафора вынуждает Кестнера выстраивать дальнейший сюжет. Получается, что писатель не только вводит своих читателей-подростков в дискуссию о назначении искусства, но и вовлекает их, пусть и косвенно, в рассуждения о том, каким должен быть язык художественной литературы.

- *Durch Erfahrung am eigenen Leibe...* („Fabian“) – *Благодаря опыту, полученному на собственной шкуре...*

Выражение *am eigenen Leibe erfahren* «испытать на собственной шкуре» указывает на собственный опыт, но в данном случае благодаря контексту его значение буквализуется и становится ясно, что фразеологическая единица указывает на личный опыт.

- *Er konnte sich nicht anders helfen, er streckte der Sonne die Zunge heraus. "Was machen Sie denn da?" fragte Frau Hohlfeld. Sie war unbemerkt eingetreten. Fabian sagte abweisend: "Ich fange Fliegen. Sie sind heuer groß und knusprig."* („Fabian“)

Он не удержался и показал солнцу язык.

«Чем это Вы там занимаетесь?» спросила фрау Хольфельд. Она вошла незаметно.

Фабриан уклончиво ответил:

«Ловлю мух. Они сегодня громадные и привлекательные».

Выражение *Fliegen fangen* «бездельничать, гонять собак, ловить мух» актуализируется, метафоры распространяется в следующем предложении.

- *Er will für Dich die Daumen halten. ... Ich halte nicht nur die Daumen, sondern auch die großen Zehen.* („Drei Männer im Schnee“) – *Он будет держать за тебя кулаки. ... Я за тебя руками и ногами.*

Как и в предыдущих примерах, за счёт продолжения метафоры актуализируется значение выражения *jmdm. den Daumen halten* «пожелать успеха кому-л.», досл. ‘держать за кого-л. большие пальцы’ (ср. рус. ‘держать кулаки’). При повторе оно расширяется за счёт компонента *die großen Zehen* ‘большие пальцы на ногах’, тем самым указывает на бóльшую

поддержку со стороны друга, но и вносит ироническую окраску.

- *Die Kunkel reichte ihm, ängstlich und glücklich zugleich, die Hand. Er verbeugte sich förmlich, setzte sich wieder und fragte:*

„Bei euch piept's wohl? Was?“

„Nur bei mir, Herr Geheimrat“, erwiderte Tante Julchen. („Drei Männer im Schnee“)

Кункель протянула ему руку, перепуганная и в то же время счастливая. Он официально поклонился, снова уселся и спросил:

«Вы там рехнулись, что ли?»

«Только я, господин тайный советник», ответила тётюшка Юля.

В данном примере, с одной стороны, происходит буквализация значения ФЕ *bei dir piept's wohl?* «ты, что, не в своём уме? ты рехнулся?», а с другой, обыгрывается языковой узус, не предполагающий на самом деле никакого ответа. Кроме того, стилистика выражения не соответствует действиям говорящего героя (*er verbeugte sich* – ‘он поклонился’), что указывает на иронию.

- *Schulze legte sich auf den Bauch und spielte mit der kleinen Katze. Dann wurde die zweite wach, schaute anfangs faul über den Rand des Korbes, kam dann aber nach längerer Überlegung ebenfalls auf den Teppich spaziert. Schulze hatte alle Hände voll zu tun. („Drei Männer im Schnee“)* – Шульце улёгся на живот и принялся играть с котёнком. Тут проснулся и второй, бросил ленивый взгляд за край коробки, но подумав подольше, тоже выбрался на ковёр. Руки Шульце были заняты.

Метафора в основе выражения *alle Hände voll zu tun haben* ‘иметь занятые руки’, «иметь много дел» переосмысливается за счёт ситуации: герой играет с котятками, которых он держит на руках.

- *Und schließlich hatte Uli wieder festen Boden unter den Füßen. („Das fliegende Klassenzimmer“)* – И наконец у Ули снова была твёрдая почва под ногами.

В данном примере мальчик прыгает из окна с воздушными шарами, все следят за ним и боятся, как бы он не разбился, а когда он, наконец, достигает земли, используется выражение *festen Boden unter den Füßen haben* «иметь твердую почву под ногами». В результате взаимодействия выражения с контекстом снимается его переносный смысл, выражение употребляется в прямом значении.

- „*Wie knusprig die Semmeln sind*“, *brummte der Professor kauend.*

„*Nicht wahr?*“ *fragte Pony.* „*Ja, ja, es ist eben doch was anderes, wenn eine Frau im Hause ist!*“

„**Im Hof**“, *berichtigte Gerold.* („*Emil und die Detektive*“)

«*Какие хрустящие булочки*», *пробормотал профессор, жуя.*

«*Правда?*» *спросила Пони.* «*Да-да, всё-таки совсем другое дело, когда в доме есть хозяйка!*»

«*Во дворе*», *поправил Герольд.*

Обыгрывается выражение *Frau im Haus* ‘хозяйка в доме’²⁰, указывается, что поскольку дело происходит на улице, следует говорить о хозяйке во дворе.

В следующем примере не только обыгрывается внутренняя форма фразеологизма, но и достигается эффект парадокса за счёт противоречия:

- *Gestern musste nun also Hitler aus seiner Klausur heraus und seit langem wieder einmal – und zwar gerade weil ihm die Sprache weggeblieben ist – das Wort ergreifen.* („*Kriegstagebuch*“)*– Итак, вчера Гитлеру пришлось*

---

²⁰ Выражение не зафиксировано в словарях, но поиск по базам данных показывает, что оно устойчиво (воспроизводится и форма, и значение «хозяйка», ср.: *Hier und dort liegen Zeitschriften, Platten, Cds herum. Frauen würden sagen, hier fehlt die Frau im Haus . Mir gefällt das* [Die Zeit, 08.12.2005, Nr. 50], *Aber so nah wie der eigenen Mutter kann der junge Michl der neuen Frau im Haus nicht mehr kommen, ein Abstand bleibt.* [Die Zeit, 24.5.2006, Nr. 22], *Morgen geht's zurück ins Niemandsland, und ich bin ganz ehrlich, wenn ich sage, daß ich mich auch darauf freue, wieder Frau im Haus zu sein* [Die Zeit, 29.05.1987, Nr. 23], все примеры взяты из публицистического корпуса Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [DWDS], последняя проверка 08.02.2014).

выбраться из своего заточения и впервые после долго времени – именно потому, что он не мог вымолвить ни слова – взять слово.

Друг другу противопоставлены выражения *die Sprache ist weggeblieben* «не вымолвить ни слова» и *das Wort ergreifen* «взять слово», за счёт их антонимичности достигается эффект абсурда. Гитлер представлен как человек, хранивший долгое молчание (*die Sprache ist weggeblieben*– ‘он не мог вымолвить ни слова’), которое и вынудило его начать говорить.

• *Eigne Einfälle sind selten. Wir kommen ins Haus.* („*Drei Männer im Schnee*“) – *Свои идеи у нас появляются редко. Мы идём к вам!*

Происходит буквализация выражения *ins Haus kommen* «мы идём к вам», обычно используемом в рекламном контексте. Обычно оно произносится торговой фирмой, предлагающей что-то принести, а здесь сами герои грозятся прийти за свежими и интересными идеями к читателям. Таким образом, в новом контексте выражение переосмысливается.

• *LEIBARZT: Der Mann hatte Tugenden, die sich nicht einmal ein Dorfpfarrer leisten kann. Passen Sie auf, er kommt in den Himmel.*

KRIEGSMINISTER: Da gehört er auch hin. Orchestersessel, erste Reihe. („*Die Schule der Diktatoren*“)

ЛЕЙБ-МЕДИК: Такие добродетели не каждый деревенский пастырь может себе позволить. Осторожно, он попадёт на небеса!

ВОЕННЫЙ МИНИСТР: Ему туда и надо. Место за оркестром, первый ряд.

Выражение *in den Himmel kommen* «попасть на небеса» имеет значение ‘умереть’ и здесь отсылает к планам правительства, недовольного поведением своего лжепрезидента и замышляющего его убийство. Реакция собеседника (*da gehört er auch hin* – ‘ему туда и надо’) продолжает характеристику персонажа.

• *Erstens lernt man Äpfel und Beefsteaks malen, und zweitens wird man davon satt. Die Kunsterziehung als Nahrungsmittel.* („*Fabian*“) – *Во-первых,*

учишься рисовать яблоки и стейки, а во-вторых, насыщаешься этим по горло. Художественное воспитание как средство пропитания.

Фразеологическое выражение *Ich habe [bin] es satt* «мне это надоело; я этим сыт по горло» буквально означает ‘насытиться, пресытиться чем-л.’ Поскольку в данном случае герой «наедается», рисуя еду (яблоки и стейки), такой вид деятельности оказывается полезным с точки зрения пропитания. Буквализация вызывает иронический эффект.

- „*Ach wo! Dazu hat er mich viel zu lieb!*“

„*Das hat doch damit nichts zu tun!*“ *bemerkt Lotte sehr weise.*

„*Und außerdem hat er den Kopf voll.*“

„*Es genügt auch, dass er eine Hand frei hat!*“ *Sie lachen. („Das doppelte Lottchen“)*

«*Вот что! Нет, для этого он слишком меня любит.*»

«*Ну это-то никак не связано*», *очень мудро замечает Лотта.*

«*Да и потом чем только у него голова не занята.*»

«*Вполне достаточно, чтобы была свободна одна из рук!*» *Девочки смеются.*

В контексте оказываются противопоставлены два выражения (*er hat den Kopf voll von Sorgen* — ‘у него голова пухнет от забот’ и *er hat eine Hand frei* — ‘у него свободна рука’). Хотя первый из них относится к ментальной сфере, а другой отсылает к теме наказания, они объединяются за счёт антонимичности компонентов *voll* – *frei*, на чём и основан комический эффект.

- *Vorher, damals und heute, er war stets ein armes Luder gewesen, und er hatte große Aussichten, eines zu bleiben. („Fabian“)* – *Он всегда был бедным парнем и всё шло к тому, что он таким и останется*

Выражение *ein armes Luder* имеет значение «бедняжка, несчастный человек», здесь же речь идёт о финансовых затруднениях.

- *Den Rest warf er in den Papierkorb. „Marsch, ins Körbchen“, sagte er*

dabei. („*Fabian*“) – *Оставшиеся бумаги он кинул в корзину, прибавив: «А ну место!»*

В данном примере обыгрывается многозначность слова *Korb* «корзина». Фразеологизм *Husch, ins Körbchen* или его вариант *Marsch, ins Körbchen* значит ‘*А ну марш в кровать!*’ и говорится маленьким детям. Таким образом, под влиянием контекста компонент *Körbchen* в составе фразеологизма переосмысливается.

Кроме того, персонажи Кестнера довольно часто употребляют ФЕ, по внутренней форме связанные с их профессиональной деятельностью, как бы проговариваются – это ещё один способ семантического обыгрывания внутренней формы ФЕ.

• *Da brat' mir einer einen Storch!* („*Das doppelte Lottchen*“) – *Вот это да!*

воскликает повариха в повести „*Das doppelte Lottchen*“, выражая удивление и недоумение. И хотя существует множество фразеологизмов, которыми можно выразить это чувство (*Ach du grüne Neune! Ach du heiliger Strohsack! Ach du meine liebe Güte! Da schlägt es dreizehn!*), она использует именно тот, внутренняя форма которого отсылает к её профессии (досл. ‘*Вот бы мне кто-нибудь аиста зажарил!*’).

• *Wir haben die Anweisung, der Regierung nicht in den Rücken zu fallen.* („*Fabian*“) – *У нас указание не уstraивать западню правительству.*

Реплика принадлежит главному редактору газеты, воспринимающему себя и своих подчинённых как творцов истории.

В двух следующих примерах также обыгрывается прямое значение фразеологизма и связь этого значения с говорящим.

• *Ich komme ja schon! Ein alter Mann ist doch kein Schnellzug!* – *Уже иду! Я же не могу это делать быстрее быстрого!*

Эти слова произносит девятилетняя Луиза Пальфи, а комический эффект достигается за счёт несоответствия внутренней формы фразеологизма её

возрасту и полу (досл. 'Я же пожилой мужчина, а не скорый поезд').

- *Peperl wedelt mit dem Schwanz und trabt eifrig an Palfys Tisch, um dem Luiserl, seiner alten Freundin, grüß Gott zu sagen.*

Ja, Kuchen, nein, Hundekuchen! Als Peperl am Tisch angekommen ist, beschnuppert er das kleine Mädchen und zieht sich, ohne grüß Gott, eiligst zum Herrn Hofrat zurück. – Пеперль виляет хвостом и радостно трусит к столу Пальфи, чтобы поздороваться с Луизонькой, своей старой приятельницей.

Ну уж нет, собаку-то вы не проведёте! Не успел Пеперль толком приблизиться к столу и принюхаться, как он уже торопится обратно к своему хозяину, так и не поздоровавшись с девочкой.

Трансформировано выражение *Aber Kuchen* «как бы не так! этот номер не пройдет!», оно расширено сложным существительным *Hundekuchen*, с помощью которого подчёркивается, что несобственно-прямая речь, к которой относится это высказывание, принадлежит собаке. В обоих случаях не происходит сложного переосмысления фразеологической единицы, а комический эффект достигается за счёт обыгрывания ситуации употребления. Языковая рефлексия вовлекает читателя в создание языковой игры.

3.2. Метафоризация

Особую роль в структуре художественного текста играют фразеологизмы, включённые в состав **развёрнутой метафоры**.

- *Wie ich höre, sind die in Berlin stationierten Rundfunkberichter außer sich über solche realistische Darstellungen, die doch die Bevölkerung nur in tödliche Angst versetzen. Es habe bei einer Besprechung eine Art Palastrevolution gegeben. Gestellte Berichte wolle man andererseits aber auch nicht hinzaubern. **Man will, kurz, den Pelz waschen, ohne ihn nass zu machen.** („Kriegstagebuch“) – Как я слышу, берлинские радиовещатели вне себя от таких реалистичных изображений, нагоняющих смертельный ужас на население. За одним совещанием случилось что-то вроде дворцового переворота. Сочинять*

псевдорепортажи никто не рвётся. Одним словом, им хочется устроить головомойку, но не замочить волос.

В данном примере реанимируется внутренняя форма фразеологизма *den Pelz waschen* ('задать баню /головомойку'), метафора расширяется за счёт добавления *„ohne ihn nass zu machen“*, предложение получает новое значение: журналисты хотят писать статьи, привлекающие внимание публики, но при этом боятся предпринимать какие-либо серьёзные шаги для этого.

- *„Ich will das Glashaus demolieren, in dem ich sitze.“*

„Das kann ins Auge gehen“, meinte Johann. („Drei Männer im Schnee“)

- Я хочу разрушить теплицу, в которой сижу.

- Это может плохо кончиться, - сказал Иоганн.

Фразеологизм венчает рассуждение и продолжает в метафору разрушенной стеклянной теплицы, его употребление указывает на то, что резкие шаги могут повлечь за собой необратимые последствия.

- *“Meine Sohlen sind völlig zerrissen”, sagte der kleine Herr. "Wenn ich jedesmal hierherlaufe, sind die Schuhe in einer Woche hin, und zum Fahren habe ich kein Geld“.*

„Kriegen Sie keine Stiefel von der Wohlfahrt?“ fragte der Kurzsichtige.

"Ich habe so empfindliche Füße", erklärte der kleine Herr. („Fabian“)

«Мои подошвы изорвались вконец», сказал господин небольшого роста.

«Каждый раз, когда я начинаю бегать туда-сюда, ботинки больше недели не выдерживают, а на транспорт денег нет».

«А по линии благотворительности Вам никак сапоги не получить?» - спросил близорукий.

«У меня такие чувствительные ноги», объяснил невысокий господин.

В основе этого диалога лежит идиома *sich die Sohlen ablaufen*, рассмотренная выше, служащая лейтмотивом в романе „Fabian“: в эпоху экономического кризиса многие лишаются работы и проводят время, обивая пороги различных бюрократических заведений.

• *Kommen Sie morgen um elf wieder. Ich will sehen, was ich tun kann. Bringen Sie ein paar Arbeiten mit. Und Zeugnisse, falls Sie **solches Gemüse auf Lager haben.*** („Fabian“) – Приходите завтра снова, в одиннадцать. Посмотрю, что я могу сделать. Приносите с собой пару Ваших работ. И аттестат с сертификатами, если у вас имеются такие фрукты в запасе. Выражение *auf Lager haben* буквально обозначает ‘иметь на складе; иметь в продаже’; в переносном смысле используется в значении ‘иметь в запасе, иметь наготове’ (например, *Er hat immer Witze auf Lager* — «У него всегда припасены анекдоты»). В этом случае буквальное значение фразеологизма является основой для развёрнутой метафоры.

Следующий пассаж строится на метафоре «наш мир – больной человек, для которого необходимо найти лекарство». Таким лекарством становится ромашковый чай.

• *Nun begann Malmy seine Rede: „Wenn das, woran unser geschätzter Erdball heute leidet, einer Einzelperson zustößt, sagt man schlicht, sie habe die Paralyse. Und sicher ist Ihnen allen bekannt, daß dieser äußerst unerfreuliche Zustand mitsamt seinen Folgen nur durch eine Kur heilbar ist, bei der es um Leben und Tod geht. Was tut man mit unserem Globus? Man behandelt ihn **mit Kamillentee. Alle wissen, daß dieses Getränk nur bekömmlich ist und nichts hilft. Aber es tut nicht weh.** Abwarten und Tee trinken, denkt man, und so schreitet die öffentliche Gehirnerweichung fort, daß es eine Freude ist“.* („Fabian“)

Мальми начал свою речь: «Когда человек болеет той же болезнью, от которой сейчас страдает наш драгоценный мир, то говорят, что у него паралич. И, конечно, всем известно, что на это безрадостное состояние есть одно только лечение, при котором речь идёт о жизни и смерти. Как же лечат наш земной шар? Ромашковым чаем. Все знают, что это полезное средство, но им не вылечиться. Но от него не больно. «Подождём, попьём чайку!» думают люди, а общее размягчение мозга продолжается».

Сама идея отпаивать больного чаем возникает из фразеологизма „*abwarten und Tee trinken*“ – ‘*поживём – увидим*’. Благодаря этому приёму герой показывает, что хотя «срочное лечение» и выставляется напоказ, на самом же деле ничего не меняется, мир остаётся предоставленным самому себе и всё пускается на самотёк, что, по его мнению, опасно.

Аналогично выстроена следующая развёрнутая метафора (за основу взят фразеологизм *erste Geige spielen* «*играть первую скрипку*»):

• *Erhabener Sultan, gestatte deiner sehr unwürdigen Dienerin die Bemerkung, dass die Klugheit im Liebeskonzert der Völker noch nie die erste Geige spielte.* („*Drei Männer im Schnee*“) – *Великий султан, позволь заметить своей недостойной служанке, что в любовном концерте народов ум никогда ещё не играл первую скрипку.*

3.3. Контаминация

Отдельным видом формально-семантической трансформации можно считать **контаминацию (совмещение или наложение)** двух фразеологизмов «на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [Силина: 197]. Контаминация представлена в следующем примере:

• *Ein goldenes Herz in rauher Schale.* („*Drei Männer im Schnee*“) – *Золотое сердце в грубой оболочке.*

Здесь происходит наложение двух идиом – с одной стороны, *in einer rauhen Schale steckt oft ein guter [süßer] Kern* – ‘*по одежке встречают - по уму провожают, за суровой внешностью часто скрывается доброе сердце*’, первый компонент которого заменяется выражением *ein goldenes Herz* – ‘*золотое сердце*’.

Другой пример наложения двух фразеологизмов:

• „*Na ja*“, *erzählte Pony*, „*die Eltern und Großmutter sitzen nun zu Haus und*

bohren sich die Löcher im Kopf, was mit dir eigentlich los ist“. („*Emil und die Detektive*“) – Ну, родители и бабушка никуда, конечно, не пошли, – рассказывала дальше Пони, – сидят себе дома и теряются в догадках, что с тобой случилось.

Сочетание двух фразеологизмов (*dieser Gedanke bohrt mir im Kopfe* «эта мысль сверлит мой мозг»; *jmdm. Löcher in den Kopf reden / quassen / quatschen* – «утомлять кого-либо своей болтовнёй») приводят к тому, что появляется новое значение – «теряться в догадках и обсуждать».

Контаминации могут подвергаться и идиомы, находящиеся между собой в парадигматических отношениях. Например, в следующем примере совмещены два фразеологизма, обладающие синонимическим значением (*einen Zacken haben* и *etwas in der Krone haben* – «быть навеселе»):

• *Wir drei Männer stiegen in eine unterirdische Weinkneipe, und nach vier Stunden **hatten wir zahlreiche Zacken in der Krone.*** („*Drei Männer im Schnee*“) – Мы, трое мужчин, спустились в винный погреб и, проведя там часа четыре, были изрядно навеселе.

Кроме того, в составе идиомы *einen Zacken haben* произведена замена, неопределённый артикль заменён лексемой *zahlreiche*, также указывающей на интенсивность степени действия.

• *Eine kurze Meldung besagt, dass die italienische Kronprinzessin mit ihren Kindern in der Schweiz eingetroffen ist. Für eine hessische Prinzessin auch der richtige Ort, **um abzuwarten, wie die Hasen laufen.*** („*Kriegstagebuch*“) – В коротком сообщении рассказали, что итальянская принцесса прибыла со своими детьми в Швейцарию. Это подходящее место и для какой-нибудь гессенской принцессы, чтобы пересидеть и посмотреть, чем дело кончится.

В этом примере происходит комплексная трансформация фразеологизма. В исходном выражении *wir werden ja sehen, wie der Hase läuft* – ‘поживём – увидим’ компонент ‘*sehen*’ заменён оборотом ‘*um abzuwarten*’, произошло наложение синонимичной идиомы *abwarten und Tee trinken*. Этот случай

интересен ещё и тем, что выражение включено в инфинитивный оборот, выражающий семантику цели „*um ... zu*“.

• *Oder ist gerade dort der Stein des Anstoßes ins Rollen gekommen?* („*Kriegstagebuch*“) – Или камень преткновения сдвинулся с места?

В этом предложении совмещены антонимичные выражения *der Stein des Anstoßes* (‘камень преткновения’) и *den Stein ins Rollen bringen* (‘дать делу ход’), контаминация основывается на общем компоненте в составе обоих выражений – *der Stein*.

3.4. Нарушение сочетаемости

Нарушение семантического согласования представляет собой «вид языковой игры с фразеологизмами, при котором структура и семантика фразеологизма не меняются, но нарушается семантическое согласование» [Полевщикова: 76]. Этот довольно редкий вид фразеологической модификации представлен в анализируемых произведениях несколькими примерами.

• *DORIS: Das Zimmer Sechs hat's hinter den Ohren.* („*Die Schule der Diktatoren*“) – ДОРИС: У комнаты номер шесть рыльце-то в пушку.

Выражение *es dick hinter den Ohren haben* означает ‘быть хитрым, ловким, пронырливым, быть большим пройдохой’. Формальное нарушение сочетаемости объясняется метонимией, потому что под словосочетанием *das Zimmer Sechs* имеется в виду персонаж.

Вот другой случай использования этого же приёма:

• *Doch Frau Kunkel trat bereits aus den Ufern.* („*Drei Männer im Schnee*“) – Но госпожа Кункель уже вышла из берегов.

Выражение *aus den Ufern treten* со значением ‘выступить из берегов’ в этом авторском употреблении получает значение «много говорить» на основе метонимии (переноса характеристики с речи непосредственно на говорящего).

В ряде случаев фразеологизм оказывается семантически трансформирован, поскольку включается в персонификацию, когда органам чувств и предметам присваиваются свойства, характерные для человека.

- *Wenn das so weitergeht, läuft sich mein Gehirn einen Wolf.* („Fabian“) – *Если дальше будет продолжаться в том же духе, мой мозг набьёт себе мозоли.*

В данном случае персонифицируется мозг, по отношению к которому использована идиома *sich einen Wolf gehen [reiten]* — ‘ссадить себе кожу ходьбой [верховой ездой]’. В этом случае мы имеем дело также с варьированием компонента. Хотя вариант *sich einen Wolf laufen* в словаре не приведён, исходя из вариантов *gehen* и *laufen*, можно сделать вывод о том, что такая вариативность также возможна.

- *Das hält mein Ehrgeiz nicht aus, das bricht meinem Kopf das Herz und meinem Herzen das Genick,* Jakob. („Fabian“) – *Моё честолюбие этого не выдержит, моей голове это разобьёт сердце, а моему сердцу ломает шею.*

В рамках предложения совмещены два выражения, обладающие общим глагольным компонентом: *das Herz brechen* — ‘разбить сердце, смертельно огорчить’; *sich das Genick brechen* — ‘сломать себе шею’. В этом примере за счёт нарушения сочетаемости фразеологизма (оба выражения, характеризующие состояние органов человеческого тела, описывают в узусе его самого) происходит персонификация соответствующих частей тела (головы и сердца).

- *Sie holt sich junge Kerle in die Nische, bezahlt für sie und gibt an, daß die Wände rot werden.* („Fabian“) – *Она отводит молодых парней в комнату, платит им и врёт так, что стены краснеют.*

Выражение *rot werden* «краснеть» используется применительно к людям, в этом же примере субъектом действия становятся стены.

- *Es ist so schön, dass man aus der Haut fahren könnte!* („Drei Männer im Schnee“) – *Это так прекрасно, что просто выходишь из себя!*

Фразеологизм *aus der Haut fahren* «выходить из себя» относится к семантическому полю негативных эмоций и описывает раздражение. Употреблённый после фразы *Es ist so schön, dass* он звучит парадоксально, но благодаря более широкому контексту (герой совершенно счастлив) становится ясно, что целью этого парадоксального высказывания является изображение силы положительных эмоций, захлестнувших героя.

3.5. Актуализация

Семантическое взаимодействие пословиц и поговорок с контекстом может основываться не только на их семантической близости, но и на определённых синтаксических средствах, как, например, лексемах-ограничителях, сопровождающих фразеологическую единицу в тексте (ср. [Dobrovol'skij, Lûbimova], [Wotjak 1992]). Фразеологизмы могут сопровождаться метакомментарием, который следующим образом описывается А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским на примере творчества Достоевского: «Некоторые черты стиля Достоевского проявляются в широком использовании лексем-ограничителей, в той или иной мере снимающих ответственность говорящих за свое высказывание – единиц типа *почти, вроде, как бы* (ср. hedges, по [Lakoff]). Поскольку идиомы часто содержат живой метафорический компонент, появление лексем-ограничителей вполне естественно, однако Ф.М. Достоевский использует не обычные для лексем-ограничителей *буквально, по образному выражению, как говорится, чуть не*, а лексемы, которые, по крайней мере, в современной речи, в сочетаниях с идиомами не употребляются» [Баранов, Добровольский 517—518].

Вот примеры, встреченные в произведениях Кестнера.

- *Er bückte sich, nahm den Scheck hoch, den Brief auch. Dann sagte er: „Nun ist der Bart ab!“ Etwas Passenderes fiel ihm nicht ein. („Drei Männer im Schnee“)* – Он нагнулся, поднял чек и письмо. Потом он сказал: «Ну вот и всё». Ничего более подходящего в голову ему не пришло.

• *Ach ja. Mir gefällt er. Aber das ist natürlich Geschmackssache.* („Drei Männer im Schnee“) – *Ну да. Мне он нравится. Но это, конечно же, дело вкуса.*

В первом случае актуализация происходит за счёт лексемы *nun* «*вот*», во втором пословица *das ist Geschmackssache* снабжена вводным словом *natürlich* «*конечно*», которое подчёркивает общий характер высказывания.

Комментарий, как правило, принадлежит автору, но также может быть и внутренним автокомментарием персонажа о том, насколько уместно употребление данного фразеологизма в конкретной ситуации. В следующем отрывке таким персонажем является повествователь:

• *Und als die Tochter schüchtern lächelnd seine Hand ergreift, als habe sie Angst, der Vater könne ihr sonst womöglich davonlaufen, da **hat er wahrhaftig, obgleich er Beinfleisch und keineswegs Knödel verspeist, einen Kloß im Hals!*** („Das doppelte Lottchen“) – *А когда дочка, застенчиво улыбаясь, берёт его за руку, будто опасаясь, что иначе папа сбежит, у него и вправду встаёт комок в горле, хотя он ест говядину, а вовсе не клёцки!*

В этом случае фразеологизм „*einen Kloß im Hals haben*“ «*иметь комок в горле*» вводится в предложение пассажем „*wahrhaftig, obgleich er Beinfleisch und keineswegs Knödel verspeist*“ (досл. ‘*в прямом смысле слова, хотя он ест говядину, а вовсе не клёцки*’). В данном случае мы имеем дело с буквализацией при введении фразеологизма в текст, характерным приёмом для детских произведений Кестнера.

Следующие примеры также сопровождаются автокомментарием, подчёркивающим такие черты пословицы, как всеобщность заложенного в них суждения – риторическая отсылка к авторитету.

• *Heute habe ich mir einen Tennisschläger gekauft. Für sechzig Mark. Na ja. Das Leben geht, wie gesagt, weiter.* („Kriegstagebuch“) – *Сегодня купила теннисную ракетку. За 60 марок. Ну да. Как говорится, жизнь идёт дальше.*

• *Aber ich möchte euch doch recht herzlich bitten, in dieser Beziehung etwas vorsichtig zu sein. Denn Vorsicht ist, wie man es so schön sagt, die Mutter der Porzellankiste. („Emil und die Detektive“) – Но я очень прошу вас быть поосторожнее. Ведь, как прекрасно сказано, бережёного Бог бережёт.*

В немецко-русском фразеологическом словаре [Немецко-русский фразеологический словарь] пословица имеет маркировку «разговорное», при этом из автокомментария говорящего можно сделать вывод, что она выбивается из общей тональности разговора между мальчишками.

• *Mein Vater, Gott hab ihn selig, pflegte zu sagen: Mein Vater, Gott hab ihn selig, pflegte zu sagen: ‚Auch wer morgens dreißig Schweine kauft, kann mittags nur ein Kotelett essen‘. („Drei Männer im Schnee“) – Мой покойный отец, царство ему небесное, говаривал; "Купишь утром хоть сорок хрюшек – в обед больше одной отбивной все равно не съешь" [Перевод Н. Бунина].*

В данном случае комментарий отсылает к опыту и мудрости отца говорящей героини.

• *Man muss die Feste feiern, wie sie fallen, mein Junge. („Drei Männer im Schnee“) – Нельзя упускать момент, мой мальчик (досл. ‚Праздники надо отмечать так, как они на нас выпадают, мой мальчик‘).*

За счёт обращения к собеседнику („mein Junge“ – «мальчик мой») происходит актуализация пословицы *Man muss die Feste feiern, wie sie fallen*, указывается на её прямую связь с ситуацией.

4. Стилистические модификации

Обыгрыванию может подвергаться стилистическая маркированность фразеологизма:

• *Und sage ich dir: Noch in deinem Paradies werden sie sich die Fresse hauen! („Fabian“) – А я тебе говорю: и в твоём раю они устроят друг другу мордобой!*

В этом примере комический эффект достигается за счёт несоответствия

«высокого» контекста грубой стилистической окрашенности фразеологизма.

Кестнер часто обыгрывает клишированность речи. В следующем примере он иронизирует над ограниченной сочетаемостью лексем в отдельных стилях речи (например, бюрократических документов):

- *Die Ehe ist nicht die richtige Ausdrucksform für mich!* („Fabian“) – Брак не подходящая для меня форма самовыражения.

Особого иронического эффекта автору удаётся достичь за счёт введения в нейтральный контекст высокого, «патетического» [Schemann] фразеологизма:

- *Das Glück lastete auf ihren Schultern wie viele Zentner Konfekt.* („Drei Männer im Schnee“) – Счастье давило на их плечи как пара сотен килограммов конфет.

Одновременно нарушена семантическая сочетаемость выражения *auf jmdm.ds. Schultern lasten* «лежать на чьих-либо плечах, обременять кого-л.»' благодаря чему особенно эмоционально передаются переживания героев²¹.

---

²¹ Подробнее о стилистической характеристике фразеологизмов и их взаимодействии с контекстом см. гл. II.

Заключение

1. Первые описания и собрания паремий выполнялись в сугубо прикладных целях: для составления речей, написания трактатов, обучения учителей. Интерес к фразеологии как к важному стилистическому средству был вызван потребностью строить эффектную риторическую аргументацию в дискуссиях и дидактических текстах на народном языке в эпоху Реформации. Следующий пик интереса связан с увлечением романтиками фольклором. Накопление материала продолжалось в течение восьми веков (XI—XIX вв.), но первые описания фразеологической системы языка начинают появляться только в конце XIX в.

2. Проведённый В.В. Виноградовым семантический анализ структуры несвободных фразеологических групп лёг в основу его классификации, различающей *фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания*. Предложенная советским учёным система задавала вектор последующим исследованиям, как отечественным, так и зарубежным.

3. Подход к описанию фразеологических явлений, предложенный В. В. Виноградовым, задавал вектор последующих исследований, как отечественных, так и зарубежных. Описание фразеологических структур других языков выявило их особенности по сравнению с русским. Так, немецкие идиомы обладают большей вариативностью компонентов, чем аналогичные русские языковые единицы, что, однако, не отменяет их строгой структуры и ограничения на формальные модификации.

4. При описании фразеологических структур других языков был выявлен ряд их особенностей по сравнению с русским. Так, немецкие идиомы обладают большей вариативностью компонентов, чем аналогичные русские языковые единицы, что, однако, не отменяет строгой структуры и ограничения на формальные модификации.

5. За последние десятилетия отечественными и зарубежными

германистами был проведён ряд подробных исследований функционирования фразеологизмов в разных функциональных типах текстов. Как следствие, были пересмотрены и расширены параметры описания употребления фразеологии в художественных текстах. Говоря об авторской фразеологии в конкретном литературном произведении, необходимо осветить следующие вопросы: описать функции фразеологизмов в художественном тексте; определить, использование каких видов фразеологизмов из описанных стилистически значимо для художественного текста и конкретного идиостиля; охарактеризовать использование фразеологии в текстах различных жанров одного автора, а также сопоставить фразеологию художественных и нехудожественных текстов одного автора.

6. Проанализированные примеры показывают, что номинативная функция идиом становится центральной для стиля Э. Кестнера. Это объясняется эстетическими установками направления «Новая вещественность» (объективность повествования, репортажный стиль), которые распространяются не только на произведения для взрослых, но и на детские произведения.

7. В работе отмечены закономерности, характерные для отдельных жанров произведений Э. Кестнера. Экспрессивно маркированные идиомы, выполняющие номинативную функцию, наиболее частотны в повестях „Drei Männer im Schnee“, „Emil und die Detektive“, „Fabian“, что можно объяснить ироничным тоном указанных произведений. Доля стилистически нейтральных номинативных идиом выше всего в стилистически сдержанном дневнике „Kriegstagebuch“ и в пьесе „Die Schule der Diktatoren“, которая предоставляет зрителям возможность самим вынести оценку происходящим событиям. В детских произведениях доля фразеологизмов, выполняющих эмотивную функцию, и соматических фразеологизмов значительно выше, чем в произведениях для взрослых. В дальнейшем следует сопоставить эти результаты с функциями других видов фразеологических единиц.

8. В детских произведениях оказывается важной наглядность, которая является основной отличительной чертой соматизмов, в то время как в произведениях для взрослых писателю важны другие качества идиом (стилистическая маркированность, экспрессивность). При этом использование соматизмов в детских текстах может рассматриваться как один из способов знакомства маленьких читателей с фразеологическим пластом языка.

9. Фразеологизмы несут и текстообразующую функцию, взаимодействуя с контекстом и обеспечивая тематическую целостность произведения. При этом важную роль играет синтаксическое позиционирование фразеологического выражения в контексте. Кроме того, во фразеологии находит выражение множество важных для творчества писателя концептов и лейтмотивов, перекликающихся в разных произведениях. Вместе с тем важно отметить, что семантика фразеологической единицы в каждом конкретном случае определяется контекстом.

10. Абсолютное большинство фразеологии, используемой Э. Кестнером, имеет нейтральную или разговорную стилистическую характеристику. Единицы, помеченные в словаре как «фамильярное» или «грубое», используются в речи персонажей для стилизации сленга. Если фразеологизмы, свойственные юридической, солдатской или поэтической речи, оказываются в нейтральном или разговорном контексте, то это обеспечивает определённый стилистический эффект (как правило, иронический). Однако употребление выражений такого рода может объясняться и большей связью сленговых выражений с денотатом.

11. На материале прозы Э. Кестнера можно выделить следующие функции фразеологических единиц:

- • автохарактеристика персонажа (сленговые выражения, канцеляризм);

- • ориентация на адресата, установление с ним контакта. При этом взаимодействие с адресатом обеспечивается в первую очередь за счёт иронического тона: например, может обыгрываться стилистическое несоответствие фразеологизма контексту художественного произведения;
- • формирование полифонии (многоголосия) текста за счёт сильной стилевой или социальной привязанности. Фразеологизмы, имеющие ярко выраженную стилистическую окраску, используются как средство речевой характеристики персонажей (разговорные и просторечные ФЕ вводятся для выражения близости персонажа к народу, для речевой характеристики персонажа с высокой культурой применяются книжные ФЕ);
- • выражение идеологической позиции, например, за счёт появления юридического или солдатского сленга в ироничном контексте;
- • эмоциональная оценка.

12. Модификация фразеологических единиц широко распространена в проанализированных произведениях. Модификация идиом является типичной чертой авторского стиля Э. Кестнера. Из 309 идиом, отобранных методом сплошной выборки по произведениям Кестнера, 47 модифицированы, а в 18 случаях демонстрирует вариативность компонентов. Результаты подсчёта представлены в следующей таблице.

произведение	количество идиом	модиф. всего	доля модификаций в %
D	24	6	25%
E	46	4	10%
F	58	15	25%
Fl	36	5	8%
Kr	44	11	25%
L	30	5	18%
M	71	15	21%
Всего	309	47	15%

Таблица VI. Модификация фразеологических единиц в прозе Э. Кестнера.

Выше всего доля модифицированных идиом в произведениях для взрослых: 25% в романе „Fabian“ и в пьесе „Schule der Diktatoren“, 25% в дневнике „Kriegstagebuch“, 21% в повести „Drei Männer im Schnee“ (в ней же количество обыгранных фразеологических единиц выше всего и по абсолютному числу). Во всех детских повестях количество модифицированных идиом значительно ниже: в повести „Das doppelte Lottchen“ обнаружено всего 5 случаев трансформации фразеологического выражения.

13. Можно наблюдать следующую частотность различных приёмов модификации:

формальные трансформации	19	расширение	5
		замена	11
		усечение	3
синтаксические трансформации	9	номинализация	1
		изменение грамматической формы	8
семантические трансформации	19	буквализация	5
		метафоризация	4
		контаминация	3
		нарушение сочетаемости	6
		актуализация	1

Таблица VII. Модификация фразеологических единиц в прозе Э. Кестнера.

14. Для взрослой прозы Э. Кестнера характерно употребление ФЕ в изменённом виде, формальная и семантическая модификация фразеологизмов. Для детской прозы это явление не характерно.

15. Основные функции трансформации фразеологизмов в произведениях

Кестнера:

- повышение экспрессивности высказывания;
- комический эффект;
- нагнетание какой-либо темы путём повторения одного и того же образа;
- характеристика персонажа (за счёт использования им стилистически маркированных фразеологизмов или за счёт «говорящей» внутренней формы фразеологизма),
- образование на базе фразеологизма развёрнутой метафоры, что даёт возможность играть свободным и связанным значениями фразеологизма.

16. Трансформация фразеологизмов характерна скорее для разговорной речи или публицистики. Использование модификации в произведениях Кестнера свидетельствует об общей тенденции к изменению стиля немецкой художественной прозы 1920–1930-х годов.

17. Кестнер широко использует разнообразные скрытые возможности фразеологии как изобразительного средства. Модификация может служить средством характеристики персонажа в зависимости от того, использует ли её сам автор или персонаж, герой-ребёнок или герой-взрослый, положительный герой или отрицательный (надо отметить, что отрицательные герои у Кестнера, как правило, совершенно не обладают чувством языка и, как следствие, довольно редко используют модифицированные ФЕ). Одни и те же виды модификации ФЕ регулярно встречаются в речи одних и тех же персонажей и тем самым характеризуют их.

18. Исследования такого рода могут способствовать выработке нового подхода к словарной статье во фразеологическом словаре. Зачастую трудно провести грань между окказиональным и узуальным употреблением ФЕ, поскольку варианты не зафиксированы в словарях. Вопрос о соблюдении или нарушении узуса при подобных употреблениях можно разрешить, используя данные корпуса.

Перечень принятых сокращений

D	Die Schule der Diktatoren
E	Emil und die Detektive
F	Fabian. Die Geschichte eines Moralisten
Fl	Das fliegende Klassenzimmer
Kr	Kriegstagebuch
L	Das doppelte Lottchen
M	Drei Männer im Schnee
кн.	книжное
нейтр.	нейтральное
разг.	разговорное
разг.фам.	разговорное фамильярное
груб.	грубое

Библиография

Словари и энциклопедии

1. Большой немецко-русский словарь по общей лексике. Лепинг Е.И., Страхова Н.П., Филичева Н.И. и др. Под общ. рук. Москальской О.И. М., 2004.
  2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
  3. Немецко-русский словарь активной лексики. Под ред. Любимовой З. М., 2003.
  4. Немецко-русский словарь разговорной лексики. Девкин В.Д. М., 1994.
  5. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. Под ред. Мальцевой Д.Г. М., 2004.
- Немецко-русский фразеологический словарь. Сост. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н., под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. М., 1975.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1988.
  7. Русско-немецкий разговорник. АВВУУ, 2008.
  8. Русско-немецкий словарь крылатых слов. Под ред. Афонькина Ю.Н. М., 2004.
  9. Русско-немецкий словарь по общей лексике. Под ред. Цвиллинга М.Я. М., 2005.
  10. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок. Под ред. Цвиллинга М.Я. М., 2001.
  11. Русско-немецкий учебный словарь. Иванова Е.А. и др. М., 2008.
  12. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006.
  13. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Hrsg. von Wander, Karl Friedrich Wilhelm. 5 Bände, Brockhaus, Leipzig 1867–1880

14. Die Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes in alter und neuer Zeit. Hrsg. von Eiselein, Joseph. Donauöschingen, 1838.
15. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Л., 1962.
16. Duden: Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion: Prof. Dr. Günther Drosdowski, Dr. Wolfgang Müller, Dr. Werner Scholze-Stubenrecht, Dr. Matthias Wermke. Bearbeitet von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Duden Bd. 11. 1992.
17. Küpper, Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart, 1987.
18. Lilliput Berlinerisch, bearb. von Jens Runkehl, hrsg. von der Langenscheidt-Redaktion. Berlin, München, 2003.
19. Metzler Lexikon Literatur. Hrsg. von Günther und Irmgard Schweikle. 3., völlig neu bearbeitete Ausgabe. Stuttgart – Weimar, 2007.
20. Schemann, Hans. Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart-Dresden, 1993.

Отечественные исследования

21. Автономова С.Я. Textoобразующие функции фразеологизмов // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии: Тезисы докладов Республиканской межвузовской научной конференции. Новгород, 1991.
22. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 2005.
23. Андреев Л.Г., Самарин Р.М. (ред.) История зарубежной литературы после октябрьской революции, ч. I. М., 1969.
24. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного анализа // Вопросы языкознания. М., 1995. № 1, 37–67.
25. Арутюнова Н.Д. Функции языка // Русский язык. Энциклопедия. Под ред. Ю.Н. Караулова. 2-е издание. М., 1998.

26. Архипкина Л.В. Немецкие фразеологические единицы с компонентами-соматизмами в лингвокогнитивном и культурном аспектах: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2007.
27. Балакай А.Г. Словарь повести И.С. Шмелёва «Лето Господне» (Проект). Новокузнецк (МОУ ДПО ИПК), 2007.
28. Балакай А.Г. Фразеология в текст и фразеология текста (о понятии «фразеология» применительно к авторскому словарю) // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения): Материалы международного научного симпозиума. 4—6 мая 2009 г. Стр. 11 — 13.
29. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
30. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
31. Белявский С.Н. Фразеологизмы говорят о многом. Минск, 1997.
32. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.
33. Будагов Р.А. Шарль Балли и его работы по общему и французскому языкознанию // Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
34. Вальтер Х., Мокиенко В.В. Историческая фразеография в сопоставительной перспективе. // Почему немцы так говорят? Загадки немецкой фразеологии. Грайфсвальд, 2007.
35. Виноградов 1963: Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
36. Виноградов 1977: Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. Стр. 140-161.
37. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
38. Гальперин И.Р. Некоторые типологические особенности английского языка XVI в. // Типология германских языков. М., 1976. Стр. 92—107.

39. Данилевская Н.В. Стилиевые функции речевых разновидностей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2006.
40. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М., 2004.
41. Красных В.В. Этнолингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
42. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
43. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М., 1972.
44. Лаврушина Е.В. Фразеология как компонент идиостиля И.С. Тургенева и проблемы сохранения этого компонента в иноязычных переводах произведений писателя: АКД. М., 1999.
45. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М., 2004.
46. Лейчик В.М. Тенденция к аналитизму – закономерная тенденция языка / речи в современную эпоху. // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. М., 2006. С. 37—47.
47. Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М., 2006. С. 41—49.
48. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.
49. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
50. Молотков А.И. Понятие формы фразеологизма // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе: тезисы докладов межвузовской научной конференции, 30 мая – 2 июня 1965 г. Череповец, 1965.
51. Пастушенко Л.П. Английские фразеологические единицы в составе фразеологического поля: дис. канд. филол. наук. Киев, 1982.

52. Полевщикова А.С. Языковая игра в романе А. Мушга „DER ROTE RITTER. EINE GESCHICHTE VON PARZIVÂL“ (1993) (на материале немецкого языка): дис. канд. филол. наук. М., 2011.
53. Попкова М.В. Текстовые функции предметных фразеологизмов в мемуарах Г. Иванова «Петербургские зимы». // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). Под ред. Мокиенко В.В. и др. Кострома, 2006. С. 251—254.
54. Пшеничнова Н.Н. Диалект // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е издание. М., 1998. С. 112—114.
55. Сагирян И.Г. Функциональное своеобразие фразеологических единиц в языке произведений М.А. Булгакова // Тезисы III Международного конгресса исследователей русского языка Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2007. С. 681-682.
56. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
57. Силина В.Б. Контаминация. // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Караулов Ю.Н.. 2-е издание. М., 1998. С. 197—198.
58. Скворцов Л.И. Жаргон. // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Караулов Ю.Н. 2-е издание. М., 1998. С. 129—130.
59. Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
60. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка: Учебное пособие для студентов лингвистических вузов. М., 2003.
61. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1998.
62. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.

63. Фокина М.А. Роль фразеологии в организации идиостиля А.М. Ремизова (на материале повестей «Часы», «Неуёмный бубен», «Крестовые сёстры», «Пятая язва», «Канавы»). Автореферат ... канд. филол. наук. Орёл, 1995.
64. Чернышёва И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
65. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

Зарубежные исследования

66. Bäcker, Sabine. Neue Sachlichkeit // Metzler Lexikon Literatur. Hrsg. von Günther und Irmgard Schweikle. 3., völlig neu bearbeitete Ausgabe. Stuttgart – Weimar, 2007. S. 53
67. Bäcker, Sabine. Neue Sachlichkeit. Bd. 1. Die Ästhetik der neusachlichen Literatur (1920-1933). Köln, 2000.
68. Bäcker, Sabine. Neue Sachlichkeit. Bd. 2. Quellen und Dokumente. Köln, 2000.
69. Barz, Irmhild. Okkasionalismen in Phraseologie und Wortbildung. Ein Vergleich. // brücken. Germanisches Jahrbuch DDR – CSSR (1987 / 1988). 1988. S. 346—358.
70. Becher, Sabina; Maack, Ute. Das literarische und publizistische Werk. // Kurt Tucholsky. Das literarische und publizistische Werk. Hrsg. Von Sabina Becher, Ute Maack. Darmstadt, 2002.
71. Beutker, Kurt. Erich Kästner. Eine literaturpädagogische Untersuchung. Weinheim und Berlin, 1967.
72. Bloch, Bernhard. A Set of Postulates for Phonemic Analysis. // Language 24, 1948. P. 3-46.
73. Bossmann R. Erich Kästner. Werk und Sprache. Curitiba, 1955.
74. Bravo, Nicole. Rhetorik und Phraseologie im Text „Das Lied von der großen Kapitulation“ (in Bertolts Brechts „Mutter Courage und ihre Kinder“) // Buhofer, A.H./ Burger, H./Gautier, L. (Hrsg.) Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer

Phraseologie. Festschrift für Gertrud Greciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren, 2001. S. 135—149.

75. Buhofer, Annlies Häcki. Psycholinguistik der lexikalischen Lebendigkeit Phraseologismenkenntnis in verschiedenen Lebensaltern am Beispiel einiger schweizerdeutscher Phraseologismen. // Buhofer, Annlies Häcki (Hrsg.) Spracherwerb und Lebensalter. Tübingen, Basel 2002. S. 279—292.

76. Bülow, Ulrich von. Nachwort. // Erich Kästner. Das Blaue Buch. Kriegstagebuch und Roman-Notizen. Herausgegeben von Ulrich von Bülow und Silke Becker. Deutscher Literaturarchiv Marbach, 2006. S. 291—311.

77. Burger, Harald. Dobrovolskij, Dmitrij. Kühn, Peter. Norrick Neal R. Vorwort // Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 1. Halbband. Walter de Gruyter, Berlin – New York 2007.

78. Burger 1973: Burger, Harald. Idiomatik der Deutschen. Tübingen, 1973.

79. Burger 2010: Burger, Harald. Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen. 4., neu bearbeitete Auflage. Berlin, 2010.

80. Burger, H., Buhofer, A., Sialm, A. (Hrsg.). Handbuch der Phraseologie. Berlin, 1982.

81. Christophe, Alain. Literarischer Phrasemgebrauch in Stefan Zweigs Schachnovelle. // Phraseme in Kontext und Kontrast. Hrsg. von Gertrud Greciano, Annely Rothkegel. Bochum, 1997. S. 17—29.

82. Crede, Claudia; Lakemper, Udo. Empirische Untersuchungen zur Phraseologie in Ruhrgebiet. // “Das geht auf keine Kuhhaut” .Arbeitsfelder der Phraseologie. Akten des Westfälischen Arbeitskreises Phraseologie / Parömiologie 1996 (Bochum). Hrsg. von Dietrich Hartmann.

83. Cowie A.P. Exploring native-speaker knowledge of phraseology: informant testing or corpus research? // Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen. Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität der Phraseologie. Baltmannsweiler, 2003. S. 73—82.

84. Danielsson, Eva. Der Bedeutung auf den Fersen. Studien zum muttersprachlichen Erwerb und zur semantischen Komplexität ausgewählter Phraseologismen im Deutschen. Uppsala 2007.
85. Dobrovol'skij D., Lûbimova N. „Wie man so schön sagt, kommt das gar nicht in die Tüte“. Zur metakommunikativen Umarmung von Idiomen // Deutsch als Fremdsprache. 3, 1993
86. Doderer, Klaus. Erich Kästner. Lebensphasen - politisches Engagement - literarisches Wirken. Weinheim, München 2002.
87. Doyle, George Clay. Historical phraseology of English // Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung, 1. Halbband. Walter de Gruyter, Berlin – New York 2007. P. 1078—1092.
88. Ďurčo, Peter. Empirische Daten zur Sprichwörtervariabilität. // Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie. Hrsg. Von Harald Burger, Annelies Häckle Buhofer, Gertrud Gréciano. Baltmannsweiler 2003. S. 83 – 85.
89. Ďurčo, Peter. Bekanntheit, Häufigkeit und lexikographische Erfassung von Sprichwörtern. Zu parömiologischen Minima für DaF. // Buhofer, A.H., Burger, H., Gautier, L. (Hrsg.) Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertrud Gréciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren, 2001. S. 99—105.
90. Eismann, Wolfgang. Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektiven in der Phraseologie. // Buhofer, A.H./ Burger, H./Gautier, L. (Hrsg.) Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertrud Gréciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren, 2001. S. 107—121.
91. Erbßen, J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1958.
92. Fleischer, Wolfgang. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchgesehene und ergänzte Auflage. Tübingen, 1997.

93. Geier, Ruth; Sternkopf, Jochen. Bildungssprachliche Phraseologismen? Zur Markierung in Duden, Band 11.// DaF, Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. H. 2. Berlin, 1997.
94. Geier, Ruth; Sternkopf, Jochen. Zwischen Baum und Charybdis: Wirklichkeit und Wörterbuch in der deutschen Phraseologie. // Muttersprache Nr. 2 (2000), S. 137—149.
95. Greciano, Gertrud. Text-, Sprach- und Weltwissen. // Bravo, N.F. (Hrsg.) Phraseme und typisierte Rede. Europagermanistik 14. 1999.
96. Grzybek, Peter. Das Sprichwort im literarischen Text. // Sabban, A. / Wirrer, J. (Hrsg.): Sprichwörter und Redensarten im interkulturellen Vergleich. Opladen, 1991. S. 187—205.
97. Gülich, Elisabeth; Krafft, Ulrich. Zur Rolle des Vorgeformten in Textproduktionsprozessen. // Phraseologismen in Text und Kontext. Hrsg. von Jan Wirrer. Bielefeld, 1987. S. 11—32.
98. Häcki Buhofer, Annelies. Psycholinguistik der lexikalischen Lebendigkeit Phraseologismenkenntnis in verschiedenen Lebensaltern am Beispiel einiger schweizerdeutscher Phraseologismen. // Spracherwerb und Lebensalter. Hrsg. von Annelies Häcki Buhofer. Tübingen, Basel, 2002. S. 279—292.
99. Hallsteinsdottir, Erla. Das Verstehen idiomatischer Phraseologismen in der Fremdsprache Deutsch. Hamburg, 2001.
100. Herzenstiel, Werner. Erziehungserfahrung im deutschen Sprichwort: Theorie einer freiheitlichen Erziehungspraxis. Saarbrücken, 1973.
101. Hammer, Françoise. Okkasionelle Abwandlungen von Phraseologismen (am Beispiel der Paarformeln). In: DaF. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. H. 4. München, 1997. S. 228—234.
102. Juska-Bacher, Britta. Empirisch-kontrastive Phraseologie am Beispiel der Bekanntheit der Niederländischen Sprichwörter im Niederländischen, Deutschen und Schwedischen. Hohengehren, Baltmannsweiler, 2009.

103. Kim-Werner, Samhwa. Phraseologismen unter zweisprachigem lexikographischem Aspekt. // „Das geht auf keine Kuhhaut“ .Arbeitsfelder der Phraseologie. Akten des Westfälischen Arbeitskreises Phraseologie / Parömiologie 1996 (Bochum). Hrsg. von Dietrich Hartmann.
104. Kunkel, Kathrin. Phraseologische Modifikation und Textsorten. // brücken. Germanisches Jahrbuch DDR – CSSR (1987 / 1988). 1988. S. 374—383.
105. Kühn, P. Pragmatische Phraseologie: Konsequenzen für die Phraseographie und Phraseodidaktik. // Sandig, B.(Hrsg.) EUPHRAS 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Bochum, 1994. S. 411—428.
106. Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Journal of philosophical logic 2. 1973. P. 459—508.
107. Lethen, Helmut. Neue Sachlichkeit 1924—1932. Studien zur Literatur des „Weißen Sozialismus“. Stuttgart, 2000.
108. Meier, Helmut. Deutsche Sprachstatistik, mit einem Geleitwort von Lutz Mackensen. Erster Band mit 10 Abbildungen, 57 Tafeln und 2 Farbtafeln. Hildesheim, 1964.
109. Mieder 1973: Mieder, Wolfgang. Günter Grass und das Sprichwort. // Muttersprache Nr. 83 (1973), S. 64—67.
110. Mieder 1975: Mieder, Wolfgang. Sprichwörter im modernen Sprachgebrauch. // Muttersprache Nr. 85 (1975), S. 65—89.
111. Mieder 1978: Mieder, Wolfgang. Sprichwörtliche Schlagzeilen in der Wochenzeitung // Muttersprache Nr. 88 (1978), S. 93—105.
112. Mieder 1985: Mieder, Wolfgang. Sprichwort, Redensart, Zitat. Tradierte Formelsprache in der Moderne. Bern / Frankfurt (Main) / New York, 1985.
113. Mieder 1983: Mieder, Wolfgang. Deutsche Sprichwörter in Literatur, Politik, Presse und Werbung. Hamburg, 1983
114. Mieder 1998: Mieder, Wolfgang. „Der Mensch denkt: Gott lenkt – keine Red davon!“ Sprichwörtliche Verfremdungen im Werk Bertolt Brechts (Sprichwörterforschung, Bd. 20). Bern, 1998.

115. Norbert Dittmar. Grundlagen der Soziolinguistik. Tübingen 1997.
116. Moon 2001: Moon, Rosamund. Frequencies and Forms of Phrasal Lexemes in English // *Phraseology. Theory. Analysis and Applications*. Edited by A.P. Cowie. Oxford, 2001.
117. Moon 2007: Moon, Rosamund. Corpus linguistic approaches with English corpora // *Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*, 2. Hlb. Hrsg. von Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij, Peter Kuhn & Neal R. Norrick. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 1045—1059.
118. Oskaar, Els. Idiolekt. // Ammon, Ulrich; Dittmar, Norbert ;Mattheier, Klaus (Hgg.). *Soziolinguistik I*, Berlin/New York (de Gruyter), 1987.
119. Palm 1997: Palm, Christine. *Phraseologie: Eine Einführung*. Tübingen, 1997.
120. Palm 1999: Palm Meister, Christine. *Phraseologie im literarischen Text am Beispiel von Morgenstern, Kafka, Brecht, Thomas Mann und Christa Wolf*. // Bravo, N.F. (Hrsg.) *Phraseme und typisierte Rede*. *Europagermanistik* 14. 1999. S. 111—120.
121. Palm 2001: Palm Meister, Christine. *Hommage für eine „Courage“*. Ein phraseologisches Sprachporträt der Mutter Courage im gleichnamigen Stück von Bertolt Brecht. // Buhofer, A.H./ Burger, H./Gautier, L. (Hrsg.) *Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie*. Festschrift für Gertrud Greciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren, 2001. S. 187—197.
122. Palm 2002: Palm Meister, Christine. *Zum Spracherwerb von deutschen Phraseologismen bei schwedischen Muttersprachlern im universitären Germanistik-Curriculum an der Universität Uppsala, Schweden*. // Buhofer, Annelies Häcki (Hrsg.) *Spracherwerb und Lebensalter*. Tübingen, Basel, 2002. S. 119—124.
123. Peukert, Detlef J. *Die Weimarer Republik: Krisenjahre der Klassischen Moderne*. Frankfurt am Main, 1987.

124. Phraseologie. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin, New York, 2007.
125. Piirainen, Elisabeth. Areale Aspekte der Phraseologie: Zur Bekanntheit von Idiomen in den regionalen Umgangssprachen. // Flut von Texten – Vielfalt von Kulturen: Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifik der Phraseologie. Hrsg. von Harald Burger, Annelies Häckle Buhofer, Gertrud Gréciano. Baltmannsweiler 2003. S. 117—128.
126. Poliask, Janusz. Zu Status und Funktion der idiomatischen Einheiten in Presstexten. Frankfurt am Main, 2007.
127. Rauch, Marja. Erich Kästner: Fabian. Oldenburg, 2001.
128. Richter-Vapaatalo, Ulrike. Da hatte das Pferd die Nüstern voll. Gebrauch und Funktion von Phraseologie im Kinderbuch. University of Helsinki, 2007.
129. Riesel 1954: Riesel E.G. Abriss der deutschen Stilistik. M., 1954.
130. Riesel 1959: Riesel E.G. Stilistik der deutschen Sprache. M., 1959.
131. Rothkegel, A. Phraseme: Fenster zu Textkohärenz. // Gréciano, G. (Hrsg.) Micro- et macroèxemes et leur figement discursif. Louvain, 2000. S. 233—246.
132. Sabban, Annette. „Die dümmsten Bauern haben nicht mehr die dicksten Kartoffeln“ – Variationen von Sprichwörtern im und als Text. // Sabban, A. / Wirrer, J. (Hrsg.): Sprichwörter und Redensarten im interkulturellen Vergleich. Opladen, 1991. S. 83—108.
133. Sandig, Barbara. Stilistische Funktionen von Phrasemen // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung, 1. Hlb. Hrsg. von Harald Burger, Dmitrij Dobrovol'skij, Peter Kuhn & Neal R. Norrick. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 158—175.
134. Seiler, Friedrich. Deutsche Sprichwörterkunde. München, 1922.
135. Steyer, Kathrin. Kookkurenz: Koprismethodik, linguistisches Modell, lexikographische Perspektiven. // Wortverbindungen – mehr oder weniger fest. Hrsg. von Kathrin Steyer. Berlin, 2004. S. 87—116.

136. Veith, Werner H. Soziolinguistik. Ein Arbeitsbuch. 2. Auflage, Tübingen, 2005.
137. Winhart, Heike. Funktionsverbgefüge im Deutschen. Zur Verbindung von Verben und Nominalisierungen. Tübingen, 2005.
138. Wotjak, Barbara; Richter, Manfred. sage und schreibe. Deutsche Phraseologismen in Theorie und Praxis. 3., durchgesehene Auflage. 1994.
139. Wotjak 1992: Wotjak B. Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen, 1992.
140. Wotjak 2001: Wotjak, Barbara. Phraseologismen im Lernwörterbuch – Aspekte der Phraseologiedarstellung im Gruyter-Wörterbuch Deutsch als Fremdsprache // Buhofer, A.H./ Burger, H./Gautier, L. (Hrsg.) Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertrud Greciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren, 2001. S. 263—279.

Электронные источники

141. COSMAS II. Corpus Search, Management and Analysis System. Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2>.
142. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Die Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. URL: www.dwds.de.
143. Redensarten-Index. URL: <http://www.redensarten-index.de>.
144. WÖRTERBUCH FÜR SYNONYME. URL: <http://www.synonyme.de>.

Источники языкового материала

145. Erich Kästner. Ausgewählte Prosa und Gedichte. M., 1985.
146. Erich Kästner. Das doppelte Lottchen // Kästner für Kinder, 2004. Bd. 1.
147. Erich Kästner. Das fliegende Klassenzimmer // Kästner für Kinder. Bd. 2. Zürich, 2004.
148. Erich Kästner. Die Schule der Diktatoren. Berlin, 1976.

149. Erich Kästner. Drei Männer im Schnee.
150. Erich Kästner. Emil und die Detektive // Kästner für Kinder, 2004. Bd. 1.
151. Erich Kästner. Emil und die Detektive. Berlin, 1970.
152. Erich Kästner. Fabian. Die Geschichte eines Moralisten. // Erich Kästner. Gesammelte Schriften in sieben Bänden. Bd. 2. Romane.
153. Erich Kästner. Zeitgenossen, haufenweise. Gedichte. München Wien 1998 / 2003.
154. Erich Kästner. Die Schildbürger. Deutscher Taschenbuch Verlag. München, 1976.
155. Erich Kästner. Das Blaue Buch. Kriegstagebuch und Roman-Notizen. Herausgegeben von Ulrich von Bülow und Silke Becker. Herausgeber: Deutscher Literaturarchiv Marbach, 2006.

Переводы

156. Эрих Кестнер для взрослых. Перевод Н. Бунина. М., 1995.
157. Эрих Кестнер. Эмиль и сыщики. Перевод Л. Лунгиной. М., 1985.